ПКМ
13250/63 V

НРАВСТВЕННАЯ ПЕДАГОГИКА.

ИЛИ ОБЩЕПОНЯТНОЕ ИЗЛОЖЕНІЕ ОСНОВНЫХЪ НАЧАЛЪ НРАВСТВЕННАГО ВОСПИТАНІЯ.

РУКОВОДСТВО ДЛЯ УЧАЩИХСЯ ВЪ ЖЕНСКИХЪ СРЕДНЕУЧЕБНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЯХЪ, УЧИТЕЛЬСКИХЪ СЕМИНАРІЯХЪ И ИНСТИТУТАХЪ

и для образованныхъ матерей.

К. Гюнцбурга.

„И какъ хотите, чтобы поступали съ вами другіе, такъ и вы поступайте съ ними“. Отъ Луки, 6, 31.

МОСКВА.
Въ Университетской типографіи (Катковъ),
на Страстномъ бульварѣ.
1876.

Дозволено цензурой. Москва, 2-го октября 1875 года.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Настоящій курсъ Нравственной Педагогики есть третья часть составленныхъ мною и еще неизданныхъ Педагогическихъ Бесѣдъ, назначенныхъ для учащихся въ женскихъ средне-учебныхъ заведеніяхъ, учительскихъ семинаріяхъ и институтахъ.

Педагогика вообще излагаетъ основныя понятія, положенія и правила, относящіяся до физическаго, умственнаго и нравственнаго воспитанія. Но, не смотря на одинаковую важность всѣхъ сторонъ воспитанія, онѣ отличаются одна отъ другой своими методами и пріемами. Что касается до нравственнаго воспитанія, оно обращаетъ на себя особенное вниманіе по причинѣ той насущной потребности въ немъ, которая чувствуется въ общежитіи.

Крестьянскій ребенокъ, чуждый всякой гигіены, однѣми силами своего организма, физически развивается несравненно лучше, чѣмъ барское дитя, воспитывающееся подъ руководствомъ врача, при всѣхъ мѣрахъ предосторожности, указываемыхъ наукою.

За то, въ отношеніи умственнаго развитія между тѣмъ и другимъ ребенкомъ лежитъ бездна, потому что умственное развитіе совершается не одними чувствами, здравымъ смысломъ и внѣшними возбудителями ихъ. Посредствомъ этихъ факторовъ, ребенокъ воспринимаетъ въ себя лишь индивидуальныя явленія, ограниченныя въ пространствѣ и времени. Здѣсь необходимо еще участіе новаго фактора, который бы служилъ посредникомъ между духовными силами воспитанника и учебнымъ матеріаломъ. Помѣстите крестьянскаго мальчика въ Императорскую библіотеку съ ея милліономъ книгъ, и онъ, самъ собою, не съумѣетъ черпать изъ нея пищу для духа, если не дадите ему руководителя, который

бы указалъ ему на ведущій къ познанію путь и на пріемы, способствующіе духу къ обнаруженію его познавательной способности, потому что наука слагается изъ общихъ положеній, аксіомъ, принциповъ, дефиницій, классификацій и т. д., недоступныхъ одному чувственному созерцанію.

Условія нравственнаго воспитанія опять другія. Человѣкъ самъ собою не пріобрѣтаетъ способности дѣлать добро и избѣгать зла, хотя задатки того и другаго коренятся въ специфическомъ свойствѣ воли его, въ его характерѣ. По врожденному чувству самосохраненія у него, какъ у животнаго, преобладаетъ наклонность исполнять свои желанія и удовлетворять своимъ потребностямъ, не взирая ни на что. Только нравственное воспитаніе заставляетъ его сдержать свой эгоизмъ и согласовать стремленія своей воли съ потребностями другихъ. Воспитаніе это отличается отъ умственнаго тѣмъ, что обращается прямо къ *волѣ*, а не къ уму и разуму, пріучая ребенка дѣйствовать такъ, а не иначе.

Какъ народныя пѣсни передаются изъ поколѣнія въ поколѣніе по одной наслышкѣ, такъ и нормы нравственныхъ поступковъ сообщаются наглядно отъ предковъ потомкамъ и отъ старшихъ младшимъ. Видя, какъ поступаютъ родители въ отношеніи къ другимъ, дѣти безсознательно привыкаютъ подражать имъ, или же принуждаются къ тому силою родительской власти. Къ такому практическому упражненію въ нравственности, безграмотная крестьянка въ состояніи пріучать своего ребенка, коль скоро она сама къ тому съизмала пріучена. Единственные пріемы нравоученія, которые у ней имѣются, суть: „*нельзя*; *Богъ не велитъ*; *Богъ накажетъ, когда не будешь слушаться.*“ Но это еще не нравственное воспитаніе, а дрессировка. Истинное нравственное воспитаніе имѣетъ цѣлью, направить волю къ добру по внушенію разума и совѣсти, безъ внѣшняго принужденія.

Нравственная Педагогика обнимаетъ основныя понятія, положенія и правила, выведенныя изъ Евангелія, философіи и опыта, имѣющія служить руководствомъ при нравственномъ воспитаніи.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

Предисловіе.

Бесѣда I. Опредѣленіе, содержаніе и объемъ нравственной педагогики..... 1

Бесѣда II. Развитіе чувства справедливости..... 13

Бесѣда III. Правила справедливости..... 26

A. *Обязанности дѣтей:*

a) къ Богу.
b) „ родителямъ.
c) „ учителямъ.
d) „ братьямъ, сестрамъ и товарищамъ.

Бесѣда IV. Продолженіе о правилахъ справедливости..... 34

B. *Обязанности взрослыхъ и о приготовленіи дѣтей къ исполненію этихъ обязанностей.*

I. *Семейныя обязанности.*

a) Призваніе.
b) Обязанности супруговъ.

Бесѣда V. Продолженіе о семейныхъ обязанностяхъ..... 44

c) Обязанности въ отношеніи къ прислугѣ.
d) Обязанности въ отшношеніи къ сосѣдямъ.

Бесѣда VI. Продолженіе объ обязанностяхъ взрослыхъ..... 48

II. *Общественныя обязанности.*

III. *Государственныя обязанности.*

Бесѣда VII. Воспитаніе дѣтей въ правилахъ умѣренности..... 59

Бесѣда VIII. Продолженіе о воспитаніи въ умѣренности..... 66

Бесѣда IX. Воспитаніе дѣтей въ правилахъ постоянства..... 74

Бесѣда X. Продолженіе о воспитаніи въ постоянствѣ..... 87

Заключеніе..... 94

НРАВСТВЕННАЯ ПЕДАГОГИКА.

Бесѣда первая.

Воля или самоопредѣляющая способность —*предметъ нравственной педагогики.*— Понятіе о чувствѣ.—Объективный характеръ чувства.—Воля и объективное направленіе чувства.—Афекты и страсти.—Наклонности и стремленія.—Чувство *самосохраненія.*—Довольство, благополучіе и счастіе; страданіе, горе и досада.—Полезные и вредные предметы.—Добрые и злые люди.—Оцѣнка вещей и людей.—Нравственность.—Дикій человѣкъ и его эгоизмъ. Пріобрѣтеніе, запасъ и собственность.—Естественный эгоизмъ и дѣти.—Безнравственный и нравственный человѣкъ.—Критеріумъ нравственнаго поступка—Мотивъ или побудительная причина.—Внутренній мотивъ.—Характеръ—Житейскія блага и виды ихъ.—Матеріальныя и идеальныя наслажденія.—Столкновеніе людей и начало нравственности.—Общность интересовъ; подчиненность и самопожертвованіе.—Законы и нравственное чувство.—Право.—Законная власть.—Нравственный человѣкъ и воля другихъ.—Добрый человѣкъ и общее благо.—Обязанности и виды ихъ.—Понятіе объ обязанностяхъ по содержанію.—Долгъ и право.—Понятія объ обязанностяхъ по объему.—*Этика.*—Источники этики.—Десятословіе и Евангеліе.—Философы и нагорная проповѣдь Спасителя.—Уголовные и гражданскіе законы и ученіе Спасителя.—Отношенія человѣка къ человѣчеству и личнаго блага къ общему, составляющія задачу нравственнаго воспитанія.—Принципъ нравственный, какъ основа нравственнаго воспитанія.—Пріемы нравственнаго воспитанія.—Нравоученія и окружающая среда.—Періодъ слѣпаго исполненія приказаній.—Собственный примѣръ воспитателя.—Поступокъ и наклонность.—Нравственные законы и справедливость.

Изъ физической и умственной педагогикъ намъ извѣстно, что явленія физической и духовной жизни человѣка подлежатъ непреложнымъ законамъ и совершаются при точно-опредѣленныхъ условіяхъ. Извѣстно также, что цѣль физическаго и умственнаго воспитанія состоитъ въ доставленіи и приспособленіи тѣхъ средствъ, которыя необходимы для нормальнаго развитія физическихъ силъ и умственныхъ способностей, прирожденныхъ ребенку, а именно въ приспособленіи діэтетическихъ и гигіеническихъ средствъ въ отношеніи къ тѣлесному развитію, научныхъ и дидактическихъ въ отношеніи къ развитію духовной

жизни. Извѣстно также, что физическая и умственная педагогики заимствуютъ свои правила и пріемы изъ физіологіи и психологіи, законами которыхъ воспитатели должны руководствоваться для того, чтобы воспитаніе совершалось осмысленно и развивалось систематически, а не коснѣло бы въ рутинѣ.

Всякое развитіе предполагаетъ присутствіе способности или предрасположенія въ предметѣ, подлежащемъ развитію. Такъ, напр., физическое развитіе ребенка предполагаетъ скрытую въ мускулахъ послѣдняго способность движенія членовъ его тѣла, которое, при благопріятныхъ условіяхъ воспитанія, ростетъ и увеличивается, пока не достигаетъ полной зрѣлости. Точно такъ же зародышъ духовныхъ способностей существуетъ уже въ новорожденномъ ребенкѣ и развивается подъ вліяніемъ умственнаго образованія и обученія.

Духовныя способности, какъ намъ извѣстно, слагаются изъ способностей *чувствованія*, *мышленія* и *желанія*. Изъ умственной педагогики мы знаемъ процессы, формы и законы, лежащіе въ основаніи чувственной и познавательной сторонъ человѣческой жизни, а также и педагогическіе пріемы для развитія ихъ. Теперь намъ предстоитъ ознакомиться съ явленіями, формами и законами той стороны человѣческаго духа, которая извѣстна подъ именемъ *воли* или *самоопредѣляющей способности*.

Изъ психологіи извѣстно, что чувство состоитъ въ непосредственномъ свѣдѣніи о пріятномъ или непріятномъ состояніи нашего организма или частей его. Чувство поэтому имѣетъ по преимуществу субъективный характеръ, въ которомъ психическая жизнь всецѣло остается явленіемъ нашего внутренняго міра, неуловимымъ для наблюденія другихъ. Ни состоянія радости, ни состоянія печали не могутъ быть предметомъ наглядnаго созерцанія для другихъ людей; только выраженіе лица и положеніе тѣла или членовъ его, сопровождающія внутреннее настроеніе чувства, могутъ быть предметомъ наблюденія, а не самое настроеніе. Но чувство можетъ также выходить наружу, т.-е. имѣть преобладающій объективный характеръ. Въ такомъ случаѣ оно сопровождается движеніями воли, проистекающими изъ оцѣнки предмета, возбуждающаго пріятное или непріятное ощущеніе. *Воля* вообще есть та душевная сила, которая состоитъ въ стремленіи сознающаго субъекта *къ усвоенію* объекта, возбуждающаго въ немъ пріятное чувство, или въ стремле-

нія *къ устраненію* объекта, возбуждающаго непріятное чувство. Въ основаніи такого объективнаго направленія чувства лежитъ *наклонность къ намѣреніямъ и поступкамъ*, подобно тому, какъ въ основаніи дѣятельности внѣшнихъ чувствъ лежитъ наклонность къ воспріятію специфическихъ возбудителей. Намъ уже извѣстно, что эти наклонности чувства и воли иногда бываютъ слабыя, временныя, скоропроходящія, и тогда называются *афектами*; а иногда овладѣваютъ человѣкомъ, его духомъ и тѣломъ, такъ что лишаютъ его возможности обдумать ся, и въ такомъ случаѣ называются *страстями*.

Каковы бы ни были наклонности, онѣ представляются нашему сознанію *въ видѣ стремленій къ дѣятельности*. Врожденныя намъ силы требуютъ упражненія, чему доказательствомъ неутомимая возня дѣтей и безцѣльныя движенія ихъ, а также и невыносимая тоска, которую бездѣйствіе наводитъ на взрослыхъ. Первый мотивъ или побудительная причина, вызывающая стремленіе къ дѣятельности у каждаго животнаго и у каждаго человѣка, есть *чувство самосохраненія*. Такъ человѣку необходимы *пища и одежда*, а вмѣстѣ съ тѣмъ и *свободное движеніе* и дѣйствованіе для снисканія той и другой. Эти факторы составляютъ *потребности* нашей тѣлесной жизни, къ удовлетворенію коихъ мы постоянно стремимся. При невозможности удовлетворять имъ, мы неминуемо страдаемъ, испытывая *боль* (голодъ, жажду, холодъ, зной); напротивъ того, мы испытываемъ *удовольствіе*, коль скоро необходимыя для удовлетворенія нашихъ потребностей средства дѣлаются для насъ доступными. Такимъ образомъ стремленія воли къ извѣстной цѣли, съ одной стороны, и достиженіе этой цѣли съ другой составляютъ то, что̀ называется *довольствомъ, благоденствіемъ, счастіемъ*. Все же, что̀ тормозитъ наши стремленія и отдаляетъ насъ отъ желаемой цѣли, есть *страданіе, боль, горе, досада*. Чувство самосохраненія возбуждаетъ волю къ снисканію жизненныхъ стимуловъ (пищи, питья, одежды и т. д.), а воля стремится къ удовлетворенію чувства и къ снабженію организма недостающими ему средствами. Когда стремленія воли удачны, когда недостатки восполняются и потребность удовлетворяется, то является чувство довольства на мѣсто страданія и желанія. Внѣшніе предметы, способствующіе стремленіямъ нашей воли, называются *полезными* или *благами*; предметы же, которые задерживаютъ и

тормозятъ стремленія воли, называются *вредными*, *бѣдствіями*. Людей, вліяющихъ на нашу волю, мы называемъ *добрыми*, когда они помогаютъ намъ и способствуютъ стремленіямъ нашей воли, и *злыми*, когда дѣлаютъ противное, т.-е. тормозятъ стремленія нашей воли. Мы *придаемъ цѣну* вещамъ и людямъ настолько, насколько они оказываются полезными и благопріятствующими стремленіямъ нашей воли.

Сумма всѣхъ оцѣнокъ и сопровождающихъ ихъ стремленій воли и поступковъ получаетъ названіе *нравственности*. Дикій человѣкъ, подобно животному, слѣпо стремится къ удовлетворенію своихъ потребностей, дѣйствуя безъ разбора, лишь бы овладѣть и наслаждаться средствами, требуемыми чувствомъ самосохраненія; словомъ, онъ, какъ не подвергнувшійся вліянію нравственнаго и религіознаго воспитанія,—есть эгоистъ, т.-е. думаетъ и дѣйствуетъ только ради собственнаго блага. Его поступки грубы, но ихъ нельзя считать *безнравственными*, потому что волею его руководитъ одно чувство, а не разсудокъ, который у него не тронутъ. Дикій человѣкъ, захватывая все необходимое для собственнаго самосохраненія, вмѣстѣ съ тѣмъ, подобно хищнымъ животнымъ, уничтожаетъ всякое существо, которое оказываетъ ему сопротивленіе въ его стремленіяхъ. А такъ какъ снисканіе жизненныхъ потребностей сопряжено съ затрудненіями и хлопотами, то у самаго дикаго человѣка рождается мысль откладывать на черный день излишекъ добываемыхъ средствъ и отстаивать силою свое достояніе противъ всякой попытки къ захвату его со стороны другихъ. Такимъ образомъ является у человѣка понятіе о *собственности*. То, что человѣкъ пріобрѣтаетъ своимъ трудомъ, онъ считаетъ неотъемлемымъ достояніемъ своимъ, какъ собственную жизнь. Понятіе о собственности является въ сознаніи произвольно, а не насильственно или вслѣдствіе какого-либо искусственнаго учрежденія, создаваемаго обществомъ. Дикій человѣкъ, впрочемъ, не отдаетъ себѣ отчета въ чувствѣ, которое заставляетъ его считать за собственность то, что онъ пріобрѣтаетъ трудами рукъ своихъ: у него еще нѣтъ точной и ясной оцѣнки вещей и людей.

Естественный эгоизмъ встрѣчается отчасти у всѣхъ необразованныхъ людей, а въ высшей степени у дѣтей. Ребенокъ захватываетъ все, что ему кажется пріятнымъ; ему дѣла нѣтъ до

того, что захватываемый имъ пріятный предметъ принадлежитъ другому, и онъ съ гнѣвомъ защищается противъ каждаго, кто вздумалъ бы отнять у него добычу его. Будучи всецѣло занятъ интересами своей мелкой личности, онъ не признаетъ за другими права собственности. Но онъ не повиненъ въ безнравственности, потому что онъ еще не въ состояніи отличить права отъ безправія, съ каковыми понятіями онъ ознакомляется лишь постепенно, вопервыхъ чрезъ сопротивленіе противъ захвата имъ чужихъ вещей, а вовторыхъ съ помощію внушеній и вразумленій со стороны взрослыхъ, что «это не твое». Вмѣстѣ съ развитіемъ въ ребенкѣ и усвоеніемъ имъ ясныхъ и точныхъ понятій о собственности, о правѣ и безправіи, онъ привыкаетъ владѣть своими чувствами. Впрочемъ при самомъ развитіи человѣка, т.-е. когда онъ въ состояніи отдавать себѣ ясный отчетъ въ томъ, что̀ онъ чувствуетъ, мыслитъ и желаетъ, поступки его все-таки еще носятъ иногда на себѣ отпечатокъ эгоизма. Преобладающее у него чувство себялюбія внушаетъ ему присвоивать себѣ все то, что̀ ему пріятно въ настоящее время и можетъ быть полезно въ будущемъ; въ такомъ случаѣ онъ руководится идеей объ одномъ собственномъ интересѣ, не взирая на послѣдствія, могущія возникать отъ этого для другихъ. Это есть *увлеченіе*, и совершаемые подъ его вліяніемъ поступки развитаго человѣка называются *безнравственными* или *дурными*. Такимъ образомъ виды естественнаго и сознательнаго эгоизма въ нравственномъ смыслѣ совершенно различны между собою; но предметъ ихъ одинъ и тотъ же, это собственная личность и личный интересъ. Эгоистъ, въ стремленіяхъ своихъ къ пріобрѣтенію *пріятнаго* и *полезнаго*, не заботится о томъ, сколько горя и бѣдствій онъ этимъ причиняетъ другимъ. Онъ обманываетъ и грабитъ, гдѣ только это возможно; собираетъ сокровища и самъ одинъ наслаждается ими, ни мало не заботясь о нуждахъ другихъ. Онъ стремится къ неограниченной для себя свободѣ, и вездѣ, гдѣ только возможно, требуетъ себѣ подчиненія отъ другихъ. Такой человѣкъ, ставящій свой интересъ выше интереса ближнихъ, есть *безнравственный человѣкъ*. Напротивъ того, *нравственнымъ человѣкомъ* считается тотъ, кто проникнутъ истиной, что другіе люди имѣютъ такія же чувства, потребности и стремленія воли, какъ и самъ онъ, и кто сознаетъ и убѣжденъ въ тождествѣ между

его личнымъ интересомъ и интересами другихъ, а потому «не дѣлаетъ того другимъ, чего не желаетъ себѣ».

«Каждый человѣкъ естественно желаетъ себѣ добра и стремится къ оному ради себя: *это есть стремленіе къ счастью.* То, что̀ удовлетворяетъ потребностямъ человѣка и возвышаетъ его силы,—называется добромъ; но то, что подавляетъ силы человѣка,—составляетъ для него зло. То же самое и въ отношеніи къ другимъ. Когда я своими поступками удовлетворяю потребностямъ другихъ, то я дѣлаю имъ добро; если я даю другимъ силы и содѣйствую стремленію ихъ, то это для нихъ добро. Какъ же скоро поступки мои не даютъ другимъ силы, не удовлетворяютъ ихъ естественнымъ стремленіямъ, то это для нихъ зло. Отсюда вытекаетъ опредѣленіе добра: *это есть сообразованіе нашихъ поступковъ съ стремленіемъ воли и потребностями другихъ людей».* Изъ этого видно, что *критеріумъ добраго дѣла* или нравственнаго поступка состоитъ въ отсутствіи всякаго эгоистическаго мотива. «Если любите любящихъ васъ «(говоритъ Спаситель), и если дѣлаете добро тѣмъ, которые «вамъ дѣлаютъ добро, какая вамъ за то благодарность?» (Лук. VI, 33).

Что же такое *мотивъ* или побудительная причина? Стремленіе или актъ воли есть дѣйствіе, и какъ нѣтъ дѣйствія безъ причины, то и стремленіе или актъ воли имѣетъ свою причину, которая и называется *мотивомъ* или побудительною причиною. Тайная пружина, приводящая волю въ движеніе и сообщающая ей направленіе къ добру или злу,—есть *внутренній мотивъ.* Смотря по направленію воли, мотивы бываютъ: a) нравственные и b) безнравственные. Мотивы внѣшняго міра дѣйствуютъ лишь тогда, когда есть внутреннее влеченіе, т.-е. извѣстное свойство воли, называемое *характеромъ.* Смотря по тому, какія наклонности преобладаютъ у человѣка или каковъ его характеръ, внѣшніе мотивы сообщаютъ волѣ направленіе или къ нравственнымъ, или безнравственнымъ, эгоистическимъ поступкамъ. Подобно тому, какъ движенія планетъ обусловлены двумя силами, именно: 1) силою инерціи, сообщающей планетамъ прямолинейный, центробѣжный импульсъ, и 2) силою атракціи солнца, притягивающей планеты къ его центру,—такъ и движенія воли обусловливаются, съ одной стороны, *характеромъ*, т.-е. наклонностію человѣка къ нравственнымъ или безнравственнымъ дѣй-

ствіямъ, къ добру или злу, а съ другой стороны *мотивамц*, которые то болѣе, то менѣе отклоняютъ человѣка отъ направленія, котораго онъ держится по своему характеру. Притомъ, каковъ бы ни былъ мотивъ, онъ всегда дѣйствуетъ на чувство или какъ благо, которое притягиваетъ къ себѣ чувство, или какъ зло, которое отталкиваетъ.

Въ чемъ же состоятъ житейскія блага? Онѣ относятся или

1) къ нашей *личности*, каковы: здоровье, сила, красота, душевныя дарованія, образованіе и т. д., или

2) *къ собственности*, какъ-то имущество, состояніе, богатство и т. д., или же

3) *къ общественному положенію*, которое составляютъ: власть, честь, чины, слава и т. д.—Правильная оцѣна этихъ благъ составляетъ основу нравственной жизни человѣка вообще и нравственнаго воспитанія въ частности.

Понятно, что человѣкъ не выходитъ изъ предѣловъ нравственности, когда на пути къ пріобрѣтенію благъ, или къ отвращенію золъ, онъ не задѣваетъ ни личности, ни собственности, ни чести другихъ. Но благоразуміе совѣтуетъ, сверхъ того, во всѣхъ случаяхъ подчинять низшія блага высшимъ, а наслажденіямъ высшихъ чувствъ зрѣнія и слуха отдавать предпочтеніе предъ удовольствіями низшихъ чувствъ вкуса, обонянія и осязанія, словомъ искать своего удовлетворенія въ идеальныхъ, а не въ матеріальныхъ, скоропроходящихъ наслажденіяхъ. Только первыя, т.-е. идеальныя стремленія и удовольствія, сообразны съ достоинствомъ человѣка, послѣднія же низводятъ его на степень животнаго. Всеобщая исторія, какъ безпристрастная совѣтница, учитъ насъ, что коль скоро народы древняго міра начали искать своихъ благъ и счастія въ чувственныхъ удовольствіяхъ, то они рано или поздно разорялись и дѣлались добычей своихъ враговъ, напр. Персы, Ассиріане, Римляне и Греки.

Область нравственности начинается тамъ, гдѣ, на пути къ осуществленію стремленій своего чувства и воли, человѣкъ встрѣчается съ другими людьми. Еслибы каждый имѣлъ въ виду только свои собственныя корыстныя цѣли, одни свои эгоистическіе замыслы, то человѣческое общество не могло бы существовать,—а почему? потому что эгоистическія стремленія одного человѣка столкнулись бы съ такими же стремленіями другихъ, завязалась бы между ними борьба, въ которой слабый былъ бы

уничтоженъ сильнымъ, словомъ завязалась бы вѣчная борьба всѣхъ противъ всѣхъ. Таково было состояніе первобытныхъ людей, таково состояніе хищныхъ животныхъ. Но человѣкъ, будучи самымъ разумнымъ существомъ въ природѣ, вмѣстѣ съ тѣмъ есть и самое немощное существо; для существованія своего ему необходима помощь другихъ. Потребности его такъ многочисленны, что собственными силами онъ не въ состояніи удовлетворить имъ, особенно въ дѣтствѣ. Ему нужны пища и питье для утоленія голода и жажды, одежда и жилье для защиты отъ холода, зноя и ненастной погоды, оружіе для защиты отъ нападенія хищныхъ звѣрей и злонамѣренныхъ сосѣдей. Вслѣдствіе испытываемыхъ всѣми нуждъ, вслѣдствіе грозящихъ всѣмъ невзгодъ, между самыми первыми людьми возникло понятіе объ *общности интересовъ*, благъ и бѣдъ. Ради общаго блага каждая личность признала необходимымъ принести въ жертву часть своего эгоизма и отказаться добровольно отъ тѣхъ стремленій своей воли, осуществленіе коихъ наносило бы вредъ другимъ, словомъ *подчинить свой произволъ волѣ всѣхъ и каждаго*. Такимъ образомъ первые зачатки человѣческаго общества, вызванные необходимостію общежитія, основаны уже на нравственныхъ побужденіяхъ.

Итакъ *принципы подчиненности и самопожертвованія* господствуютъ надъ волею человѣка, когда онъ для общежитія соединяется съ другими. Какъ всѣ явленія природы совершаются по извѣстнымъ законамъ (законы физики, химіи, астрономіи и т. д.), такъ и отношенія общежитія зиждятся на точно опредѣленныхъ *законахъ*, созданныхъ Творцемъ, вложившимъ въ наше сердце, рядомъ съ чувствомъ самосохраненія (эгоистическимъ), *чувство состраданія, любви, милосердія*, т.-е. нравственное чувство. *Общественные законы* суть нормы, опредѣляющія дѣйствія членовъ общества, для того, чтобы отъ стремленій и уклоненій воли индивидуумовъ не происходило ущерба и вреда для другихъ. *Право* есть разрѣшеніе дѣлать все то, что не стѣсняетъ свободу дѣйствія другихъ, и тамъ, гдѣ членъ общества замышляетъ переступить эту границу, законъ *силою* заставляетъ его не обижать слабаго. Всѣ участвующіе въ общественномъ союзѣ обязываются повиноваться общепринятымъ законамъ и принуждать другъ друга къ исполненію этихъ законовъ. Лица, въ рукахъ коихъ находятся сила и контроль надъ исполненіемъ законовъ, составляютъ *законную власть*. Но человѣка, который не дѣлаетъ зла изъ опасенія

наказанія, далеко еще нельзя считать за нравственнаго человѣка; только тотъ, кто добровольно и по внушенію нравственнаго чувства не обижаетъ никого и поступки свои соображаетъ съ потребностями и стремленіями воли другихъ, есть нравственный человѣкъ. Только такого человѣка можно назвать добрымъ, который ничего не дѣлаетъ въ ущербъ другимъ, а напротивъ всегда имѣетъ въ виду общее благо, хотя бы ему пришлось на время пожертвовать своимъ личнымъ интересомъ.

Мы совершаемъ добро, конечно, лишь тогда, когда исполняемъ наши *обязанности*. А чтобы исполнять обязанности, для этого надобно напередъ знать ихъ.

По содержанію своему, понятіе *объ обязанности* заключаетъ въ себѣ такіе поступки, неисполненіе которыхъ причиняетъ вредъ другимъ. Какъ скоро мы обязались что-либо исполнить, то ясно, что неисполненіемъ мы дѣлаемъ ущербъ тому, кто полагался на насъ. Нашъ *долгъ* исполнить то, *къ чему обязались*. Всякій долгъ основывается на принимаемомъ на себя отъ другихъ обязательствѣ. Такое обязательство бываетъ обыкновенно временное, напр. между нанимателемъ и наемщикомъ, хозяиномъ и работникомъ, между адвокатомъ и кліентомъ, между врачомъ и больнымъ. Всякая обязанность, притомъ, даетъ какое-либо *право*, потому что безъ побудительной причины никто не беретъ на себя обязательство. Этотъ мотивъ составляетъ обыкновенно извѣстная ожидаемая выгода.

По *объему* своему, понятіе объ обязанности заключаетъ въ себѣ:

А) *Обязанности дѣтей*:

а) въ отношеніи къ Богу,
б) » » » ближнимъ,
в) » » » родителямъ,
г) » » » учителямъ,
и д) » » » братьямъ, сестрамъ и товарищамъ.

Б) *Обязанности взрослыхъ*:

а) религіозныя обязанности,
б) гражданскія,
в) семейныя и т. д.

Наука, излагающая сущность всѣхъ обязанностей, называется *Этикою*. Отъ нея нравственная педагогика заимствуетъ свои основныя положенія или принципы, какъ физическая педагогика заимствуетъ свои положенія отъ физіологіи и гигіены, а умственная педагогика отъ психологіи и логики. Источники Этики суть: 1) откровеніе религіи и 2) нравственныя истины, черпаемыя изъ размышленія и опыта. Не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что принципы, заключающіеся въ десяти заповѣдяхъ и евангельскомъ ученіи, обнимаютъ все, что относится до обязанностей человѣка къ Богу, ближнимъ, семейству, обществу и государству. Всѣ глубокомысленныя изслѣдованія древнѣйшихъ и новѣйшихъ философовъ не выработали ни одной изъ тѣхъ истинъ, которыя заключаются въ нагорной проповѣди Спасителя, столь же удобопонятной, какъ и всеобъемлющей. Всѣ уголовные и гражданскіе законы, выработанные опытомъ въ продолженіе историческаго существованія человѣчества, суть только разнообразныя варіаціи на произнесенную нашимъ Божественнымъ учителемъ тему, что «во всемъ, какъ вы хотите, чтобъ съ вами поступали люди, такъ поступайте и вы съ ними» (Матѳ. VII, 12). Самое простое размышленіе ведетъ насъ къ убѣжденію въ истинности этихъ словъ Спасителя. Въ самомъ дѣлѣ, человѣкъ есть только членъ человѣчества, часть цѣлаго общечеловѣческаго организма, и какъ отъ здоровья нашего тѣлеснаго организма зависитъ здоровье отдѣльныхъ частей его, а наоборотъ болѣзнь одной изъ частей поражаетъ цѣлый организмъ, такъ и здоровье общественнаго организма благопріятствуетъ преуспѣянію каждаго изъ членовъ его. Когда каждый изъ насъ споспѣшествуетъ благосостоянію общества, то тѣмъ самымъ споспѣшествуетъ собственному благоденствію. Поэтому главная задача нравственнаго воспитанія состоитъ въ развитіи и укрѣпленіи той истины въ дѣтяхъ, что между отдѣльнымъ человѣкомъ и обществомъ существуетъ неразрывная связь и что наше личное благо зависитъ отъ общаго. Мы должны пріучать ребенка къ оцѣнкѣ личныхъ благъ и бѣдствій по масштабу общаго добра и зла. Мы говоримъ «пріучать», а не «учить», потому что ребенку еще недоступно разумѣніе отвлеченныхъ истинъ. Принципъ дисциплины—*повиновеніе* есть краеугольный камень, на которомъ должно основываться зданіе нравственнаго воспитанія. Il faut prêcher d'exemples, говоритъ

французская пословица. Дѣйствительно, къ чему человѣкъ пріучается въ дѣтствѣ и молодости, то онъ дѣлаетъ и въ зрѣломъ возрастѣ.

Напрасно мы будемъ безпрестанно проповѣдывать нравоученія ребенку. Онѣ не принесутъ никакой пользы, какъ скоро ребенокъ увидитъ въ окружающей его сферѣ дурные примѣры, безнравственные поступки, противорѣчащіе навязываемымъ ему поученіямъ; ибо то, что̀ мы видимъ глазами, гораздо глубже впечатлѣвается въ нашей памяти, чѣмъ то, что̀ мы слышимъ. Притомъ оцѣнка добра и зла предполагаетъ извѣстную степень умственной развитости, которой еще нѣтъ у ребенка. Но мы можемъ безъ всякихъ объясненій заставлять ребенка исполнять то, что̀ слѣдуетъ, направляя его наклонности къ добру и отклоняя отъ зла, т.-е. требовать слѣпаго исполненія приказаній. По мѣрѣ же того, какъ мыслительная способность ребенка начинаетъ развиваться, мы должны мотивировать свои приказанія, для того, чтобы ребенку становилось понятнымъ, почему мы требуемъ отъ него воздержанія отъ стремленій воли его, могущихъ нанести вредъ другому. Въ ребенкѣ должно положить основу вѣрному, нравственному міросозерцанію и соотвѣтствующимъ ему желаніямъ и поступкамъ. Хотя этимъ положительнымъ основаніемъ и постепеннымъ усовершенствованіемъ нравственнаго сознанія и воли предупреждаются безнравственныя склонности, эгоизмъ и злая воля, однако-жъ на предохраненіе ребенка отъ этихъ ненормальныхъ проявленій характера слѣдуетъ еще обратить особенное вниманіе. Прежде всего воспитатель долженъ *собственнымъ своимъ примѣромъ* представлять образецъ точнаго исполненія обязанностей, чтобъ напоминать о томъ воспитаннику. Воспитатель долженъ стремиться къ тому, чтобы ребенокъ, видя въ немъ образецъ добрыхъ поступковъ, могъ бы изощрять на нихъ свое нравственное чувство и оживлять свое сознаніе, чрезъ что воля, врожденная ребенку, все болѣе и болѣе будетъ крѣпнуть, сдѣлается привычкой и войдетъ въ характеръ, въ плоть и кровь его.

Всякому поступку, т.-е. внѣшнему обнаруженію воли, предшествуетъ намѣреніе къ совершенію его, а всякому намѣренію предшествуетъ *наклонность, т.-е. специфическое свойство воли*; и то, и другое составляетъ внутренніе мотивы поступковъ. Задача нравственнаго воспитанія подчинить эти внутренніе мо-

тивы нравственнымъ законамъ, такъ чтобы установить согласіе между поступкомъ и потребностію другихъ, отъ чего и поступокъ получаетъ названіе *добраго*. Первое мѣсто въ ряду нравственныхъ законовъ занимаетъ *справедливость*. Поэтому первая обязанность воспитателя вселять въ сердце воспитанника чувство справедливости, волѣ его сообщать стремленіе къ справедливости, а сознанію *точное и ясное понятіе о справедливости*.

РАЗВИТІЕ ЧУВСТВА СПРАВЕДЛИВОСТИ.

Бесѣда вторая.

Понятія о справедливости и несправедливости.—Эгоизмъ и деспотизмъ дѣтей.—Подчиненіе и послушаніе какъ путь къ свободѣ.—Законы справедливости, семья и школа.—Талантъ воспитателя и дѣтская натура.—Сенека, учитель Нерона, и Діогенъ.—Обращеніе съ ребенкомъ, настойчивость и симпатичность воспитателя, какъ условія для внушенія послушанія и справедливости.—Любовь и страхъ наказанія.—Упрямство и властолюбіе дѣтей.—Иллюзіи поэтовъ и жизнь дѣтей.—Естественныя наклонности и законный порядокъ.—Домашній бытъ и антиэгоистическія мѣры.—Неисполнительность и наказаніе.—Цѣль наказанія.—Чувство стыда и значеніе его.—Справедливость наказанія.—Наказаніе и безнаказанность.—Методъ развитія долга справедливости.—Сознаніе долга, любовь къ Богу, родителямъ и ближнимъ.—Ложь и мѣры исправленія лгуна.—Внѣшнее и внутреннее наказаніе.—Неумѣстность пространныхъ рѣчей.—Личность человѣка и проистекающія изъ его личнаго положенія наклонности: a) самолюбіе, b) привязанность къ собственности и c) честолюбіе; законность и похвальность этихъ наклонностей—Самолюбіе какъ оплотъ личности и мотивъ доблестей человѣка.—Собственность какъ средство удовлетворенія физическихъ и духовныхъ потребностей человѣка.—Хорошее имя, честь и репутація.—Эгоизмъ, скупость и властолюбіе, какъ искаженія самолюбія, привязанности къ собственности и чести; мѣры противъ этихъ и искаженій.—Мнѣніе Песталоцци.—Развитіе чувства и правилъ справедливости.

Справедливость состоитъ въ сообразованіи стремленій нашей воли съ законами божественными и государственными. Безъ справедливости нѣтъ прочнаго основанія ни государства, ни общества, ни семейства. Подчиняясь законамъ нравственности по собственной волѣ и не причиняя другимъ зла даже тогда, когда мы можемъ ускользнуть отъ преслѣдованія закона,—мы поступаемъ *справедливо*. Зная, что всякимъ несправедливымъ поступкомъ мы причиняемъ страданіе другимъ,—мы поставляемъ себѣ за правило ни въ чемъ, нигдѣ и никогда не обижать другихъ, даже тогда, когда отъ этой обиды могла бы произойти для насъ выгода. Чувство состраданія внушаетъ намъ управлять стремленіями нашихъ наклонностей и воли такъ, чтобы для достиженія своихъ цѣлей мы не употребляли средствъ,

вредныхъ для другихъ. Отсюда происходитъ, что мы уважаемъ чужую личность, собственность и честь, коль скоро нарушеніе ихъ считаемъ проступкомъ и преступленіемъ. Справедливость предписываетъ намъ не обижать другихъ ни словомъ, ни дѣломъ, ни прямо, ни косвенно (клевета, шпіонство), т.-е. воздерживаться отъ причиненія другимъ какъ тѣлесной, такъ и душевной боли (досада, забота и т. п.). Внушая другимъ ложныя понятія о вещахъ и людяхъ или ложные и вредные для нихъ совѣты, мы поступаемъ несправедливо. Въ этомъ заключаются понятія о справедливости и несправедливости.

Человѣкъ предназначенъ Богомъ не къ одиночной жизни, а къ совмѣстной съ другими, ему подобными людьми. Поэтому ему необходимо соображаться съ обстоятельствами, въ которыя его поставила природа. По милости же своего эгоизма, этого животнаго, безнравственнаго чувства, человѣкъ склоненъ видѣть въ себѣ самомъ *центръ* вещей, все же прочее находится для него какъ бы въ окружности его и вращается вокругъ него, какъ своего центра. Въ этомъ отношеніи ничто не можетъ сравняться съ деспотизмомъ дѣтей, еще не воспитанныхъ. Имъ все нужно, и они всего требуютъ, не взирая ни на что. Преданный впечатлѣніямъ минуты, ребенокъ знаетъ только себя, свою радость и свое горе, какъ мѣрила вещей и людей. Такія несправедливыя стремленія дѣтской воли имѣютъ основу въ эгоизмѣ, безотчетно въ дѣтяхъ господствующемъ. Поэтому самая главная и существенная задача нравственнаго воспитанія состоитъ въ томъ, чтобы эгоистическія наклонности ребенка привести въ равновѣсіе съ закономъ справедливости, т.-е. снисходить къ требованіямъ воли ребенка только тогда, когда исполненіемъ ихъ не затрогиваются стремленія воли и благо другихъ. Другими словами, воспитатель долженъ стараться перенести центръ тяжести, къ которому стремятся желанія и воля ребенка, т.-е. его Я, его эгоизмъ,—перенести въ периферію, въ которой вращаются интересы другихъ, т.-е. родителей, родственниковъ, ближнихъ, общества, государства, человѣчества, и, согласно закону справедливости, пріучать ребенка къ подчиненію личнаго блага общему. Лучшими средствами для достиженія этой цѣли воспитанія служатъ внушеніе *повиновенія* и подчиненіе воли дѣтей волѣ взрослыхъ. *Послушаніе* не есть результатъ уже совершившагося воспитанія, но *составляетъ первичную и коренную основу образованія вообще.* Человѣкъ усвоиваетъ тѣ правила жиз-

ни, какія сообщаетъ ему воспитаніе. Ему врождена только жизненная форма, общая всему животному царству, а именно неуклонное стремленіе къ самосохраненію; нравственная же форма его жизни есть исключительно плодъ воспитанія. Подчиненіемъ и послушаніемъ мы должны подготовлять ребенка къ той степени свободы, чтобъ ему не трудно было соблюдать въ общежитіи то, что̀ другими считается справедливымъ; ибо справедливость выражается въ томъ, что отдѣльный человѣкъ точно опредѣляетъ кругъ своей дѣятельности въ отношеніи къ кругу дѣятельности другихъ. И какъ всѣ дѣйствія въ природѣ подчинены непреложнымъ законамъ, такъ и человѣческіе поступки подчинены неизмѣннымъ законамъ справедливости, противодѣйствовать коимъ запрещается, подъ опасеніемъ дурныхъ послѣдствій для нарушителей ихъ.

Законы справедливости, согласно коимъ должно совершаться воспитаніе дѣтей, ясно и точно опредѣлены въ десяти заповѣдяхъ; семья же и школа должны служить мѣстомъ упражненія въ этихъ законахъ. Въ кругу семейной и школьной жизни ребенокъ упражняется въ исполненіи требованій закона справедливости, чѣмъ и подготовляется къ соблюденію этого закона въ общественной жизни. Кто съ дѣтства пріученъ повиноваться закону, тому не трудно исполнять свой долгъ при разширеніи своей дѣятельности на службѣ общему дѣлу. Въ обхожденіи съ братьями и сестрами, съ родителями и учителями, ребенокъ пріобрѣтаетъ навыкъ къ справедливымъ поступкамъ, которымъ долженъ руководствоваться въ зрѣлыхъ лѣтахъ, въ своей общественной и государственной дѣятельности. Здѣсь онъ пріучается не кривить предъ другими, равно какъ и не терпѣть этого со стороны другихъ, въ извѣстныхъ же случаяхъ смотрѣть снисходительно на необдуманныя увлеченія окружающихъ.

Подчиненіе родителямъ и учителямъ, домашняя и школьная дисциплина составляютъ важный воспитательный элементъ, подготовляющій ребенка къ подчиненію въ будущемъ волѣ начальниковъ и старшихъ. Такимъ образомъ дѣтская, семья и школа оказываются въ маленькомъ видѣ приготовительными заведеніями, въ которыхъ ребенокъ какъ словомъ, такъ и дѣломъ упражняется въ исполненіи обязанностей и въ соблюденіи справедливости, которыя составляютъ незыблемый фундаментъ общественной и государственной жизни. Но эту задачу нравственнаго воспитанія не такъ легко исполнить, какъ кажется. Для

этого требуются со стороны воспитателя твердая, непоколебимая воля и строгая послѣдовательность; въ этомъ и состоитъ талантъ воспитателя, каковой талантъ, къ сожалѣнію, встрѣчается столь же рѣдко, какъ и таланты по другимъ отраслямъ человѣческой дѣятельности. Съ другой стороны, было бы ошибочно думать, что талантливый воспитатель можетъ цѣликомъ передѣлать воспитанника, вовсе измѣнить его характеръ и его врожденныя наклонности. Это столь же невозможно, какъ невозможно превратить кусокъ мѣди въ кусокъ золота. Но видоизмѣнять характеръ, смягчать жестокость и подкрѣплять вялость его удается очень не рѣдко, особенно же при благопріятствующихъ внѣшнихъ обстоятельствахъ, именно при отсутствіи дурныхъ примѣровъ, такъ какъ дурные примѣры вредятъ больше, чѣмъ хорошіе помогаютъ. Сенека, учитель Нерона, писалъ свой трактатъ *объ умѣренности*, сидя за *золотымъ столомъ*: это было нравоученіе на словахъ, которымъ противорѣчила дѣйствительность. Не мудрено, что ученику не было пользы отъ такого педагогическаго пріема учителя. Кто знаетъ, чѣмъ бы сдѣлался Неронъ, если бы учителемъ его былъ Діогенъ, который жизнію своею доказалъ, что *«все имѣть и ничего не желать одно и то же»*.

Какими же пріемами воспитатель долженъ руководствоваться для внушенія ребенку уваженія справедливости и повиновенія законамъ Божескимъ, законамъ природы, разума, сердца, законамъ общественнымъ и государственнымъ? «Одно изъ условій, отъ которыхъ зависитъ дѣтское послушаніе, составляетъ манера обращенія съ ребенкомъ въ тѣхъ случаяхъ, которые вызываютъ вмѣшательство взрослаго. Тутъ ребенокъ долженъ видѣть, что сказанное ему слово сказано не случайно, но обдуманно и рѣшительно. Настойчивость человѣка, распоряжающагося воспитаніемъ ребенка, всегда дѣйствуетъ внушительно. Не сердясь, не возвышая голоса, говорите ребенку: *того-то нельзя*. Можно объяснить—объясните, нельзя—и не толкуйте; но, разъ сказавши, не отступайте отъ своего слова, не смотря ни на просьбы, ни на слезы ребенка, а то даже очень маленькія дѣти подмѣчаютъ весьма мѣтко, кого они могутъ сбить хныканьемъ, кого чѣмъ-либо другимъ. Уступая въ вещахъ не важныхъ, вы не справитесь съ ребенкомъ тамъ, гдѣ никакая уступка не возможна. Къ тому же, при такомъ способѣ обращенія, весьма легко утрачивается уваженіе ребенка къ

взрослому, на котораго онъ не обращаетъ никакого вниманія и слову котораго не даетъ никакой цѣны, такъ что взрослый становится тутъ совершенно безсильнымъ. Поэтому, ради сохраненія своего авторитета, лучше рѣже требовать послушанія, чѣмъ безпрестанно запрещать и приказывать то одно, то другое, да тутъ же и отступаться отъ своего слова».

«Манера обращенія съ ребенкомъ является весьма дѣйствительнымъ условіемъ внушенія послушанія, когда воспитатель съумѣетъ стать въ отношеніи къ ребенку лицомъ симпатичнымъ, вслѣдствіе участія въ маленькихъ радостяхъ и огорченіяхъ, въ занятіяхъ и играхъ ребенка, словомъ когда сдѣлается ребенку близкимъ, а не чужимъ. Ребенокъ много довѣряетъ тому, кого онъ любитъ, и для любимаго человѣка онъ сдѣлаетъ много. Разумный воспитатель не станетъ требовать отъ своего воспитанника подчиненія, такъ сказать, по принципу, на подобіе военной дисциплины. Послушаніе нужно ему для того только, чтобы отклонить ребенка отъ опаснаго пути, пока еще нельзя оставить выборъ пути на волю самаго ребенка и когда нельзя говорить послѣднему, что̀ именно вредно и дурно на такой-то дорогѣ. Послѣдуетъ ли же за вами ребенокъ вслѣдствіе любви и довѣрія или вслѣдствіе того, что обязанъ повиноваться вамъ подъ опасеніемъ наказанія за непослушаніе, это не все равно. Въ первомъ побужденіи, внушаемомъ любовью и довѣріемъ, лежатъ здоровыя нравственныя сѣмена, о которыхъ нѣтъ рѣчи при второмъ, и это обстоятельство даетъ большой перевѣсъ первому побужденію надъ вторымъ». Понятно, что если дѣйствовать на ребенка только страхомъ наказанія, то онъ не преминетъ слѣдовать своимъ дурнымъ наклонностямъ, какъ скоро, за отсутствіемъ воспитателя, не встрѣтитъ къ тому препятствія. Такой педагогическій пріемъ будетъ похожъ на пріемы дрессировки животныхъ, которыя исполняютъ свое искуство лишь тогда, когда находятся лицомъ къ лицу съ кнутомъ. Впрочемъ всегда, когда несправедливое требованіе ребенка основано на упрямствѣ, отказъ долженъ быть рѣшительный. Присущіе дѣтямъ произволъ и властолюбіе не должны быть терпимы, но безъ объясненій должны быть запрещаемы подъ страхомъ наказанія. Только при такой послѣдовательности и настойчивости ребенокъ привыкаетъ уважать право другихъ.

Развивая въ ребенкѣ чувство справедливости, слѣдуетъ отказаться отъ всѣхъ иллюзій поэтовъ относительно невинности и ангельской чистоты дѣтей. Жизнь дѣтей есть постоянная борьба, борьба за господство въ комнатѣ, въ домѣ, на дворѣ, на улицѣ, въ саду. Если дѣти остаются на произволъ самимъ себѣ, то они становятся игрушкою своихъ естественныхъ наклонностей, и, предаваясь впечатлѣніямъ минуты, какъ пріятнымъ, такъ и непріятнымъ, они только этими впечатлѣніями измѣряютъ добро и зло, не признавая никакихъ обязанностей въ отношеніи къ другимъ. Дѣти дѣлаются сносными, когда преобразуются естественныя наклонности ихъ и когда они привыкаютъ подчиняться законному порядку, установленному Богомъ и мудростію предковъ. Лучшимъ средствомъ для этаго служатъ картины изъ христіанской исторіи, напоминающія дѣла добродѣтели и справедливости и которыми полезно украшать дома.

Ничто не ставитъ лучшаго оплота противъ эгоистическихъ стремленій ребенка, какъ разъ навсегда указанное мѣсто, на которомъ онъ долженъ сидѣть, также точно опредѣленная порція кушанья, при строгомъ запрещеніи присвоивать доли братьевъ и сестеръ, или ломать ихъ игрушки, и вообще зоркій присмотръ за тѣмъ, чтобы ребенокъ довольствовался своей долей, не завидуя другимъ. Этимъ путемъ ребенокъ привыкнетъ къ той мысли, что удовлетворять собственныя желанія на счетъ другихъ несправедливо, а вмѣстѣ съ тѣмъ станетъ мало-по-малу подчинять свой личный интересъ интересамъ другихъ. Повторимъ, однако, здѣсь еще разъ, что ко всему ребенка надобно постепенно пріучать, а не докторально учить, потому что словесныя наставленія безполезны.

Такъ какъ исполненіе обязанностей предполагаетъ: 1) пониманіе сущности ихъ и 2) свободную волю для исполненія ихъ, то спрашивается, справедливо ли поступаютъ воспитатели, когда они наказываютъ дѣтей за неповиновеніе и неисполненіе обязанностей, еще недоступныхъ дѣтскому пониманію? Да, мы въ правѣ требовать отъ дѣтей повиновенія и исполненія должнаго, а въ случаѣ ослушанія—наказывать, потому что у дѣтей есть *совѣсть*, съ помощію которой имъ извѣстно, что̀ хорошо и что̀ дурно. Человѣку врождена способность желать и дѣйствовать, съ которою идетъ параллельно *внутреннее свѣдѣніе о томъ, дурно ли или хорошо* то, чего онъ желаетъ и что онъ дѣлаетъ. Чувство добра и зла присуще намъ; нравственный законъ въ

нашемъ сердцѣ—то же, что циферблатъ на часахъ; совѣсть же, подобно часовой стрѣлкѣ, показываетъ намъ отношеніе нашихъ желаній и поступковъ къ нравственному закону. *Чувства раскаянія и угрызенія совѣсти* служатъ подтвержденіемъ сказанному. Не будь нравственнаго чувства, не будь совѣсти, не было бы раскаянія и угрызенія. Эта-то совѣсть указываетъ ребенку на стоящій выше его авторитетъ, запрещающій то или другое и требующій отчета. Конечно, въ началѣ этотъ авторитетъ для ребенка никто иной, какъ отецъ и мать, которые составляютъ для него высшую инстанцію одобренія или порицанія, награды или наказанія. Нѣтъ спора, что взглядъ сердитаго отца, нѣжный и серьезный взглядъ матери суть постоянные спутники ребенка. Но къ чему бы все это повело, какой бы отъ этого былъ прокъ для ребенка безъ врожденной функціи совѣсти? Такой же прокъ, какой составляетъ звукъ для глухаго, а цвѣтъ для слѣпаго. Итакъ, наказаніе дѣтей основано на совѣсти, по которой дитя должно воздерживаться отъ зла и дѣлать добро, потому что такъ угодно Богу, матери и отцу, и потому, что эти требованія согласны съ врожденнымъ нравственнымъ закономъ. Цѣль наказанія состоитъ въ пробужденіи чувства *стыда*, а не страха. Чувство стыда свойственно еще незакоснѣвшему въ порокѣ человѣку; въ отрокѣ это чувство связано съ любовью и уваженіемъ къ воспитателю и съ готовностію къ исправленію. Священный долгъ каждаго воспитателя поддерживать и щадить это благородное чувство въ сердцѣ своего питомца. Бѣда и воспитателю, и воспитаннику, когда это чувство исчезаетъ въ послѣднемъ; ибо, кто не дорожитъ честью, тотъ при всякомъ удобномъ случаѣ не отступитъ отъ проступковъ. Впрочемъ всякое наказаніе должно истекать изъ справедливости и имѣть въ виду исправленіе наказуемаго. Оно не должно носить на себѣ отпечатка недоброжелательства, мщенія или насилія; оно должно вызывать раскаяніе, но не озлобленіе. Всякое наказаніе, совершенное не кстати, столь же портитъ дѣло, какъ и безнаказанность. Наказаніе, исполненное даже по необходимости, не должно терять изъ виду принципъ *любви*, господствующій въ области воспитанія, и воспитатель, при малѣйшемъ со стороны воспитанника намекѣ на готовность къ исправленію, обязанъ поощрять это чувство своимъ вниманіемъ и любовью.

Вмѣстѣ съ развитіемъ умственной дѣятельности ребенка, методъ воспитанія въ немъ долга справедливости долженъ измѣ-

няться. Тогда исполненіе долга справедливости и необходимость подчиненія правиламъ нравственности слѣдуетъ внушать ребенку путемъ сознательнымъ, показывая ему, на чемъ они основаны. Чѣмъ старше ребенокъ, тѣмъ чаще можетъ случаться, что въ общежитіи личные интересы отрока сталкиваются съ интересами окружающихъ его, а это можетъ омрачать въ немъ чувство и понятіе о справедливости. Неуживчивость и упорное отстаиваніе занимаемаго положенія суть недостатки, которые въ отроческомъ возрастѣ весьма часто приходятъ въ столкновеніе съ правилами справедливости. Всѣ вообще *игры* въ началѣ имѣютъ демократическій характеръ, а подъ конецъ на мѣсто равноправности всѣхъ является господство нѣкоторыхъ, перевѣсъ отдѣльныхъ лицъ или одного лица, другіе же между тѣмъ терпѣливо выжидаютъ времени, пока придетъ очередь притѣснять тѣхъ, которые притѣсняютъ ихъ самихъ.

Какимъ же образомъ слѣдуетъ уяснить воспитаннику необходимость самообладанія и подчиненія ближнему? Вѣдь онъ такой же человѣкъ, какъ и всякій другой, и собственный интересъ естественно ближе къ нему, чѣмъ интересъ ближнихъ. Какъ же пробуждать въ немъ чувство уступчивости и снисходительности, когда опытомъ доказано, что, напр. между братьями и сестрами, даже между товарищами въ играѣ, таковыхъ чувствъ нѣтъ, какъ скоро затрогивается личный интересъ, собственное *я*? Для этого остается только одно: распространить свѣтъ въ сознаніи ребенка, который бы озарялъ мракъ его эгоизма, и выставлять ребенку на видъ всю постыдность несправедливыхъ поступковъ. Такой педагогическій пріемъ будетъ имѣть тѣмъ больше успѣха, чѣмъ глубже религіозное воспитаніе вселитъ въ сердце ребенка любовь и благоговѣніе къ Богу и Его законамъ. Мысль и памятованіе, что всякій несправедливый поступокъ неугоденъ Богу и что мы обязаны повиноваться Его законамъ и благодарить Его за всѣ блага, которыя Онъ намъ ниспосылаетъ, за жизнь, здоровье, пропитаніе, которыми мы ему обязаны, все это можетъ дѣйствовать на ребенка, какъ возбуждающее средство къ исполненію долга справедливости. Пріучившись къ повиновенію волѣ Божіей, ребенокъ одумается и, во имя справедливости, откажется отъ своихъ моментальныхъ и грубыхъ потребностей, особенно если отъ удовлетворенія ихъ могутъ пострадать родители, братья и сестры, прислуга и т.

д. «Чти отца и мать», «Какъ хотите, чтобъ съ вами поступали люди, такъ поступайте и вы съ ними»,—вотъ правила, которыя должны быть глубоко впечатлѣны въ душѣ воспитанника; всѣ другія нравственныя наставленія, въ сравненіи съ этими простыми истинами, суть гласъ вопіющій въ пустынѣ. Что гражданскіе и уголовные законы для гражданина, то же самое для отрока составляютъ *десять заповѣдей.* Онъ долженъ знать, что преступить ихъ безнаказанно нельзя. Такимъ образомъ воля Божія должна стать рядомъ съ авторитетомъ родителей и найти сочувственный и могущественный отголосокъ въ совѣсти ребенка.

Особеннаго вниманія заслуживаетъ безнравственная наклонность къ несправедливости, которая обнаруживается въ видѣ *лжи.* Искорененіе лжи посредствомъ нравственнаго воспитанія необходимо, потому что она существенно противорѣчитъ благу общежитія въ домѣ, въ школѣ, въ обществѣ и государствѣ. Ложь составляетъ весьма сильный мотивъ искушенія, такъ какъ она придаетъ извѣстную важность человѣку, который употребляетъ ее какъ орудіе иногда для обрадованія, иногда для огорченія, иногда для обнадеживанія, иногда для запугиванія и обмана. Во всѣхъ случаяхъ ложь заслуживаетъ порицанія, потому что составляетъ поруганіе истины. Ложь составляетъ дурную и гнусную черту характера, исправлять которую тѣмъ труднѣе, чѣмъ болѣе человѣкъ привыкаетъ къ ней. Какъ всѣ наклонности къ добру и злу, ложь составляетъ врожденное нѣкоторымъ людямъ свойство. «Ибо изъ сердца исходятъ злые помыслы, убійства, прелюбодѣянія и любодѣянія, кражи, лжесвидѣтельства, хуленія», говоритъ Спаситель (Матѳ. VI, 15). Ложь поэтому принадлежитъ къ числу самыхъ упорныхъ недуговъ, съ которыми приходится бороться воспитателю. Ни просьбы, ни увѣщанія, ни награды, ни угрозы, ни наказанія иногда не въ состояніи излѣчивать этотъ недугъ человѣческой души, который часто сопровождаетъ человѣка до самаго гроба, если родителямъ не удалось подмѣтить въ самомъ началѣ и заглушить въ зародышѣ эту гадкую наклонность. Въ видахъ исправленія лгуна, лучше всего указывать ему на вредъ, который онъ наноситъ общему дѣлу, когда не сдерживаетъ своей воли отъ дурныхъ ея стремленій; что онъ вредитъ самому себѣ, такъ какъ люди теряютъ къ нему довѣріе, и что онъ разрушаетъ гармонію и тихій семейный миръ, основываемые на справедливости и истинѣ.

Наказаніе за всякое нарушеніе справедливости должно быть двоякое: *внѣшнее и внутреннее.* Пока сознаніе дѣтей еще не вполнѣ развито, наказаніе должно быть направлено противъ внѣшнихъ чувствъ, должно состоять, напр., въ лишеніи ожидаемаго удовольствія или свободы. Прямое тѣлесное наказаніе допускается только въ тѣхъ случаяхъ, когда стремленія воли проявляются въ видѣ злобы, напр. въ видѣ жестокаго обращенія съ животными или въ видѣ наклонности къ дракѣ. Позднѣе, при совершенномъ развитіи сознанія, наказаніе должно быть обращено къ внутреннему чувству и должно заключаться не въ брани, но въ обстоятельномъ порицаніи, въ воззваніи къ чувству чести воспитанника, съ указаніемъ на путь, по которому должно совершаться исправленіе. Здѣсь угрозы и напугиванія часто оказываются цѣлительными средствами. Что же относится до длинныхъ рѣчей, то онѣ рѣдко убѣждаютъ воспитанника, а напротивъ вызываютъ въ немъ упорство въ его дурныхъ стремленіяхъ.

Поводомъ къ несправедливости могутъ быть извѣстныя, прирожденныя человѣку наклонности и стремленія воли, имѣющія цѣлію превозносить собственныя достоинства, личныя свойства и заслуги, въ ущербъ другимъ. Устраненіе этихъ наклонностей тѣмъ труднѣе, что онѣ часто коренятся въ дѣйствительныхъ преимуществахъ одного воспитанника предъ другимъ. Къ этимъ наклонностямъ принадлежатъ: *тщеславіе, честолюбіе, гордость, властолюбіе* и т. п.

Человѣку, наравнѣ со всѣми животными, присущи животныя вожделѣнія, стремящіяся *къ самосохраненію.* Въ отличіе же отъ прочихъ животныхъ, человѣкъ есть *самоопредѣляющая личность.* Его развитіе возможно только подъ условіемъ *общежитія* съ подобными ему существами. Это-то опредѣленное отношеніе къ другимъ людямъ составляетъ его *личность*, благодаря которой онъ живетъ не ради одного себя, но существуетъ съ помощію взаимныхъ услугъ, которыя люди оказываютъ другъ другу. Съ этимъ личнымъ положеніемъ въ обществѣ у человѣка возникаетъ новый рядъ наклонностей, стремленій и страстей, а именно:

а) *самолюбіе*, т.-е. стремленіе къ сохраненію и отстаиванію своей личности предъ другими личностями. Самолюбіе порождаетъ

b) *привязанность къ собственности*, т.-е. стремленіе людей къ присвоенію и подчиненію себѣ внѣшнихъ вещей.

c) *Честолюбіе*, т.-е. стремленіе къ пріобрѣтенію уваженія отъ другихъ и къ удовлетворенію себя мнѣніемъ ихъ.

Пока привязанность къ собственности и честолюбіе держатся въ предѣлахъ права и справедливости, т.-е. безобидны для другихъ,—онѣ не только позволительны, но и похвальны. Въ самомъ дѣлѣ, чѣмъ бы человѣкъ былъ безъ самолюбія? Только самолюбію человѣкъ обязанъ тѣмъ, что сохраняетъ свое самостоятельное положеніе въ отношеніи къ другимъ существамъ природы; только ради своего самолюбія человѣкъ отстаиваетъ свою личность противъ всего, что могло бы повредить ей. Руководясь самолюбіемъ, человѣкъ стремится притянуть къ себѣ все, что оказывается полезнымъ, и присвоить себѣ все то, что могло бы споспѣшествовать его быту. Мужество и храбрость, словомъ всѣ положительныя качества человѣка, посредствомъ коихъ онъ стремится отразить и одолѣть все, что вліяетъ на него враждебно,—все это имѣетъ свой источникъ въ самолюбіи. «Люби своего ближняго, какъ *самого себя*»: это великое изреченіе опредѣляетъ законность самолюбія, съ одной стороны, а съ другой служитъ мѣриломъ любви къ ближнему, обязательной для всѣхъ людей и требовать которой другъ отъ друга они имѣютъ праао. Для благополучной жизни необходимо, однако, чтобъ самолюбіе и любовь къ ближнему, взаимныя услуги людей, всѣ обязанности и права находились въ равновѣсіи. Въ своемъ ближнемъ я долженъ видѣть какъ бы повтореніе своего собственнаго *я*. То же самое можно сказать о собственности. Для того, чтобы защищать свое тѣло отъ зноя, холода, ненастья и т. п., намъ необходимы жилье, одежда и орудія для приспособленія предметовъ природы къ нашимъ цѣлямъ, осуществленіе коихъ не мыслимо безъ собственности. Даже для удовлетворенія нашихъ духовныхъ потребностей мы не можемъ обойтись безъ собственности, наприм. безъ книгъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ мы должны дорожить мнѣніемъ другихъ, потому что наше счастіе находится въ тѣсной зависимости отъ одобренія ихъ. Извѣстно, что успѣшная дѣятельность человѣка столько же зависитъ отъ его способности, какъ отъ его хорошаго имени, отъ его чести, и пользуется ли онъ хорошей репутаціей или нѣтъ,—это не все равно. Если притомъ человѣкъ имѣетъ право беречь и защищать личность, собственность и честь свою, то онъ обязанъ также не трогать ни личности, ни собственности, ни чести и добраго имени другихъ. Такимъ образомъ

самолюбіе и привязанность къ собственности и чести не противорѣчатъ строго-нравственнымъ христіанскимъ обязанностямъ, доколѣ онѣ держатся въ должныхъ, позволительныхъ границахъ. Но, къ сожалѣнію, эти наклонности и стремленія овладѣваютъ иногда человѣкомъ до такой степени, что превращаются въ страсти, такъ что самолюбіе переходитъ въ *эгоизмъ*, привязанность къ собственности переходитъ *въ жадность и скупость*, а честолюбіе становится *жадностію къ почестямъ*. Понятно, что искажаемыя такимъ образомъ естественныя наклонности души ведутъ къ несправедливымъ поступкамъ, ибо увлеченный такими наклонностями человѣкъ не довольствуется хорошимъ мнѣніемъ другихъ, но старается подчинить ихъ себѣ и эксплоатировать для своихъ цѣлей, жадность же къ почестямъ обыкновенно сопровождается *властолюбіемъ*.

Какъ воспитатель долженъ поступать, чтобы сдерживать эти наклонности и стремленія, когда онѣ заходятъ за предѣлы позволительнаго? Отказывать въ одобреніи тѣмъ воспитанникамъ, у которыхъ возвышенное самолюбіе, основанное на природныхъ дарованіяхъ, имѣетъ въ результатѣ усугубленіе ихъ честолюбивыхъ стремленій. Похвала вообще можетъ повести къ высокомѣрію. Съ другой стороны, попытка сдерживать и ослаблять эти стремленія посредствомъ пронін и глумленія повела бы къ тому, что, до поры до времени, огонь тлѣлъ бы подъ пепломъ, чтобы тѣмъ сильнѣе вспыхнуть впослѣдствіи. Подобнымъ образомъ скромность, рекомендуемая воспитаннику, пригодна только для маскированія (словами, тономъ голоса, походкою) внутренняго сознанія о мнимомъ превосходствѣ, доблестяхъ и заслугахъ. Внушеніе смиренія, конечно, было бы превосходнымъ педагогическимъ средствомъ, въ томъ смыслѣ, какъ выражено въ словахъ Апостола Павла: «Ничего не дѣлайте по любопренію или по тщеславію, но по смиренномудрію почитайте другъ друга высшимъ себя». «Не о себѣ только каждый заботься, но каждый и о другихъ».

Наука въ этомъ отношеніи не предлагаетъ положительныхъ средствъ. Она совѣтуетъ только возбуждать въ воспитанникѣ интересъ къ высшимъ предметамъ, въ тѣхъ случаяхъ, когда тщеславіе воспитанника относится къ внѣшнимъ преимуществамъ. Главная суть въ томъ, чтобы воспитатель съумѣлъ сообщить хорошимъ элементамъ перевѣсъ надъ дурными, такъ чтобы первые могли служить образцами для подражанія и соревнованія,

а также содѣйствовать къ возвышенію и облагороживанію воспитанника и товарищей его. Необходимо, чтобы воспитатель своей личностію подавалъ примѣръ доброй нравственности, какъ дома, такъ и въ школѣ. Онъ долженъ стремиться къ тому, чтобы побудить самого воспитанника къ оцѣнкѣ своихъ поступковъ по суду совѣсти и божественнаго закона. Только послѣдній ясно и точно опредѣляетъ правила справедливости, долженствующія регулировать отношенія между родителями и дѣтьми, между юношами и дѣвицами, между супругами, хозяевами и прислугою, между правительствомъ и народомъ.

«У нашихъ предковъ—говоритъ Песталоцци—порядокъ былъ твердъ и неуклончивъ; люди воспитывались больше, чѣмъ теперь, въ самообладаніи, порядѣ, стойкости и выдержкѣ, и сословіе юношей считалось *почетнымъ*.» Возвратить этотъ почетъ и порядокъ тогда только будетъ возможно, когда мы будемъ воспитывать и развивать въ дѣтяхъ чувство и правила *справедливости*. Начиная съ дѣтской, ребенокъ и отрокъ всюду, и въ домѣ, и на дворѣ, и на улицѣ, и въ саду, и въ школѣ, должны привыкать къ уваженію и исполненію законовъ, которыми они должны руководствоваться въ будущей ихъ общесгвенной жизни; они съизмала должны быть проникнуты тою неотразимою истиною, что *обезпеченіе и безопасность общества состоятъ въ тѣсной зависимости отъ законовъ справедливости и нравственныхъ поступковъ*.

ПРАВИЛА СПРАВЕДЛИВОСТИ.

Бесѣда третія.

А) *Обязанности дѣтей.* — а) *обязанности къ Богу.*—б) *обязанности къ родителямъ.* — Врожденное чувство любви къ родителямъ. — Жертвы родителей, почтеніе къ нимъ и благодарность дѣтей. — Приличный тонъ въ обхожденіи съ родителями и происходящая отъ того вѣжливость обращенія съ посторонними. — Вѣжливость съ посторонними и безцеремонность съ родителями. — Повиновеніе какъ выраженіе почтенія къ родителямъ—Благопристойность, прилежаніе и услужливость, какъ выраженіе благодарности къ родителямъ.—Любовь къ родителямъ какъ залогъ исполненія другихъ обязанностей.—Элементы любви въ военной дисциплинѣ.—Суворовъ и его переходъ чрезъ Альпы.—с) *обязанности къ учителямъ.*—Основаніе этихъ обязанностей. — Благодарность и послушаніе. — Вниманіе и прилежаніе. — Мѣры къ возбужденію вниманія и прилежанія: 1) энтузіазмъ учителя и 2) ласковое обращеніе учителя съ учениками. — Дисциплина и гуманность.—Нѣмецкія школы и субъективныя качества учителей.—д) *обязанности къ братьямъ, сестрамъ и товарищамъ.*—Друзья вообще—Родные какъ естественные друзья наши—Понятіе о дружбѣ.—Уступчивость какъ выраженіе мудрости.—Неуживчивость и одиночество.—Общежитіе и проистекающія изъ него обязанности.—Товарищество и эгоизмъ дѣтей.—Злобность характера и мѣры взысканія.—Состраданіе и милосердіе.—Услужливость какъ выраженіе кротости и милосердія.—Взаимность услугъ какъ условіе общежитія—Обѣщаніе и исполненіе.—Врожденность чувства любви къ братьямъ и сестрамъ.—Зависть и жадность дѣтей, какъ результаты себялюбія и недоброжелательства.—Національная, сословная и религіозная враждебность.

Приготовленію ребенка къ исполненію обязанностей должно предшествовать *знаніе ихъ*. Для этого слѣдуетъ напередъ изложить сущность этихъ обязанностей, а затѣмъ показать, какъ онѣ относятся и примѣняются къ воспитываемому субъекту.

А) Обязанности дѣтей.

а) *Обязанности къ Богу.* Изложеніе этихъ обязанностей составляетъ особый предметъ преподаванія, именно *Законъ Божій*. Тѣмъ не менѣе задача воспитанія привести ребенка къ той истинѣ, что *исполненіемъ обязанностей въ отношеніи къ ближ-*

нимъ, родителямъ, учителямъ, начальникамъ и т. д. человѣкъ дѣлаетъ богоугодное дѣло.

В) Обязанности къ родителямъ.

Любовь дѣтей къ родителямъ составляетъ врожденное человѣческому сердцу чувство. Первое пробужденіе сознанія у ребенка обнаруживается улыбкою, озаряющею лицо его при видѣ кормящей его матери. На этомъ священномъ чувствѣ слѣдуетъ преимущественно основывать воспитаніе дѣтей въ правилахъ справедливости, послушанія и исполненія обязанностей. Обращаясь сперва къ чувству ребенка, а впослѣдствіи къ разуму его, воспитатель долженъ вразумить его, что изъ всѣхъ людей на свѣтѣ родители наиболѣе заботятся объ его тѣлесныхъ и духовныхъ благахъ, принося всевозможныя жертвы для его воспитанія и обученія, за что, по повелѣнію Божію, онъ, ребенокъ, обязанъ оказывать родителямъ не только любовь, но и *почтеніе, повиновеніе и благодарность.* Какъ родители, такъ и воспитатели должны безпрестанно слѣдить за тѣмъ, чтобы пріучать дѣтей къ осуществленію всѣхъ этихъ обязанностей на дѣлѣ, а не довольствоваться, какъ это часто случается, одними объясненіями въ любви и благодарности. Исполненіемъ требованій родителей дѣти лучше всего доказываютъ имъ любовь свою. Паче всего слѣдуетъ пещись о томъ, чтобы дѣти никогда, даже въ шутку, не позволяли себѣ возражать родителямъ неприличными словами, напр. *это не правда*, вмѣсто того, чтобы сказать: *я полагаю, что вы ошибаетесь, папа, мама.* Вообще соблюденіе приличнаго тона съ родителями пріучаетъ ребенка къ приличному обхожденію со всѣми впослѣдствіи. Формы приличія за обѣдомъ, въ разговорѣ и движеніяхъ прежде всего доказываютъ благовоспитанность человѣка, между тѣмъ какъ ученый медвѣдь все-таки остается медвѣдемъ. Главная суть въ томъ, чтобъ эти формы приличія были *откровенны* и проистекали бы изъ естественнаго влеченія сердца, изъ любви, а не были бы притворными, поддѣльными, что мы такъ часто видимъ въ нашихъ, заимствованныхъ отъ запада, общественныхъ гримасахъ. Истинная учтивость есть плодъ добраго сердца. Но все-таки безъ своевременной и ранней подготовки, задатки добраго сердца могутъ развиваться дурно. Слѣдуетъ поэтому пріучать дѣтей воздерживаться отъ неприличныхъ манеръ, не только въ об-

ращеніи съ родителями, но и вообще въ обхожденіи со взрослыми. Слѣдуетъ съ ранней поры внушать дѣтямъ, что неприлично: 1) говорить со старшими, обращаясь къ нимъ спиною; 2) въ присутствіи старшихъ зѣвать, не закрывъ ротъ рукою; 3) чихать и смѣяться слишкомъ громко или свистать въ присутствіи старшихъ; 4) при входѣ и выходѣ бросаться впередъ прежде взрослыхъ и т. д. Словомъ, обязанность дѣтей избѣгать всего того, что могло бы быть непріятно родителямъ и дурно истолковано старшими. Любезность и фамильярность родителей съ дѣтьми и воспитателей съ воспитанниками отнюдь не исключаютъ приличія. Можно сердечно любить кого-либо, слѣпо ему довѣряться, а все-таки не пренебрегать приличіями въ обхожденіи съ нимъ.

Бываютъ дѣти, которыя отмѣнно вѣжливы противъ посторонихъ, но которыя безцеремонны съ родителями. Это происходитъ или отъ дурнаго сердца, или отъ дурнаго воспитанія, отъ безсмысленной снисходительности, оказываемой родителями дѣтямъ. Такихъ поступковъ не слѣдуетъ допускать; ибо кому больше, какъ не родителямъ, мы должны оказывать почтеніе и уваженіе? Здѣсь, какъ во всемъ, хорошіе примѣры дѣйствуютъ лучше всякихъ наставленій, сообщество съ благовоспитанными дѣтьми дѣйствуетъ лучше всѣхъ правилъ.

Понятно, что почитаніе безъ повиновенія не мыслимо. Повиновеніе есть главная доблесть дѣтей. Счастливы тѣ родители и воспитатели, которые обладаютъ воспитательнымъ тактомъ, чтобы заставлять дѣтей изъ чувства любви повиноваться себѣ, даже въ тѣхъ случаяхъ, когда требованія родителей и воспитателей сталкиваются съ наклонностями и желаніями дѣтей и кажутся лишними и тяжкими для послѣднихъ.

Воспитывать въ дѣтяхъ чувство благодарности тоже возможно только съ помощію примѣровъ, а не наставленій. У ребенка чувство преобладаетъ надъ разумомъ; поэтому было бы безполезно разсуждать съ нимъ, что справедливость требуетъ воздавать добро тѣмъ, которые для насъ дѣлаютъ добро, а такъ какъ родители оказываютъ намъ наиболѣе добра, то обязанность наша благодарить ихъ за все это и мыслями, и словами, и дѣлами. Слѣдуетъ, впрочемъ, твердить постоянно, что неблагодарность презрительна и отталкиваетъ отъ насъ всякаго честнаго человѣка. Паче всего слѣдуетъ и словомъ, и дѣломъ доказывать дѣтямъ, въ чемъ состоитъ благодарность, какъ и когда

слѣдуетъ исполнять эту обязанность, этотъ священный долгъ истиннаго христіанина и человѣка, пользующагося уваженіемъ. Оказываютъ же дѣти свою благодарность родителямъ *благопристойностію, прилежаніемъ и услужливостію.* Пріобрѣтеніемъ новыхъ свѣдѣній, успѣхами въ наукахъ и безукоризненнымъ поведеніемъ дѣти щедро воздаютъ родителямъ за все то, чѣмъ обязаны имъ. Эту истину слѣдуетъ не только повторять словами, но и доказывать осязательно примѣрами изъ окружающей среды, нар. примѣрами образцовыхъ дѣтей сосѣдей.

Учить дѣтей любить и уважать родителей—немыслимо, потому что по командѣ можно только слушаться, но не любить. Любовь есть истекающее непосредственно изъ сердца чувство, заставляющее насъ заботиться о другихъ, дѣлать имъ добро и способствовать ихъ желаніямъ и стремленіямъ, не ради себя, а ради ихъ самихъ. Когда, напр., дѣти желаютъ постоянно быть у маменьки, требуя, чтобъ она ни на минуту не отлучалась отъ нихъ, то это не любовь, а привязанность, которая *ищетъ своего.* Истинную любовь Апостолъ Павелъ обрисовалъ слѣдующими словами: «Любовь долготерпитъ, милосердствуетъ, не завидуетъ, не превозносится, не гордится, не безчинствуетъ, не раздражается, *не ищетъ своего*, не мыслитъ зла». Какъ скоро родители съумѣли внушить дѣтямъ любовь къ себѣ, то дѣти легко исполнятъ всѣ другія обязанности, послушаніе, справедливость, благодарность и услужливость. Вся сила въ любви. Даже въ желѣзной военной дисциплинѣ элементъ любви часто творитъ чудеса, чему служитъ примѣромъ переходъ Суворова чрезъ Альпы съ его до крайности изнуренными, но любившими его храбрецами. Но, увы, сколько родителей сошло преждевременно въ могилу, убитыхъ горестію о дурномъ поведеніи своихъ неблагодарныхъ дѣтей, забота и тоска о которыхъ отравили жизнь ихъ!

С) Обязанности дѣтей къ учителямъ.

На чемъ основаны эти обязанности?

Познанія суть высшія блага міра сего, съ помощію которыхъ прилежный пріобрѣтаетъ всѣ другія блага: собственность, богатство, почести, уваженіе, вліяніе и т. д. Все это, хотя косвенно, доставляетъ человѣку *учитель.* Учитель теряетъ одну половину своей жизни на пріобрѣтеніе необходимыхъ ему знаній, а

другую—на сообщеніе знаній учащимся. Вотъ почему послѣдніе обязаны оказывать учителямъ уваженіе, почитаніе, благодарность и послушаніе не менѣе чѣмъ родителямъ. Родители споспѣшествуютъ тѣлесному развитію, а учители духовному. Учителя работаютъ для пользы учащихся, послѣдніе же для собственной пользы. Чѣмъ же ученики могутъ выразить благодарность своимъ учителямъ? Ничѣмъ инымъ, какъ *вниманіемъ и прилежаніемъ*. Родители ожидаютъ, что учителя передадутъ ихъ дѣтямъ тѣ знанія, которыя послѣднимъ необходимы для житейскаго поприща ихъ; но родители недовольны учителями, когда ихъ надежды не сбываются. Невозможно, однако, передавать познанія изъ рукъ въ руки, какъ товаръ и деньги; а чѣмъ учителя виноваты, когда ученики ихъ безъ вниманія и прилежанія относятся къ преподаваемымъ имъ предметамъ? Понятно, что невнимательныя и лѣнивыя дѣти одинаково несправедливы какъ въ отношеніи къ родителямъ, такъ и къ учителямъ, обманывая надежды тѣхъ и другихъ.

Педагогика предлагаетъ слѣдующія мѣры, наиболѣе пригодныя для возбужденія вниманія и прилежанія учениковъ.

1) Учитель долженъ относиться къ своему дѣлу съ любовью и усердіемъ, и чѣмъ съ большею любовью стремится онъ просвѣтить своихъ учениковъ, тѣмъ на большій успѣхъ онъ можетъ разсчитывать. Энтузіазмъ возбуждаетъ энтузіазмъ, и ученикъ невольно обратитъ свое вниманіе на учебный предметъ, преподаваемый ему учителемъ съ воодушевленіемъ. Достоинъ сожалѣнія тотъ преподаватель, который въ своемъ занятіи ничего больше не видитъ, какъ средство къ существованію, и который относится къ своей обязанности, какъ ремесленникъ къ заданной ему срочной работѣ. Такой учитель можетъ, пожалуй, заработать много денегъ, но нравственнаго успѣха ожидать отъ него нельзя. Акуратностью и практическимъ тактомъ онъ, пожалуй, можетъ обратить на себя вниманіе начальства; но весьма сомнительно, чтобы вялость, съ которою онъ исполняетъ свою обязанность, могла обратить вниманіе учащихся на преподаваемый имъ предметъ.

2) Учитель долженъ относиться къ своимъ ученикамъ со вниманіемъ и неподдѣльнымъ ласковымъ обращеніемъ. Это вовсе не значитъ ослаблять дисциплину,—одно не исключаетъ другаго. Гуманное обхожденіе съ учениками, начиная отъ низшихъ классовъ, уваженіе личнаго достоинства учащихся, снисхож-

деніе къ ихъ невиннымъ слабостямъ и справедливость въ опредѣленіи мѣры наказанія, безъ пристрастія къ лицу и сословію, лучше всего способны вызвать привязанность и любовь къ учителю,—остальное само собою *будетъ и преизбудетъ*. Не подлежитъ сомнѣнію, что извѣстное всѣмъ превосходство нѣмецкихъ школъ, низшихъ, среднихъ и высшихъ, обусловлено отчасти субъективными качествами учителей, которые всегда относятся къ своимъ ученикамъ ласково и съ участіемъ, хотя и безъ крайней фамильярности, а не какъ начальники къ подчиненнымъ. Слѣдуетъ также повторять учащимся, что если учитель и заинтересованъ въ ихъ успѣхахъ, то все-таки не учитель, а они выносятъ прямую пользу отъ успѣшнаго ученія. Слѣдуетъ вразумлять ихъ, что учиться есть такая же обязанность, какъ повиноваться, и что лѣностію они поступаютъ несправедливо противъ родителей и учителей, равно какъ и противъ самихъ себя; что учиться по приказанію и по собственной волѣ—двѣ вещи разныя и что, для успѣшнаго ученія, имъ необходимо относиться къ учебнымъ предметамъ съ такою же охотой, любовью и вниманіемъ, какъ и къ предметамъ игры; что придетъ время, когда серьёзныя занятія жизни, собственныя дѣла, общественная или государственная служба будутъ поглощать все ихъ время и что потерянное въ школахъ время и упущенный случай къ просвѣщенію больше никогда не возвратятся.

Д) Обязанности къ братьямъ, сестрамъ и товарищамъ.

Имѣть друзей есть большое благо въ жизни; безъ нихъ человѣкъ остается одинокъ, безъ помощи и опоры. Родные суть наши естественные друзья, составляющіе для насъ безцѣнное благо; отсюда возникаетъ обязанность жить съ ними дружно, одолжать и любить ихъ.

Жить дружно съ кѣмъ-либо значитъ согласовать свои чувства и стремленія воли съ его чувствами и волею. Для этого необходимо избѣгать ссоры и распри, быть снисходительнымъ къ слабостямъ и недостаткамъ и готовымъ къ скорому примиренію съ другомъ: мудрость выражается въ уступчивости. Долгъ воспитателя вразумить воспитанника, что спорить и ссориться съ товарищами и родными столь же безразсудно, какъ и несправедливо, потому что неуживчивость и задорность отталкиваютъ отъ

насъ другихъ, жить же въ одиночествѣ скучно и томительно. Только преступниковъ присуждаютъ къ одиночному тюремному заключенію. Поэтому справедливость требуетъ, чтобы человѣкъ за то благо, которое доставляетъ ему общежитіе, не оскорблялъ чувствъ и не тормозилъ бы стремленій волп тѣхъ, съ которыми онъ живетъ. Эти истины, конечно, недоступны дѣтямъ. Правда, что врожденныя дѣтямъ стремленія къ дѣятельности заставляютъ ихъ постоянно искать сообщества другихъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ, по эгоизму своему, они не уважаютъ правъ и желаній товарищей, желая всегда поставить все на своемъ. Обязанность воспитателей противодѣйствовать этому. Когда же воспитанникъ начинаетъ дразнить, мучить и вообще обижать своихъ товарищей, не скрывая даже своего удовольствія, когда ему удается причинить товарищамъ непріятность, то такое проявленіе злорадства и злобности характера заслуживаетъ строгаго порицанія, а при повтореніи требуетъ неминуемо наказанія, при чемъ необходимо пробуждать чувства состраданія и милосердія, заглохшія въ сердцѣ такого воспитанника, и напоминать ему слова Спасителя; «Блаженны кроткіе, ибо они наслѣдуютъ землю. Блаженны милостивые, ибо они помилованы будутъ» (Матѳ. V). А такъ какъ кротость и милосердіе сопровождаются услужливостію, т.-е. готовностію дѣлать для другихъ то, чего они желаютъ, то обязанность воспитателя пріучить воспитанника оказывать услуги, какъ роднымъ, такъ и товарищамъ, и привести въ его сознаніе необходимость услужливости, ибо общежитіе возможно только при взаимности услугъ, оказываемыхъ людьми другъ другу. Потребности животныхъ до крайности ограниченны, такъ что для удовлетворенія ихъ онѣ не нуждаются въ помощи другихъ; человѣкъ же, по разнообразію и многочисленности своихъ нуждъ, безъ содѣйствія другихъ людей обойтись не можетъ. Поэтому мы обязаны цѣнить оказываемыя намъ другими услуги, за которыя, по мѣрѣ силъ своихъ, должны оказывать услуги и имъ. Слѣдуетъ притомъ вразумить воспитанника, что данное кому-либо обѣщаніе требуетъ акуратнаго исполненія, ибо обѣщаніе безъ исполненія вредитъ другимъ, потому что обманываетъ ихъ въ надеждѣ и ожиданіи.

Любовь къ родителямъ, какъ выше было сказано, составляетъ врожденное человѣческому сердцу чувство. Таково же чувство любви къ братьямъ и сестрамъ, съ которыми мы въ дѣтствѣ дѣлимъ радость и горе, *пріятное* и *непріятное*, съ кото-

рыми воспитываемся въ однихъ и тѣхъ же правилахъ и привычкахъ.

Но случается, что дѣти одного и того же семейства завидуютъ другъ другу, такъ что иногда противно видѣть жадность, съ которою одни братья и сестры смотрятъ на достающіяся другимъ братьямъ и сестрамъ доли въ большомъ количествѣ, напр. части пирожнаго, ягодъ и т. под., при чемъ даже презрительно отталкиваютъ собственныя доли. Все это доказываетъ себялюбіе и недоброжелательство, которыя тѣмъ болѣе непростительны, чѣмъ старше возрастомъ и чѣмъ развитѣе дѣти, у которыхъ онѣ обнаруживаются. Обязанность воспитателя вразумить дѣтей, что личный интересъ не умаляется тѣмъ, что другіе пользуются несравненно большими благами. Слѣдуетъ показать дѣтямъ, что счастіе другихъ не можетъ причинить намъ вреда, какъ скоро послѣдніе поступаютъ съ нами справедливо. То, что непріятно затрогиваетъ наше чувство, коренится въ безнравственности нашего сердца, это именно *чувство зависти.* Любя искренно своихъ братьевъ и сестеръ, своихъ товарищей и вообще людей, не слѣдуетъ завидовать имъ, напротивъ надобно радоваться ихъ счастью, ибо въ противоположность чувству зависти, составляющему мученіе для человѣка, радость о счастьѣ другихъ наполняетъ наше сердце пріятнымъ чувствомъ, тихимъ миромъ и невозмутимымъ спокойствіемъ. Не слѣдуетъ также относиться враждебно къ людямъ потому только, что они другаго племени, другой національности, другаго сословія, или другой религіи, чѣмъ мы. Такъ, напр., Французъ ненавидитъ Англичанина и Нѣмца, Полякъ ненавидитъ Нѣмца и Русскаго. Такое чувство безнравственно и даже вредно для тѣхъ, которые его питаютъ, потому что лишаетъ ихъ довѣрія и привязанности, а иногда вооружаетъ противъ нихъ людей, къ которымъ они относятся враждебно.

ПРОДОЛЖЕНІЕ О ПРАВИЛАХЪ СПРАВЕДЛИВОСТИ.

Бесѣда четвертая.

В) *Объ обязанности взрослыхъ и о приготовленіи дѣтей къ исполненію этихъ обязанностей.*—I. *Семейныя обязанности.*—1) *Призваніе* или должность.—Обязательное избраніе соотвѣтственнаго занятія.—Выборъ занятій сообразно наклонностямъ и способностямъ.—Безразсудность стремленія къ знатному званію.—Сильные міра сего и милліонеры.—Собственный выборъ призванія и сила обстоятельствъ.—Наслѣдственность занятій.—Прилежаніе и бережливость, какъ условія успѣха въ каждомъ дѣлѣ.—Низшее званіе и высшія должности.—Общественная польза и личныя выгоды.—Счастье и званіе, ремесленникъ и король.—Довольство своимъ званіемъ.—Назначеніе дѣвицъ.—Познанія какъ средство самостоятельнаго пропитанія.—Общественная дѣятельность женщинъ и безразсудность стремленія къ ней, какъ къ источнику семейнаго разрушенія.—Отецъ, мать и дѣти.—Примѣръ фабричныхъ районовъ Англіи.—Трудъ мужа внѣ дома, трудъ жены въ домѣ.—*Точность* и *акуратность* дѣтей, какъ условія исполненія ими обязанностей въ зрѣломъ возрастѣ.—Обязательство и исполненіе.—Солдатъ и его постъ.—Наслажденіе въ исполненіи долга.—Недовольство своей долей.—Наполеонъ I и его конецъ.—2) *Обязанности супруговъ.*—Супружество, какъ основаніе частнаго и общественнаго благоустройства.—Супружество, какъ воспитательный союзъ.—Неумѣстность эгоизма супруговъ и ихъ самопожертвованіе.—Супружескія доблести.—Развлеченія супруговъ внѣ дома и происходящее отъ того колебаніе семейнаго быта.—Отлучка родителей, какъ причина дурнаго воспитанія дѣтей.—Домосѣдка и свѣтская дама, дѣти той и другой.—Бережливость и любовь къ порядку, какъ условія супружескаго счастія и хорошаго воспитанія дѣтей.—Акуратность въ военной службѣ, въ учебныхъ заведеніяхъ и въ домашнемъ быту.—Польза акуратности для тѣлеснаго здоровья и обитатели богоугодныхъ заведеній.—Образецъ порядка въ природѣ.—*Чистоплотность* и ея вліяніе на здоровье и внѣшній бытъ.—Нечистоплотность какъ признакъ нравственной испорченности.—Порядокъ у дѣтей въ отношеніи вещей, отдыха и работы.—Любовь супруговъ и примѣры дѣтямъ.—Капризы женщинъ какъ отрава супружеской жизни.—Обязанности супруговъ въ отношеніи образованія и воспитанія дѣтей.

В) ОБЪ ОБЯЗАННОСТЯХЪ ВЗРОСЛЫХЪ ЛЮДЕЙ И О ПОДГОТОВЛЕНІИ ДѢТЕЙ КЪ ИСПОЛНЕНІЮ ЭТИХЪ ОБЯЗАННОСТЕЙ.

Быстро подростаютъ дѣти и приближается то время, когда они, оставляя школу, дѣлаются дѣятельными членами общества. Такъ, напр., юноша, по достиженіи двадцатилѣтняго возраста,

обязанъ исполнить воинскую повинность; дѣвицамъ же въ этотъ возрастъ предстоитъ исполненіе обязанностей супругъ и хозяекъ. По этому необходимо, чтобы молодежь предварительно знакомилась съ своими будущими обязанностями, которымъ весьма легко научиться съ помощію опытныхъ совѣтовъ родителей, учителей, между тѣмъ какъ впослѣдствіи приходится дорого платиться за собственный опытъ. Къ таковымъ обязанностямъ относится:

I. Семейныя обязанности.

1) *Призваніе.* Призваніемъ называется занятіе или дѣло, по собственному нашему выбору или по порученію нами исполняемое. Въ послѣднемъ случаѣ оно называется *должностью*. На всякомъ человѣкѣ лежитъ обязанность выбирать себѣ соотвѣтственное занятіе, посвятить себя на служеніе дѣлу, акуратно и безукоризненно исполнять оное. Всякое призваніе считается хорошимъ и честнымъ, когда оно способствуетъ и личному и общественному благу.

При выборѣ занятій, мы должны руководствоваться нашими наклонностями, преимущественно же нашими способностями, ибо человѣкъ вообще наиболѣе успѣваетъ въ такомъ занятіи, которое ему по сердцу и къ которому онъ способенъ. Суетно же и безразсудно стремиться только къ *знатному* званію, т.-е. къ занятію начальнической должности въ обществѣ и государствѣ. Къ недугамъ нашего времени относится то обстоятельство, что рѣдко люди отъ искренняго сердца любятъ свое призваніе и всецѣло преданы служенію дѣлу, судьбою на нихъ возложенному. Каждый, изъ гордости или жадности, стремится только возвышаться надъ своей средой. Это происходитъ отъ того, что люди ложно цѣнятъ житейскія блага, которыхъ ищутъ тамъ, гдѣ ихъ нѣтъ. Ни власть и почести исключительно, ни богатство, ни роскошь, ни широкій комфортъ не доставляютъ человѣку того душевнаго спокойствія, въ которомъ заключается истинное счастіе; а съ другой стороны нѣтъ призванія, которое, при акуратномъ исполненіи его, не могло бы доставить намъ этого внутренняго мира. Сильные міра сего и милліонеры далеко еще не счастливы, потому именно, что, волнуясь безпрестанно въ изобрѣтеніи средствъ для достиженія наибольшаго матеріальнаго благосостоянія, они лишены спокойствія,

этого тихаго душевнаго мира. Глубокая истина высказана нашимъ великимъ баснописцемъ въ басни *Дубъ и Тростъ*:

«Не за себя я вихрей опасаюсь;
«Хотя я гнусь, но не ломаюсь.
«Такъ бури мало мнѣ вредятъ,
«Едва ль не болѣе тебѣ онѣ грозятъ!»

Не подлежитъ сомнѣнію, что отъ хорошаго выбора призванія зависитъ большая часть нашего житейскаго счастія, тѣмъ болѣе, что не всегда возможно перемѣнить призваніе. Такъ, напр., кто посвятилъ себя учительской должности, тотъ рѣдко можетъ сдѣлаться агрономомъ, и на оборотъ. Обыкновенно люди посвящаютъ себя извѣстному занятію по собственному выбору и охотѣ; но, какъ говоритъ пословица, — «охота пуще неволи», и при томъ наши склонности перемѣнчивы и слѣпы, поэтому не всегда слѣдуетъ опираться на нихъ при выборѣ занятій. Бываютъ, напр., молодые люди, которые, посвятивъ себя военной службѣ, считаютъ ее впослѣдствіи рабствомъ, между тѣмъ какъ другіе, поступая по обстоятельствамъ въ эту службу, впослѣдствіи предаются ей всецѣло.

Наклонности у взрослыхъ бываютъ иныя, чѣмъ у юношей и отроковъ, и каждое призваніе сопряжено съ непріятностями и хлопотами, съ которыми мы осваиваемся со временемъ, а не тотчасъ. По этому всякій долженъ предварительно сообразиться съ своими способностями и наклонностями, а затѣмъ ознакомиться съ обязанностями, сопряженными съ извѣстнымъ, принимаемымъ на себя, призваніемъ. Опытомъ, между прочимъ, доказано, что рѣдко ошибаются тѣ молодые люди, которые посвящаютъ себя занятіямъ родителей своихъ. Такъ, напр., сынъ землевладѣльца, военнаго, чиновника, мельника или кузнеца съизмала знакомится съ горемъ и радостію, съ выгодами и невыгодами занятія своего отца, и тѣмъ самымъ въ состояніи измѣрить и опредѣлить, насколько хватаетъ у него силы и охоты къ надлежащему исполненію обязанностей отца. У кого нѣтъ тонкаго слуха, тотъ не можетъ быть хорошимъ музыкантомъ; кто неуклюжъ въ движеніяхъ своихъ членовъ, тотъ не можетъ бы хорошимъ механикомъ, и у кого зрѣніе слабо, тотъ не можетъ быть ни хорошимъ часовщикомъ, ни хорошимъ живописцемъ. Тамъ, гдѣ наклонности не соразмѣрны съ способностями,—слѣдуетъ

отдавать предпочтеніе послѣднимъ, т.-е. выбирать такое занятіе, къ которому оказываются у насъ способности и талантъ. Вообще не слѣдуетъ при этомъ обращать особенное вниманіе на то, что каждый невыгодно отзывается о своемъ званіи. Часто, напр., слышно: «выбирайте вы званіе и профессію какія хотите, только не дѣлайтесь врачомъ, или адвокатомъ, или купцомъ. Много—де труда, хлопотъ, огорченія, досады, но мало выгодъ. Прежде было—де хорошо, но теперь изъ рукъ вонъ—плохо». Такія жалобы стары, какъ свѣтъ, и весьма понятны, потому что непріятности своего званія впечатлѣваются гораздо глубже, чѣмъ выгодная сторона его. *Вѣрно только то, что дѣльный, прилѣжный и бережливый человѣкъ имѣетъ успѣхъ въ каждомъ дѣлѣ.* Стремиться же къ призванію, совершенно свободному отъ всѣхъ невзгодъ, заботъ и хлопотъ, значило бы хотѣть передѣлать цѣликомъ человѣческую природу.

На воспитателѣ лежитъ обязанность привести всѣ эти истины въ сознаніе воспитанниковъ, конечно понимающихъ уже, и вразумить ихъ, что низшее званіе не унижаетъ человѣка, работающаго для общаго блага, и что, съ другой стороны, люди, занимающіе высшія должности, тогда только почетны, когда поступаютъ справедливо и честно. Одна общая польза, а не личныя выгоды и внѣшній блескъ служатъ масштабомъ уваженія. Съ каждымъ званіемъ сопряжены выгоды и дрязги; но никакое званіе не мѣшаетъ человѣку заслуживать общаго уваженія, которое достигается не должностію или профессіею человѣка, но честностію его поступковъ. Счастье и радости въ жизни не зависятъ отъ званія и отнюдь не составляютъ привиллегіи высшихъ сословій. Самый мелкій ремесленникъ живетъ иногда гораздо беззаботнѣе, чѣмъ король или милліонеръ. Люди были бы гораздо счастливѣе, если бы оставались довольны призваніемъ, имъ разъ выбраннымъ, если бы искали удовлетворенія въ самыхъ *занятіяхъ*, которыя возлагаетъ на нихъ призваніе, и не считали бы эти занятія лишь за средство къ пріобрѣтенію денегъ и чувственныхъ наслажденій.

Не менѣе важно, чтобъ и дѣвицы думали о своемъ призваніи. Назначеніе женщинъ преимущественно завѣдывать хозяйствомъ, заботиться о домашнемъ благоустройствѣ, соразмѣряя расходы съ доходами, и воспитывать дѣтей въ евангельскомъ духѣ. Кромѣ того, имъ необходимо пріобрѣтать такія познанія, съ по-

мощію которыхъ онѣ, въ случаѣ нужды, могли бы самостоятельно снискивать себѣ пропитаніе.

Въ новѣйшее время женщины стали занимать не только учительскія должности, но и почтовыя и телеграфныя, въ Америкѣ бываютъ даже врачами и занимаютъ государственныя должности. Впрочемъ случаи общественной дѣятельности женщинъ составляютъ исключеніе изъ общепринятой формы общежитія, и было бы безразсудно, если бы всѣ женщины устремились къ занятію должностей наравнѣ съ мущинами, ибо этимъ совершенно разрушилась бы семейная жизнь съ ея тихимъ счастьемъ. Отецъ по дѣламъ оставляетъ домъ и семейство на цѣлые дни, недѣли и мѣсяцы: что было бы съ дѣтьми, если бы мать слѣдовала примѣру отца? Въ нѣкоторыхъ фабричныхъ районахъ Англіи это именно и случается; но результаты такого положенія самые печальные, такъ что жизнь и родителей и дѣтей въ высшей степени жалка, и послѣдніе нерѣдко погибаютъ отъ недостатка ухода за ними. Въ природѣ вещей, чтобы мужъ взялъ на себя тяжкій, обременительный, а часто и опасный трудъ внѣ дома, между тѣмъ какъ на женѣ долженъ лежать трудъ, хотя легчайшій, но болѣе важный и не менѣе хлопотливый,—внутри дома.

Для безукоризненнаго исполненія обязанностей призванія въ зрѣломъ возрастѣ, необходимо пріучать дѣтей къ точному и акуратному исполненію возлагаемыхъ на нихъ порученій, а также дѣлъ, которыя они принимаютъ на себя. Лучше вовсе не обѣщать и не принимать на себя обязательства, чѣмъ не сдержать даннаго обѣщанія и слова. Солдатъ, оставляющій свой постъ, считается трусомъ, безчестнымъ человѣкомъ; а мы всѣ въ извѣстномъ смыслѣ солдаты, такъ какъ каждый изъ насъ имѣетъ свой опредѣленный постъ, то болѣе, то менѣе значительный. Важно также то, чтобы каждый искалъ своего удовлетворенія въ самомъ исполненіи обязанностей, а не въ однихъ выгодахъ, доставляемыхъ ими. Здѣсь, какъ вездѣ, все зависитъ отъ правильной оцѣнки, какъ нашихъ потребностей, такъ и средствъ къ удовлетворенію ихъ. При этой оцѣнкѣ всегда благоразумнѣе и полезнѣе брать примѣръ съ людей, стоящихъ *ниже* насъ, а не *выше*, ибо жадность къ чувственнымъ удовольствіямъ не знаетъ границъ. Кто имѣетъ много, тотъ обыкновенно желаетъ еще большаго и никогда не доволенъ своей долей. Наполеонъ I изъ поручика сдѣлался регентомъ,

королемъ, императоромъ; но, бывши недоволенъ своей судьбой, увлекся своимъ ненасытнымъ властолюбіемъ, хотѣлъ завладѣть всѣмъ міромъ и кончилъ горемычно на жалкомъ, скалистомъ островѣ. Здоровый и прилежный человѣкъ никогда не бываетъ безъ насущнаго хлѣба и зарабатываетъ настолько, чтобъ удовлетворять своимъ нуждамъ; но это только тогда, когда онъ живетъ сообразно съ своими доходами, а не сообразно съ желаніями. *Тотъ богатъ, кто болѣе трудится, и менѣе расходуетъ, чѣмъ пріобрѣтаетъ, а тотъ бѣденъ, кто поступаетъ на оборотъ.* Не рѣдко бывали люди, которые жили безбѣдно и беззаботно, имѣя ежегодно по 1000 рублей дохода; но, получивъ наслѣдство въ 200.000 рублей, чрезъ нѣсколько лѣтъ попадали въ тюрьму за долги, потому что, получивъ много, израсходовали гораздо больше.

2) Объ обязанностяхъ супруговъ.

Рядомъ съ призваніемъ, супружество есть новое основаніе, на которомъ зиждется частное и общественное благоустройство. Супружество есть воспитательный союзъ, въ которомъ супруги, мужъ и жена, оказываютъ другъ на друга развивающее, совершенствующее вліяніе, то, котораго добиваются родители и воспитатели въ дѣтяхъ. По важности этого союза необходимо, чтобы родители и воспитатели прямо или косвенно подготовляли дѣтей къ исполненію обязанностей, сопряженныхъ съ семейною жизнію и обусловливающихъ счастіе ея.

Главная цѣль супружества и первая обязанность супруговъ—способствовать взаимному ихъ благу, равно и благу дѣтей своихъ. Супружескій союзъ составляетъ въ этомъ отношеніи неразрывное цѣлое, въ которомъ интересы мужа и жены сливаются воедино. Здѣсь нѣтъ мѣста эгоизму, и истинная любовь супруговъ зиждется на *самопожертвованіи*. Пока супруги не проникнуты чувствомъ, что между ними понятія «мое» и «твое» стушевались и слились въ одно понятіе «наше»—до тѣхъ поръ въ брачномъ союзѣ еще мало проку. Отношенія супруговъ другъ къ другу не только исключаютъ всякій поступокъ, которымъ бы они могли наносить другъ другу вредъ, но супруги должны имѣть въ виду только дѣлать добро другъ другу и споспѣшествовать взаимно желаніямъ и стремленіямъ другъ друга. Къ супружескимъ доблестямъ принадлежитъ: 1) привязанность къ

дому, 2) трудолюбіе, 3) бережливость, 4) любовь къ порядку, 5) доброжелательство и взаимное уваженіе.

Бываютъ мущины, которые ежедневно, по окончаніи обыденныхъ занятій, спѣшатъ въ театръ, клубъ и т. п.; бываютъ и женщины, которыя предпочитаютъ провести вечеръ у знакомыхъ, въ театрѣ, словомъ гдѣ-нибудь, но не дома. При такихъ наклонностяхъ и привычкахъ семейное счастье не мыслимо. Тутъ возникаютъ взаимныя неудовольствія супруговъ, дѣти и прислуга остаются безъ надзора, и семейный бытъ начинаетъ колебаться. Бывать въ обществѣ и искать развлеченій, конечно, не предосудительно, какъ скоро это случается не ежедневно и не становится привычкой или страстью. Но, къ сожалѣнію, случается слишкомъ часто видѣть, что мужъ скучаетъ, когда не можетъ быть каждый вечеръ въ клубѣ, а жена сама не своя, когда не можетъ быть въ обществѣ. Ясно, что, во время отсутствія родителей, дѣти ничему хорошему отъ прислуги не научаются, и такимъ образомъ дурное воспитаніе часто имѣетъ свой источникъ въ легкомысленныхъ, эгоистическихъ привычкахъ родителей. «Въ гостяхъ хорошо, а дома еще лучше», говоритъ пословица, и грядущія поколѣнія много выиграли бы въ своемъ нравственномъ развитіи, если бы всѣ родители были проникнуты этой истиной. Истинное счастье, т.-е. душевный миръ человѣка, заключается въ своевременномъ переходѣ отъ работы, физической или умственной, къ отдыху, пріятному и безобидному для своихъ. Домосѣдка въ педагогическомъ отношеніи заслуживаетъ больше уваженія, чѣмъ свѣтская дама, и при одинаковыхъ условіяхъ дѣти первой будутъ лучше воспитаны, чѣмъ дѣти послѣдней. А сколько на удовольствія и развлеченія тратится денегъ, которыя при сбереженіи могли бы служить на черный день!

Для того, чтобы знакомить дѣтей съ важностію *бережливости*, для этого слѣдуетъ ихъ заставлять помножать каждое мелкое ежедневное сбереженіе на 365. Но важнѣе всего то, чтобы родители не подавали собою дѣтямъ примѣра расточительности и суетныхъ стремленій къ пустымъ общественнымъ развлеченіямъ. Трудолюбивые и бережливые супруги всегда привязаны къ своему дому, и счастье супружеской жизни служитъ обыкновенно залогомъ хорошаго воспитанія дѣтей.

Точно также и *любовь къ порядку* принадлежитъ къ существеннымъ условіямъ счастливой супружеской жизни и составляетъ

одно изъ важнѣйшихъ условій нравственнаго воспитанія дѣтей. *Любовь къ порядку заключается въ стремленіи класть всѣ вещи на свое мѣсто и совершать всѣ дѣла въ свое время.* Въ молодости мы часто имѣемъ привычку класть вещи не на свое мѣсто, а гдѣ попало, полагая, что соблюсти порядокъ неудобно и *мѣшкотно*, но это заблужденіе. На первыхъ порахъ намъ, конечно, стоитъ нѣсколько времени и труда, чтобы положить книгу, перо, письмо, ключъ и т. п. на извѣстное мѣсто; но впослѣдствіи этотъ трудъ вдесятеро вознаграждается. Конечно, досадно быть вынужденнымъ искать подолгу запрятанные гдѣ-либо ключъ или книгу, и когда наступаетъ часъ, что намъ необходимо спѣшить въ школу, по дѣламъ или на службу, въ засѣданіе или собраніе, то мы проклинаемъ книгу и ключъ, между тѣмъ какъ слѣдовало бы досадовать на самого себя. Благоразумно также соблюдать строгій порядокъ относительно времени. Когда уроки, засѣданіе, работа на фабрикѣ, открытіе конторы и т. д. начинаются въ 8 часовъ, то мы обязаны явиться ровно въ 8 часовъ, а не на четверть часа прежде или позже. Въ военной службѣ волей-неволей каждый привыкаетъ къ строжайшей акуратности. Почему не поступать такъ же въ общественной жизни? *То, что возможно исполнять по необходимости или по приказанію, возможно также совершать по доброй волѣ.* Польза акуратности очевидна. Къ чему бы, напр., служили почты и желѣзныя дороги, если бы онѣ не приходили и не отходили въ извѣстную минуту? Или какой бы прокъ былъ отъ учебныхъ заведеній, если бы учителя и ученики вздумали приходить и уходить оттуда по произволу, кто утромъ, кто вечеромъ? То же самое можно сказать о домашнемъ бытѣ, что худо, когда отецъ семейства приходитъ къ обѣду, а кушанье не готово, или когда кушанье подано, а члены семейства не собраны! Отсюда происходитъ не только разстройство, но вредъ и ущербъ, остановка дѣла и трата времени. Даже для тѣлеснаго здоровья порядокъ и акуратность полезнѣе, нежели какъ это думаютъ. Неоспоримый фактъ, что люди, находящіеся въ богоугодныхъ заведеніяхъ, гдѣ строго и точно соблюдаются часы сна и бодрствованія, работы и отдыха, ѣды и питья,—что эти люди живутъ гораздо дольше, чѣмъ люди одинаковаго сословія, ведущіе неакуратную жизнь.

Самая природа примѣромъ своимъ указываетъ намъ на необходимость строжайшаго порядка. Солнце, луна и вообще всѣ

небесныя тѣла въ своихъ движеніяхъ не опаздываютъ ни на одну секунду, а если бы это случилось, то не только разстроились бы всѣ наши земныя дѣянія и стремленія, но самыя небесныя тѣла наткнулись бы другъ на друга и вселенная превратилась бы въ прахъ. Подобнымъ образомъ миръ, радушіе и благосостояніе разрушаются въ безпорядочномъ хозяйствѣ. Между любовью къ порядку и опрятностію находится тѣсная связь. Чистоплотность сохраняетъ наше здоровье, дѣлаетъ насъ наиболѣе способными къ труду и облагораживаетъ весь внѣшній бытъ нашъ. Опрятность украшаетъ самое скромное хозяйство, незатѣйливый туалетъ и убранство. Внѣшняя нечистоплотность заставляетъ подозрѣвать нравственную распущенность. Поэтому родители и воспитатели должны пріучать дѣтей къ строгому порядку, и наблюдать за тѣмъ, чтобы послѣдніе клали всегда все на свое мѣсто, особенно вечеромъ, по окончаніи занятій, и чтобы они съ непоколебимою послѣдовательностію соблюдали извѣстный часъ и минуту какъ для работы, такъ и для отдыха. Пусть дѣти съ ранней поры привыкаютъ быть акуратными во всемъ и не заставлять никого ждать ихъ, ибо время дорого.

Нечего говорить о любви супруговъ, безъ которой супружеское сожитіе становится адомъ. Но какъ специфическое свойство нашей воли, т.-е. характеръ, намъ врождено, то, для сохраненія домашняго мира и чтобы не подавать дурнаго примѣра дѣтямъ, родители должны подавлять всякое эгоистическое, своевольное и задорное стремленіе свое, въ самомъ зародышѣ его, а, въ случаѣ проявленія запальчивости и вспышки, выражать по крайней мѣрѣ сожалѣніе о томъ и просить прощенія у обиженной стороны. Во всякомъ случаѣ не слѣдуетъ дуться ни обиженной сторонѣ, ни тѣмъ болѣе обидчику. Часто одного ласковаго взгляда достаточно, чтобы мгновенно совершилось примиреніе. Неопытныя дѣвицы, выходящія замужъ и незнакомыя съ этими нравственными и педагогическими истинами, часто разстраиваютъ жизнь мужей и собственную мелкими, но постоянно повторяющимися оскорбленіями самолюбія мужей, потому что не умѣютъ сдерживать вспыльчивыя стремленія своего характера. Мужей, переносящихъ, подобно Сократу, изліянія дурнаго расположенія духа и капризной воли своихъ женъ,—весьма немного, отсюда происходитъ то, что мужъ невольно теряетъ привязанность къ дому и ищетъ развлеченія въ клубѣ и собраніяхъ, и въ правѣ ли жена въ подобныхъ случаяхъ сѣтовать

на горькую свою судьбу, вмѣсто того, чтобы сѣтовать на самую себя!

Кромѣ взаимнаго довѣрія, привязанности къ дому, трудолюбія, бережливости и любви къ порядку, составляющихъ обязанности, и проистекающее изъ нихъ счастіе супружеской жизни,— есть еще одна изъ самыхъ священныхъ обязанностей супруговъ въ отношеніи дѣтей. Эта послѣдняя обязанность состоитъ въ тѣлесномъ и духовномъ воспитаніи дѣтей, такъ какъ человѣкъ, благодаря единственно воспитанію своему, становится разумнымъ и нравственнымъ существомъ. Ясно, что, для правильнаго исполненія этой обязанности необходимо, чтобы родители знакомились съ теоретическими правилами и практическими пріемами, выведенными изъ размышленія и опыта, и систематически изложенными въ наукѣ о воспитаніи.

Такъ какъ педагогика составляетъ предметъ нашихъ бесѣдъ, то нѣтъ надобности говорить здѣсь особо о цѣли воспитанія и о средствахъ къ достиженію этой цѣли. Не лишне будетъ, однако жъ, повторить здѣсь, что, по самой природѣ вещей, на родителяхъ по преимуществу лежитъ обязанность, во 1-хъ, *учить* своихъ дѣтей, какъ различать *добро отъ зла*, и *пріучить* ихъ сообразовать свои поступки съ потребностями другихъ, а не съ однимъ собственными желаніями, и, во 2-хъ, *руководствоваться* при этомъ *не одною добротою и родительскою любовью, но и строгостью*, особенно же служить дѣтямъ собственною жизнію примѣромъ добра и истины.

ПРОДОЛЖЕНІЕ О СЕМЕЙНЫХЪ ОБЯЗАННОСТЯХЪ.

Бесѣда пятая.

3) *Обязанности къ прислугѣ.*—Понятіе о прислугѣ.—Жалобы на прислугу.—Порученіе и исполненіе.—Упущеніе и признаніе.—Ложь, лишающая довѣрія.—Легкомысліе и злонамѣренность прислуги въ отношеніи хозяевъ.—Исполнительность прислуги, какъ условіе хорошаго вознагражденія; снисканія расположенія и добраго съ нею обхожденія.—Невыгодность перемѣны мѣстъ.—Человѣчное обхожденіе хозяевъ съ прислугою.—Необремененіе работами и снисхожденіе къ невиннымъ упущеніямъ.—Невыгодность перемѣны прислуги.—Гнѣвливость и крутость обращенія съ прислугой, терпѣніе и снисхожденіе.—Воспитаніе прислуги собственнымъ примѣромъ, строгостью и добротою.—Гуманное и справедливое обращеніе дѣтей съ прислугой.—4) *Обязанности въ отношеніи къ сосѣдямъ.*—Независимость пустынника и зависимость поселянина и гражданина отъ сосѣдей.—Свобода дѣйствій пустынника и его безпомощность; ограниченія со стороны общежитія и доставляемыя имъ выгоды.—Права и обязанности сосѣдей.—Полицейскій законъ и совѣсть.—Вражда и сплетни.—Неуживчивость, перемѣна квартиръ и Франклинъ.

3) Объ обязанностяхъ по отношеніи къ прислугѣ.

Подъ именемъ *прислуги* разумѣются люди, которые за извѣстное вознагражденіе берутъ на себя часть нашихъ трудовъ и работъ. Будучи намъ чужими, люди эти, поступая къ намъ на службу, дѣлаются членами нашего хозяйства. Обязанности, лежащія на прислугѣ, даютъ ей въ то же время извѣстныя права; нарушая эти права, мы поступаемъ несправедливо.

Хозяева, а въ особенности хозяйки жалуются на грубость, жадность, лѣность, лживость и нечестность прислуги; нетрезвость составляетъ всеобщую жалобу. Жалобы эти большею частію основательны; но и прислуга съ своей стороны часто не безъ основанія жалуется на хозяевъ своихъ. Поэтому каждая сторона обязана знать свои обязанности и добросовѣстно исполнять ихъ.

Кому поручено исполнить извѣстную работу, тотъ обязанъ исполнить ее не такъ, какъ ему угодно, а какъ угодно заказчику или хозяину. Притомъ эта работа должна быть произведена въ условное время и добросовѣстно, т.-е. такъ, какъ силы и способности дозволяютъ. Если исполненная работа не безупречна, то исполнителю не слѣдуетъ этимъ обижаться, а остается только молчать или извиняться. Всякій неосновательный предлогъ не составляетъ извиненія, а есть ложь, лишающая довѣрія на будущее время, когда предлогъ дѣйствительно заслуживалъ бы уваженія. Сказанное здѣсь о прислугѣ вообще можетъ быть приложено ко всѣмъ обязательствамъ, основываемымъ на договорахъ, въ силу которыхъ одна сторона обязуется къ исполненію извѣстнаго труда, напр. къ обязанностямъ воспитателей, домоправителей, управляющихъ имѣніями, прикащиковъ, чиновниковъ и т. д.

Не хорошо и нечестно поступаетъ прислуга, когда изъ легкомыслія или злонамѣренности, дурно отзывается о своихъ хозяевахъ. Напротивъ, того если другіе это дѣлаютъ, то прислуга обязана защищать своихъ хозяевъ или по крайней мѣрѣ, не соглашаться съ оскорбительнымъ, въ отношеніи хозяевъ, мнѣніемъ. Корыстолюбивая и недовольная прислуга должна помнить, что, для полученія хорошаго вознагражденія и для снисканія расположенія и добраго съ нею обхожденія, существуетъ одно средство, а именно точное исполненіе долга. Частая перемѣна мѣстъ невыгодна уже потому, что убиваетъ вермя, а «время — деньги», какъ говоритъ англійская поговорка.

Съ другой стороны и хозяева должны относиться къ прислугѣ человѣчно. Не слѣдуетъ обременять прислугу работами, превышающими ея силы и вредящими ея здоровью, ни назначать слишкомъ короткаго срока для исполненія работъ. Здѣсь, какъ въ другихъ отношеніяхъ общежитія, хозяева должны помнить слова Спасителя: «не дѣлай того другому, чего не желаешь, чтобъ тебѣ дѣлали». Вотъ почему благоразуміе требуетъ оказывать снисхожденіе къ невиннымъ упущеніямъ и къ случайнымъ проступкамъ. Часто мѣнять прислугу непріятно и невыгодно, потому что привычки новой прислуги вовсе неизвѣстны, и съ знакомымъ негодяемъ справиться легче, чѣмъ съ незнакомымъ. Гнѣвливостію и крутостію обращенія съ прислугой хозяева часто больше портятъ дѣло, чѣмъ терпѣніемъ и сни-

схожденіемъ. Притомъ, хорошимъ собственнымъ примѣромъ можно воспитывать не только дѣтей, но и прислугу, и вѣрно то, что справедливые хозяева не дадутъ прислугѣ повода къ жалобамъ, клеветамъ и сплетнямъ. Въ обхожденіи съ прислугой точно такъ же, какъ при воспитаніи дѣтей, слѣдуетъ руководствоваться *какъ строгостью, такъ и добротою*, но не впадать въ крайность; ибо слишкомъ крутыя мѣры возбуждаютъ въ прислугѣ злобу къ хозяевамъ, а при крайней снисходительности прислуга становится нерадивою и высокомѣрною.

Долгъ воспитателя пріучать воспитанниковъ къ справедливому и гуманному обхожденію съ прислугой: и здѣсь, какъ вездѣ, «il faut prêcher d'exemple». Дѣти незамѣтно и безсознательно усвоиваютъ себѣ привычки и способы обхожденія родителей съ другими, и вашъ воспитанникъ, сдѣлавшись министромъ или губернаторомъ, будетъ поступать съ своими подчиненными такъ же, какъ поступаютъ его родители съ прислугой. т.-е. справедливо, безпристрастно и гуманно, чѣмъ естественно обусловливаются общее благо и благо отечества.

4) Обязанности по отношеніи къ сосѣдямъ.

Кто живетъ уединенно въ лѣсу или въ пустынѣ, тому вольно поступать, какъ ему угодно, не стѣсняясь никѣмъ и ничѣмъ. Иное дѣло въ селѣ или въ городѣ, гдѣ на каждомъ шагу чувствуется зависимость отъ сосѣда. Съ другой стороны, свобода дѣйствій въ пустынѣ не всегда въ прокъ пустыннику. Попади пустынникъ въ бѣду, почувствуй нужду въ помощи другихъ, и онъ тотчасъ убѣдится, что если общежитіе противопоставляетъ нашимъ желаніямъ и стремленіямъ ограниченія и стѣсненія, то въ свою очередь доставляетъ намъ безцѣнныя выгоды и громадную пользу. Поэтому общежитіе налагаетъ на насъ извѣстныя обязанности по отношеніи къ сосѣдямъ. Прежде всего слѣдуетъ строго и свято соблюдать *взаимныя отношенія и права*, установившіяся между сосѣдями. Если у сосѣдей общій дворъ, общій садъ, общая прачечная, кладовая, ледникъ и т. д., то справедливость требуетъ, чтобы одинъ сосѣдъ не пользовался большимъ противъ другаго мѣстомъ, временемъ и вообще какимъ-нибудь преимуществомъ, иначе раздорамъ и спорамъ не будетъ конца.

Но бываютъ случаи, когда полицейскій законъ не стѣсняетъ

свободы нашихъ дѣйствій, между тѣмъ какъ нравственный законъ или совѣсть предписываетъ строгое воздержаніе относительно сосѣдей. Такъ, напр., слѣдуетъ ли намъ шумѣть, танцовать, играть, когда рядомъ съ нашими жилыми комнатами, или вверху, или внизу, лежитъ тяжкій больной или покойникъ? А вотъ рядомъ съ нами живутъ учитель, чиновникъ, бухгалтеръ, которые воротились домой, утомившись работою цѣлаго дня, и которымъ нуженъ отдыхъ: позволительно ли намъ въ этомъ случаѣ производить ради своего удовольствія музыку или стукотню? Христіанская нравственность порицаетъ такіе поступки, хотя юридически они не возбраняются.

Заводить вражду съ сосѣдями вслѣдствіе сплетней прислуги также не слѣдуетъ согласно поговоркѣ: «не всякому слуху вѣрь». Благоразуміе требуетъ напротивъ, чтобы живущіе въ одномъ домѣ люди или сосѣди, въ случаѣ нужды, помогали другъ другу, уже потому, что помощь ихъ самая близкая, скорая и дѣйствительная, особенно когда родные и знакомые живутъ въ отдаленной части города, которые, слѣд., не могутъ подать, нетерпящей иногда отлагательства, помощи. Бываютъ, къ сожалѣнію, люди, которые, по неуживчивости съ сосѣдями, часто мѣняютъ квартиры. Но такіе люди лучше бы дѣлали, если бы вразумлялись и измѣняли свой сварливый нравъ. Кстати напомнить имъ истину, высказанную Франклиномъ, что «перемѣнить три раза квартиру то же, что разъ сгорѣть».

ПРОДОЛЖЕНІЕ ОБЪ ОБЯЗАННОСТЯХЪ ВЗРОСЛЫХЪ.

Бесѣда шестая.

II. *Общественныя обязанности.*—Общество, права и обязанности членовъ его.—Семейныя и общественныя потребности, подати и налоги.—Уклончивость отъ налоговъ и пользованіе общественными удобствами.—Общественные дѣятели и вознагражденіе ихъ.—Общественныя должности и выборы.—Нововведенія и рутинеры.—III. *Государственныя обязанности.*—Понятіе о государствѣ.—Законъ и верховная власть.—Государство и семейство.—Общины и государство.—Государственныя учебныя заведенія.—Внутренняя и внѣшняя защита личности и собственности.—Необходимость сильной власти для обузданія внутреннихъ враговъ.—Учрежденія и должности, необходимыя для охраны общественной безопасности.—Внѣшняя защита.—Воинская повинность какъ личный долгъ каждаго.—Армія.—Государственные расходы и налоги.—Отсутствіе налоговъ и отсутствіе обезпеченій личности, собственности, свободы, промышленности и торговли.—Періодъ смутнаго времени въ нашей исторіи.—Цивилизація и верховная власть съ вооруженною силою и налогами.—Отсутствіе налоговъ у однихъ дикихъ народовъ.—Монархъ и подданные.—Монархія и налоги, республика и налоги.—Сѣверо-Американскіе Соединенные Штаты, президентъ и государственные расходы.—*Государственныя обязанности:* 1) повиновеніе закону, 2) уваженіе начальства, 3) патріотизмъ (Мининъ и Сусанинъ) и 4) справедливыя соотношенія гражданъ.—Жалобы на капиталистовъ.—Трудъ и капиталъ.—Отмѣна капиталовъ и расточительность.—Соціализмъ, коммунизмъ и ослабленіе труда.—Язвы современнаго общества и исцѣляющее ихъ ученія о религіи и морали.—Цивилизація и нравственное образованіе, скопленіе капиталовъ и раздѣленіе труда.—*Гражданскія обязанности:* 1) попеченіе объ общемъ благѣ, 2) трудъ и сбереженіе и 3) довольство своимъ состояніемъ.—Приготовленіе дѣтей къ исполненію изчисленныхъ обязанностей. — Постепенность въ этомъ отношеніи.—Сознаніе долга и убѣжденія, какъ облегчающія исполненіе.

II. ОБЩЕСТВЕННЫЯ ОБЯЗАННОСТИ.

Подъ именемъ *общества* разумѣется союзъ людей, имѣющихъ общее мѣстожительство и общую цѣль, напр. *городское общество*, *приходъ*. Каждый членъ общества пользуется *извѣстными правами*, за которыя отбываетъ извѣстныя повинности

или *обязанности*. Права эти заключаются преимущественно въ пользованіи осѣдлостію, пріобрѣтеніемъ и вспомоществованіемъ. Обязанности заключаются въ исправленіи общественныхъ должностей и въ платежѣ общественныхъ налоговъ.

Каждое семейство заботится прежде всего о себѣ и о своемъ собственномъ достояніи; но бываютъ вещи, достигать коихъ возможно только соединенными силами всѣхъ семействъ, напр. постройка мостовъ, мощеніе улицъ, сооруженіе школъ, церквей. богадѣленъ, больницъ и т. д., и что было бы съ каждой деревушкой, если бы всякій заботился только о себѣ? Въ силу этого, первобытные люди естественно пришли къ той необходимости, чтобы, напр., поправлять дороги, строить мосты и охранять общественную безопасность общими силами и ижднвеньемъ, а отсюда явилась необходимость, чтобы каждый житель, ради общаго блага, содѣйствовалъ общественнымъ работамъ личнымъ трудомъ, а въ случаѣ невозможности личнаго участія,—взносомъ извѣстной суммы денегъ. Такимъ образомъ явились первыя *общины*, общественные *налоги* и *подати*.

Бываютъ безразсудные и своекорыстные люди, которымъ общественные налоги не понутру и которые, считая эти налоги безнравственными, стараются уклоняться отъ нихъ, когда представляется къ тому возможность. Такіе люди никогда однако не прочь пользоваться общественными заведеніями, школами для своихъ дѣтей, больницами, выгонами и пастбищами для своего скота и т. д., а въ то же время не прочь ругать общественныя власти, особенно когда замѣчаютъ какіе-либо недостатки или неисправности. Напротивъ того, честные люди охотно приносятъ свою лепту на пользу общую, такъ что, если бы даже предложили имъ, то не согласились бы на отмѣну налоговъ, вызываемыхъ потребностями всѣхъ и каждаго. И дѣйствительно, если мы желаемъ, чтобы, напр., наши улицы ночью освѣщались, то справедливость требуетъ, чтобы мы взносили свою долю для пополненія расхода освѣщенія.

Хозяинъ или хозяйка дома занимаются исправленіемъ или возобновленіемъ мебели, посуды и вообще домашней утвари, сдѣлавшейся негодною къ употребленію. То же самое въ большемъ видѣ совершается въ общественномъ хозяйствѣ. Такъ, обязанность городскаго головы и гласныхъ думы заботиться о нуждахъ общества. А такъ какъ исполненіе общественныхъ обязанностей требуетъ труда и времени, то члены общества,

носящіе на себѣ это бремя, по справедливости имѣютъ право на вознагражденіе. Жаловаться или роптать на это было бы безразсудно, такъ какъ никто не обязанъ трудиться для другаго даромъ.

Общественныя должности требуютъ столько же рвенія и заботливости, какъ и основательнаго знанія дѣла отъ лицъ, занимающихъ оныя. Поэтому при выборѣ этихъ лицъ слѣдуетъ руководиться не пристрастіемъ и лицепріятіемъ, но благоразуміемъ и справедливостію. Ни вражда, ни дружба не должны вліять на выборъ, но способности и характеръ выбираемыхъ лицъ. Само собою разумѣется, что добросовѣстный и дѣльный выборный сдѣлаетъ все отъ него зависящее, чтобы общество не потерпѣло ущерба въ своихъ интересахъ.

Не благоразумно также полагать, что къ исполненію общественныхъ должностей слѣдуетъ выбирать только отмѣнно-бережливыхъ людей, или такихъ, которые не любятъ нововведеній. Нѣтъ сомнѣнія, что въ общественномъ совѣщаніи, когда зайдетъ рѣчь о выборѣ учителя, объ учрежденіи новой школы, о постройкѣ моста или водопровода,—членъ рутинеръ скажетъ, что все это обременительно, потому что дорого, или что нововведенія не нужны, потому де, что предки наши благоденствовали и безъ нихъ. Благоразумный человѣкъ, напротивъ, не задумается надъ полезностію всѣми признаннаго нововведенія и спроситъ лишь о томъ, откуда взять необходимыя для того средства. Такъ и должно быть. Такъ еще въ началѣ нынѣшняго столѣтія люди не знали ни пароходовъ, ни желѣзныхъ дорогъ, ни телеграфовъ, ни газа и фотогена, ни почтовыхъ марокъ и т. д. Все это нововведенія, но хорошія вещи, безъ которыхъ намъ теперь трудно было бы обойтись. А если бы всѣ общества сказали, что всего этого онѣ не хотятъ, потому что все дорого и что прежде обходились безъ желѣзныхъ дорогъ и т. д., то мы по сіе время не имѣли бы исчисленныхъ предметовъ. Отсюда слѣдуетъ, что *не всегда то, что старо—хорошо, а то, что ново—дурно.*

III. ГОСУДАРСТВЕННЫЯ ОБЯЗАННОСТИ.

Подъ именемъ *государства* мы разумѣемъ соединеніе людей на извѣстной территоріи подъ одной верховной властью, повинующихся общимъ законамъ, издаваемымъ тою же властью или

главою государства, напр. Россійское, Германское, Французское государство. Государство, въ нѣкоторомъ смыслѣ, есть *подобіе семейства*. Въ семействѣ повинуются *родителямъ*, въ государствѣ—*власти и законамъ*.

Общины составляютъ *основу* государства. Такъ въ Россіи *уѣздъ* состоитъ изъ извѣстнаго числа общинъ, *губернія* изъ нѣсколькихъ уѣздовъ, а всѣ губерніи составляютъ *государство*. Все, что сказано было объ обществѣ, относится также и къ государству, въ которое общины, уѣзды и губерніи входятъ какъ *составныя части*.

Бываютъ вещи, осуществленіе коихъ одними отдѣльными общинами не возможно и по этому требуется соединеніе всѣхъ силъ и средствъ во имя общаго блага отечества. Отсюда возникаютъ новыя обязанности гражданъ, именно *государственныя*, отъ честнаго и добросовѣстнаго исполненія которыхъ зависитъ благоденствіе цѣлаго народонаселенія.

Государство основываетъ высшія, среднія и низшія учебныя заведенія, какъ-то: университеты, гимназіи, реальныя училища и т. д., которыя, по стоимости своей, недоступны силамъ и средствамъ отдѣльныхъ общинъ, но которыя необходимы для всѣхъ, такъ какъ онѣ подготовляютъ молодежь къ общественной дѣятельности. Такъ какъ притомъ содержаніе учебныхъ заведеній стоитъ весьма дорого и превышаетъ весьма значительно средства, доставляемыя платою учащихся за ученіе, то издержки эти государство беретъ на себя.

Затѣмъ государство заботится объ охраненіи своихъ членовъ отъ внутреннихъ и внѣшнихъ враговъ. Начать съ того, что внутри государства, рядомъ съ честными и благонамѣренными людьми, всегда есть не мало безнравственныхъ и злонамѣренныхъ, которые силою или хитростью угрожаютъ нашей личности и собственности. Обуздать волю послѣднихъ можетъ только *сильная власть*, которая, карая злодѣянія, самымъ страхомъ наказанія предупреждаетъ преступленія. Но для охраненія общественной безопасности необходимы вооруженная сила, тюрьмы, военные и полицейскіе чиновники и судьи, которые ограждаютъ личность и собственность каждаго честнаго члена общества отъ злонамѣренности негодяевъ. На всѣ эти общественныя нужды государству необходимы денежныя средства. Для защиты отечества отъ внѣшнихъ враговъ всѣ способные носить оружіе граждане обязаны соединять свои силы, чтобы, въ слу-

чаѣ непріятельскаго нашествія, дать отпоръ врагамъ и защитить своихъ согражданъ отъ разоренія и порабощенія. Поэтому какъ бы ни тяжко казалось *исполненіе воинской повинности*,—она составляетъ *самый священный долгъ* каждаго честнаго гражданина. Никто не въ правѣ жаловаться на эту повинность и еще менѣе уклоняться отъ нея, ибо кто хочетъ жить безопасно въ своей странѣ, тотъ долженъ участвовать въ защитѣ ея. Какому, напр., честному человѣку пришло бы въ голову заставлять другихъ платить долги его; однакожъ такъ поступилъ бы тотъ, кто сталъ бы укрываться и уклоняться отъ общесословной военной повинности. Нашъ мудрый Монархъ совершилъ *подвигъ высшей справедливости*, распространивъ военную повинность на всѣ сословія государства, ибо высшая жертва, которую человѣкъ можетъ принести, есть пожертвованіе своею жизнію или членами своего тѣла. Не справедливо ли притомъ, чтобы каждый гражданинъ, пользующійся правами и выгодами, доставляемыми благоустройствомъ государства,—приносилъ, въ случаѣ необходимости, свою жизнь за Царя и Отечество, ради общаго блага? Не менѣе справедливо, чтобы населеніе доставляло государству средства, необходимыя для содержанія арміи, низшихъ и высшихъ военныхъ чиновъ, для пріобрѣтенія военныхъ снарядовъ и для постройки крѣпостей и военныхъ кораблей. Такъ, напр., Франція расходуетъ ежегодно на содержаніе внутренней стражи, на преслѣдованіе и наказаніе возмутителей, воровъ, грабителей, убійцъ и т. д. болѣе 60.000.000 франковъ, а на содержаніе арміи болѣе 600.000.000 фр., всего же на содержаніе государства 1674 милліона франковъ (1869 г.).

Принимая въ расчетъ издержки, необходимыя, сверхъ исчисленныхъ потребностей, для уплаты жалованья чиновникамъ гражданскаго вѣдомства, судьямъ, учителямъ, духовенству, сборщикамъ налоговъ и податей, для сооруженія публичныхъ зданій и т. д., не трудно убѣдиться, что существованіе государства возможно только подъ тѣмъ условіемъ, чтобы каждый гражданинъ принималъ на себя часть этихъ громадныхъ расходовъ, т.-е. платилъ бы налагаемыя на него нуждами государства подати. Только невѣжды, не понимающіе сущности и условій общественной и государственной жизни, могутъ мечтать объ уничтоженіи налоговъ; они не понимаютъ, что чрезъ это изчезла бы всякая безопасность въ государствѣ, какъ въ отношеніи къ личности, такъ и въ ономеніи къ собственности, чести

и свободѣ. Они не понимаютъ, что тогда остановилась бы всякая промышленная и торговая дѣятельность, потому что за непмѣніемъ средствъ для содержанія войска и блюстителей порядка, собственность и достояніе, какъ результаты труда, не были бы обезпечены отъ захватовъ злоумышленниковъ.

Кромѣ всеобщей исторіи древняго и новаго міра, исторія нашего собственнаго народа учитъ насъ, до какой степени отсутствіе непоколебимой власти и законнаго порядка опасно и пагубно для всѣхъ. Какія страшныя бѣдствія испытали наши предки въ роковой періодъ *смутнаго времени!* Тогда жизнь, имущество и честь гражданина зависѣли отъ произвола хищныхъ *шаекъ поляковъ и казаковъ*, безчинства коихъ подрывали благоденствіе, какъ сельскихъ, такъ и городскихъ общинъ. Могли ли тогда существовать и развиваться промышленность, торговля, наука и искуства, общественное благочиніе и нравственное благоприличіе? Исторія на каждой страницѣ своей показываетъ намъ, что еще никогда не было цивилизованной страны безъ сильной верховной власти, безъ вооруженной силы, безъ налоговъ, обезпечивающихъ общественный порядокъ и мирный бытъ гражданъ. На налоги и подати слѣдуетъ смотрѣть, какъ на незначительную часть имущества, добровольно приносимую для охраненія цѣлости достоянія, какъ отдѣльныхъ лицъ, такъ всего общества. Только дикіе народы, перебивающіеся со дня на день, не знаютъ налоговъ.

Во главѣ государства стоитъ *Монархъ*, къ которому относятся всѣ члены, какъ радіусы къ центру. Отъ него исходятъ законы; въ его рукахъ находится какъ судебная, такъ и исполнительная власть. Государь есть отецъ всему національному семейству; на немъ лежитъ все бремя и всѣ заботы, сопряженныя съ управленіемъ сложнаго государственнаго организма. Что мозгъ и сердце въ организмѣ индивидуума, то Монархъ въ организмѣ государства: онъ регулируетъ всѣ движенія и двигатели, заботясь о сохраненіи благоустройства и законнаго порядка внутри государства и устраняя вредныя вліянія, угрожающія ему отвнѣ. Подданные помогаютъ Монарху въ этомъ трудномъ дѣлѣ, свято исполняя законы и доставляя ему средства, необходимыя для того, чтобы всѣми и вездѣ соблюдался законный порядокъ. Поэтому было бы нелѣпо утверждать, что всѣ подати эти достаются Монарху въ его собственность

и что тамъ, гдѣ нѣтъ монарха, нѣтъ ни налоговъ, ни податей. Республики такъ же мало, какъ монархіи, могутъ существовать безъ школъ, безъ армій, безъ тюремъ, безъ полиціи, безъ судовъ, безъ чиновниковъ, безъ публичныхъ зданій и путей сообщенія. Такъ, напр., въ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ, гдѣ управляетъ президентъ, избираемый на четыре года, государственныхъ расходовъ болѣе 410.000.000 руб. въ годъ при $38^1/_2$ милліонахъ жителей.

Понятно, что вся власть сосредоточена въ рукахъ Монарха, *иначе онъ не былъ бы въ состояніи охранять и защищать насъ какъ отъ внѣшнихъ, такъ и отъ внутреннихъ враговъ.* Вопіющая несправедливость, просить помощи и защиты у власти, когда мы нуждаемся въ ней, и осуждать ее, когда она въ чемъ-либо мѣшаетъ намъ.

Въ чемъ же заключаются наши *обязанности въ отношеніи къ государству?* Люди, желающіе жить совмѣстно, должны *соединяться, ибо единство даетъ силу;* соединеніе же стремленій воли всѣхъ къ одной цѣли выражается *въ законѣ.* Поэтому:

1) каждый гражданинъ долженъ *безпрекословно* повиноваться *закону*, даже тогда, когда бы законъ требовалъ его жизни. А такъ какъ законъ исполняется не самимъ собою, а лицами, поставляемыми для наблюденія за исполненіе его, то

2) наша обязанность оказывать этимъ лицамъ должное уваженіе и повиновеніе; словомъ, мы должны *уважать начальство*, исполнять безусловно его приказанія и распоряженія, такъ какъ начальники исполняютъ только законы по волѣ Монарха. Въ начальникахъ мы уважаемъ не личности, но власть и святость закона. Все это требуется какъ справедливостію, такъ и здравымъ смысломъ.

3) *Патріотизмъ* есть третья государственная обязанность гражданина, священный долгъ, не щадить ни жизни, ни имущества для спасенія Царя, отечества и согражданъ. Въ тяжкую годину *смутнаго времени* наше отечество спасено было воодушевленнымъ патріотизмомъ и непоколебимою энергіею воли доблестныхъ простолюдиновъ Минина и Сусанина. «Не пожалѣемъ ничего», говорилъ Мининъ нижегородцамъ, «продадимъ дома свои, заложимъ женъ и дѣтей и соберемъ казну на жалованье ратнымъ людямъ». Тогда же Сусининъ добровольно принесъ въ жертву жизнь свою для спасенія Царя и отечества, и одинъ Богъ знаетъ, что бы стало съ нашимъ народомъ безъ

подвига самоотверженія благочестиваго костромскаго патріота. Но истинный патріотизмъ не даетъ намъ права думать, что наши сограждане своими гражданскими доблестями и національными качествами превосходятъ всѣхъ другихъ народовъ, и, превознося дарованія собственнаго народа, смотрѣть на другихъ съ пренебреженіемъ или даже вредить имъ безъ повода и нужды. Такой патріотизмъ былъ бы не доблестью, но порокомъ, основаннымъ на самолюбіи и самообольщеніи.

4) Къ государственнымъ обязанностямъ принадлежатъ также тѣ, которыя относятся къ нашимъ согражданамъ и которыя имѣютъ свой источникъ во всеобщемъ нравственномъ законѣ. Гражданинъ поступаетъ нечестно, когда относится къ своему согражданину враждебно потому только, что послѣдній домогается отъ него исполненія долга справедливаго, но невыгоднаго и обременительнаго. Такъ, напр., во время послѣдней Парижской революціи, въ 1871 году, рабочіе, завладѣвши властью, издали законъ, по которому всѣ на три года были освобождены отъ платежа за наемъ малыхъ и скромныхъ квартиръ. Рабочіе думали сдѣлать этимъ добро, но поступили безнравственно, потому что законъ ихъ былъ вызванъ своекорыстьемъ. Они поступили также неблагоразумно, такъ какъ этимъ закономъ наносили ущербъ не только домовладѣльцамъ, но и собственнымъ товарищамъ. Такъ, если, напр., трудолюбивый каменьщикъ и плотникъ сбереженіями своими составили себѣ маленькій капиталъ и при помощи займа построили себѣ домики, то вышеупомянутымъ закономъ они не только лишены были доходовъ отъ собственнаго капитала, но сдѣлались еще несостоятельными должниками по причинѣ неустойки въ платежѣ процентовъ за сдѣланный ими заемъ. Возмутившіеся рабочіе не подумали о томъ, что если не будутъ платить за маленькія квартиры, то ихъ строить и отдавать въ наймы не будутъ, и что такимъ образомъ бѣдные люди останутся безъ крова. А чѣмъ же будутъ жить рабочіе, каменьщики и плотники, если никто не будетъ строить домовъ? Изъ этого примѣра видно, что *поступать справедливо и дѣлать добро невозможно безъ основательнаго знанія и пониманія обстоятельствъ дѣла, иначе поступки наши становятся безнравственными.* Наука говоритъ намъ, *что только то хорошо, что можетъ служить закономъ для всѣхъ, никому не нанося вреда, и что человѣческое общество подобается машинѣ, отъ которой отнять одно колесо, значитъ остановить все.*

Часто сѣтуютъ на капиталистовъ, не зная, что безъ нихъ народъ не могъ бы существовать. Кто трудолюбивъ и живетъ съ разсчетомъ, тотъ пріобрѣтаетъ больше, чѣмъ ему нужно. Избытокъ или прибыль употребляется имъ частью на удовольствія, частью на приращеніе своего состоянія, т.-е. на покупку земли, домовъ, машинъ, ремесленныхъ заведеній, фабрикъ и т. д. Пріобрѣтаемыя имъ недвижимыя имущества, дома или землю, они, отдаютъ въ аренду, или накопившіяся у нихъ деньги они отдаютъ заимообразно промышленникамъ, торговцамъ, ремесленникамъ и т. д. *Такая прибыль отъ труда называется капиталомъ.* Такимъ образомъ капиталъ не заключается только въ деньгахъ, какъ многіе думаютъ, но и въ недвижимыхъ имуществахъ. Что было бы, если бы законодатели постановили «не быть больше капиталистамъ?» Тогда всѣ люди расходовали бы всю прибыль отъ своего труда, или же они работали бы настолько, насколько нужно, чтобы перебиться со дня на день, какъ это дѣлаютъ негры и дикари. Тогда запустѣли бы цвѣтущія поля, развалились бы строенія, и ничего новаго нельзя было бы воздвигнуть, какъ напр. ни фабрикъ, ни желѣзныхъ дорогъ, потому что на все требуется громадный капиталъ. Изъ этого видна вся нелѣпость и несправедливость мнѣнія такъ называемыхъ коммунистовъ или соціалистовъ, требующихъ *равномѣрнаго распредѣленія капитала между всѣми*, не исключая и тѣхъ, которые ничего не сдѣлали для добыванія этого капитала. Случись это,— послѣдствія были бы слѣдующія: «лѣнтяи работали бы тогда еще меньше, чѣмъ теперь, а у трудолюбивыхъ отпала бы всякая охота къ труду, когда увидѣли бы, что можно жить и безъ труда». Справедливость же требуетъ, чтобы всякій рабочій вознаграждался сообразно его труду. Требованіе же вознагражденія, превышающаго трудъ, отзывается вредно для общества.

Язвы современнаго общества не могутъ быть излѣчены ни равнымъ распредѣленіемъ имущества, ни вмѣшательствомъ государства въ сферу экономическаго производства. Въ противоположность ученію соціализма, религія и мораль учатъ насъ, что 1) каждый совершеннолѣтній отвѣтственъ за свои дѣйствія и самъ создастъ свое экономическое положеніе; 2) прежде нежели дѣлаться соціальнымъ реформаторомъ, каждый долженъ начинать съ себя дѣло преобразованія; 3) честное пользованіе источниками дохода и экономическое употребленіе добытаго есть нравственная обязанность. Какъ рабочіе, такъ и наниma-

тели трудятся для одного общаго дѣла, а потому должны служить другъ другу; 4) имущественное неравенство не есть несчастіе, а необходимый стимулъ прогресса и 5) обладаніе матеріальными средствами само по себѣ не должно составлять цѣли жизни, истинная же цѣль жизни доступна каждому и состоитъ въ спокойствіи духа и силѣ любви къ Богу, родителямъ, ближнимъ, царю и отечеству.

Цивилизація и нравственное образованіе возможны только подъ условіемъ скопленія капиталовъ и раздѣленія труда, т.-е. чтобы всѣ работали другъ для друга (портной для сапожника, и на оборотъ), а не каждый для себя. Тогда только и посредствомъ того именно, что другіе снабжаютъ насъ всѣмъ, что̀ для насъ необходимо и что̀ намъ желательно, т.-е. что другіе строятъ для насъ дома, ткутъ для насъ бумажныя, шерстяныя и шелковыя матеріи, приготовляютъ для насъ одежду, съѣстные припасы и т. д.,—мы въ состояніи употреблять наше время, сосредоточить наши способности для полнаго усвоенія себѣ какого-либо предмета науки, искуства, промышленности и ремесла, и достигнуть въ немъ высшей степени совершенства. Каковы были бы наши дома, мебель, платье, посуда и т. д., если бы мы сами принуждены были приготовлять для себя все! Мы были бы похожи на Кафровъ и Готентотовъ.

Изъ всего сказаннаго вытекаетъ, что *гражданскія обязанности* заключаются:

1) въ томъ, чтобы каждый заботился не только о собственномъ благѣ, но и о благѣ всѣхъ;

2) въ томъ, чтобы каждый трудился усердно, искалъ бы удовольствія въ своемъ трудѣ и старался сберегать прибыль отъ своего труда (капиталъ), и

3) въ томъ, чтобы никто не завидовалъ состоянію, капиталамъ, должности и выгодному положенію другихъ, но чтобы каждый довольствовался своимъ положеніемъ, стараясь исполнять отчетливо и добросовѣстно то, чѣмъ занимается. Люди, которые руководствуются этими правилами въ жизни, вездѣ благоденствуютъ, все равно, какая бы ни была форма правленія въ ихъ странѣ, монархическая или республиканская. Только доблести гражданъ обусловливаютъ ихъ счастье, а не внѣшнія обстановка ихъ государственной, общественной, или частной жизни.

Такъ какъ семейство представляетъ государство въ миніа-

тюрномъ видѣ и дѣти относятся къ главѣ семейства такъ же, какъ подданные къ главѣ государства, т.-е. имѣютъ взаимныя права и обязанности, то разумные родители и воспитатели должны постепенно подготовлять дѣтей къ строгому и добросовѣстному исполненію гражданскихъ обязанностей, каковы: *повиновеніе закону, любовь къ Царю и отечеству, почитаніе и уваженіе начальства, подчиненіе установленнымъ законами порядкамъ, трудолюбіе, бережливость, взаимное вспомоществованіе и т. д.* Чѣмъ моложе дѣти, тѣмъ менѣе возможно разъяснять имъ вышеизложенныя истины, еще недоступныя ихъ пониманію, а остается только направлять ихъ волю, постепенно пріучая къ точному исполненію долга. Само собою разумѣется, что съ развитіемъ духовныхъ силъ, ума и разума, не трудно и весьма полезно объяснять дѣтямъ, что то, къ чему они пріучаются, имѣетъ свою основу въ законахъ разума, въ божественномъ и нравственномъ законахъ. Послушаніе становится гораздо менѣе труднымъ дѣломъ, когда требующія его причины для насъ совершенно ясны. Дѣлать добро мы можемъ охотно лишь тогда, когда мы убѣждены въ томъ, что̀ добро и что̀ зло.

ВОСПИТАНІЕ ДѢТЕЙ ВЪ ПРАВИЛАХЪ УМѢРЕННОСТИ.

Бесѣда седьмая.

Понятіе объ умѣренности.—Задача воспитанія—подавленіе преобладающихъ чувствъ и желаній.—Приличіе, какъ достоинство человѣка, умѣренность, какъ условіе благодѣянія.—Пріемы воспитанія въ умѣренности, соотвѣтственно возрасту воспитываемыхъ.—Примѣры окружающей среды, указаніе на св. Писаніе, Спасителя и Апостоловъ.—Невоздержность въ пищѣ и обжорство, привычка дѣтей къ горячимъ напиткамъ и пьянство.—Порядокъ въ количествѣ и качествѣ пищи, умѣренность и воздержаніе родителей, какъ лучшія средства для пріученія дѣтей къ умѣренной жизни.—Слова Петра Франка.—Благоприличіе въ общежитіи и слова Ап. Павла.—Естественное благонравіе и приличіе—Лицемѣріе нечестивца; утонченность и притворство—Принужденіе и нравственная необходимость.—Сознаніе собственнаго достоинства, скромность и цѣломудріе, какъ спасительныя средства противъ чувственныхъ увлеченій.—Эстетическое чувство.—Балаганное искусство и вредъ его.—Чистоплотность и опрятность, какъ необходимыя качества человѣка и христіанина.—Вѣжливость, какъ видъ приличія.—Педагогическіе выводы изъ нравственнаго значенія приличія.—Миловидность, какъ слѣдствіе привычки къ приличію.—Циники и фаты.—Дѣвицы и молодыя женщины безъ женственности.

Умѣренностію мы называемъ согласованіе чувствъ и стремленій воли между собою, и подчиненіе ихъ законамъ благонравія и благоприличія. Задача воспитанія, не допускать въ ребенкѣ преобладанія какихъ-либо чувствъ или желаній въ ущербъ исполненію обязанностей справедливости. Такъ, напр., имѣя похвальную привязанность къ товарищу, ребенокъ не долженъ упускать изъ виду любовь и вниманіе къ родителямъ и т. д. Мы соблюдаемъ благоприличіе, когда, въ отношеніи къ нашимъ ближнимъ, соблюдаемъ во всемъ мѣру и степенность, т.-е какъ въ нашей рѣчи, такъ и въ нашихъ поступкахъ. Обязанность воспитателя, пріучать воспитанника къ соблюденію, какъ въ семейномъ кругу и школѣ, такъ и въ общежитіи, правилъ приличія, возвышающихъ человѣческое достоинство, и правилъ

умѣренности, по преимуществу обусловливающей благоденствіе человѣка.

Какъ при воспитаніи въ правилахъ справедливости, такъ и при воспитаніи въ умѣренности педагогическіе пріемы должны быть соображаемы съ возрастомъ воспитанниковъ. На первыхъ порахъ, когда разсуждающая дѣятельность воспитанниковъ еще не развита, мы должны требовать отъ нихъ безусловнаго соблюденія умѣренности, какъ въ удовлетвореніи чувственныхъ потребностей, напр. въ пищѣ и питьѣ, въ играхъ и т. д., такъ и въ обхожденіи съ другими, родителями, братьями и сестрами, съ товарищами и прислугой. Безъ соблюденія умѣренности, безъ воздержанія и сдерживанія подстрекающихъ ребенка эгоистическихъ наклонностей, исполненіе этихъ обязанностей немыслимо. Привести эту истину въ сознаніе ребенка еще нельзя, а потому мы должны замѣнять ее приказаніемъ, а въ случаѣ нужды—угрозою наказанія. Впрочемъ, въ самомъ раннемъ возрастѣ ребенка, хорошо и полезно пробуждать въ немъ нравственныя чувства, состраданіе и совѣсть, врожденныя ему вмѣстѣ съ чувствомъ себялюбія. Отклонять ребенка въ этомъ возрастѣ отъ непозволительныхъ желаній и стремленій мы можемъ выраженіями нашего отвращенія отъ нихъ, поставляя въ то же время въ примѣръ ему брата, сестру или таварища, которые скромнѣе и умнѣе его.

Въ послѣдующемъ возрастѣ воспитанника, воспитатель долженъ объяснять ему всю несправедливость, непристойность и неприличіе излишнихъ требованій и желаній его, а также возбуждать его къ умѣренности и воздержанію поучительными примѣрами изъ окружающей среды или изъ нравоучительныхъ разсказовъ. При этомъ весьма важно развивать религіозное чувство ребенка, указывая ему на Святое Писаніе и на примѣры Спасителя и Апостоловъ, которые такъ краснорѣчиво, словомъ и дѣломъ, заповѣдуютъ христіанскія доблести умѣренности и воздержанія. Понятно, что собственнымъ примѣромъ воспитатель лучше всего можетъ вселить въ воспитанникѣ чувство собственнаго достоинства и благоприличія и побудить его къ подражанію. Все это пріучаетъ воспитанника побѣждать свои чувства и ограничивать свои желанія и стремленія.

Правила относительно умѣренности и воздержанія въ удовлетвореніи потребностей низшихъ чувствъ, излагаются въ физической педагогикѣ. Невоздержностью въ пищѣ ребенокъ привы-

каетъ къ *обжорству*, которое дурно вліяетъ на пищеварительные органы и на весь организмъ въ зрѣлыхъ лѣтахъ, и весьма часто сокращаетъ естественный срокъ жизни. Нечего говорить объ опасности, угрожающей человѣку, когда въ дѣтствѣ онъ пріобрѣтаетъ наклонность къ употребленію горячихъ напитковъ. Порокъ пьянства вездѣ, особенно у насъ, подкапываетъ здоровье низшихъ слоевъ общества, отравляя хронически кровь, какъ родителей, такъ и дѣтей. Пьянство подрываетъ благосостояніе народа, потому что служитъ причиной потери времени и денегъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ ослабляетъ тѣлесныя силы, доставляющія богатство посредствомъ труда. Даже высшія сословія не свободны отъ пагубныхъ послѣдствій обжорства и пьянства, происходящихъ отъ дурныхъ привычекъ молодости. Не только здоровье тѣла, но умъ и сердце повреждаются этими пороками, которымъ обыкновенно сопутствуетъ *лѣнь*—начало всѣхъ пороковъ. Развивая въ своихъ дѣтяхъ прихоти и страсти къ чувственнымъ удовольствіямъ, родители выводятъ ихъ изъ границъ простоты и скромности, и тѣмъ незамѣтно разрушаютъ ихъ тихое счастье, ихъ наивныя, радостныя душевныя настроенія.

Строгій порядокъ относительно времени употребленія пищи, и разумное ограниченіе относительно количества и качества ея, вводимыя родителями въ домашнемъ быту, уклончивость послѣднихъ въ присутствіи дѣтей отъ слишкомъ изысканныхъ обѣдовъ, пировъ и всѣхъ низкихъ чувственныхъ удовольствій, а главное—собственный примѣръ воздержанія, всегда служатъ лучшими средствами подготовленія дѣтей къ будущей самостоятельной умѣренной жизни. Дѣти Пѣтуха (Гоголя) едва ли сдѣлались *монахами*: такова заразительная сила примѣра родителей въ отношеніи дѣтей. А сколько у насъ Пѣтуховъ, такъ типично изображенныхъ Гоголемъ?! Достойно замѣчанія въ этомъ отношеніи слова знаменитаго врача Петра Франка: «Дайте мнѣ, говоритъ онъ, самый мужественный народъ; пусть здоровье его будетъ желѣзное, какъ у первобытныхъ людей, питавшихся самой простой пищей, не знавшихъ еще ни физическихъ, ни нравственныхъ пороковъ; если врачу этого народа удастся перемѣнить его скромный родъ жизни и внушить ему наклонность и вкусъ къ общей и постоянной невоздержной распутной жизни, то *я, еще до конца моей жизни*, увижу этотъ народъ впавшимъ въ жалкое безсиліе, разслабленнымъ, и отъ лучшихъ

его задатковъ не останется ни слѣда. Самыя могущественныя державы неминуемо приближались къ своей гибели, какъ скоро роскошь и жадность къ пиршествамъ достигала у нихъ высшей степени. Не то, чтобъ одно мотовство причинило ихъ паденіе, но изнуреніе, какъ физическое, такъ и нравственное, тѣхъ, которые своею энергіею, мужествомъ и храбростію должны были защищать свое отечество, которымъ необходимы были крѣпкое тѣло и твердый духъ для пользы и цѣлей своей страны. Великія государства древняго міра разрушались вслѣдствіе нравственнаго изнеможенія своихъ гражданъ, силы коихъ должны были споспѣшествовать общественному благу и преуспѣянію государственнаго величія, и дѣти этихъ властителей міра сдѣлались жалкими рабами врачей (и вмѣстѣ съ тѣмъ своихъ сильныхъ враговъ)».

Что касается до благоприличія въ общежитіи, то оно составляетъ предметъ, заслуживающій серьезнаго вниманія въ дѣлѣ нравственнаго воспитанія. Св. Апостолъ Павелъ говоритъ Ефесеямъ: «*Смотрите, поступайте осторожно, не какъ неразумные, но какъ мудрые. Также сквернословіе и пустословіе и смѣхотворство не приличны вамъ, а напротивъ благодареніе*». Какъ умѣренность и воздержаніе необходимы въ физическомъ отношеніи, такъ необходимо и приличіе въ нравственномъ. Оно предписываетъ намъ сдерживать стремленія нашей воли сообразно возрасту, полу, общественному положенію и званію тѣхъ, съ которыми мы встрѣчаемся въ жизни, соблюдать то, что подобаетъ мѣсту и времени, и поступать согласно съ обстоятельствами и требованіями справедливости. Пріучая воспитанника къ соблюденію приличія, мы пріучаемъ его знать и занимать свое должное мѣсто и избѣгать всякой непристойности, которою бы онъ могъ нарушать порядокъ, какъ въ домѣ, такъ въ школѣ и обществѣ.

То, что̀ мы называемъ *естественнымъ благонравіемъ*, заключается въ сдерживаніи природныхъ наклонностей посредствомъ нравственныхъ правилъ, созданныхъ не случайно, но высшимъ самосознаніемъ, которое выражается въ нравахъ общежитія. Приличіемъ, изъ вниманія къ другимъ, мы сдерживаемъ эгоизмъ. Слово *нравственность* происходитъ отъ нрава, т.-е. отъ подчиненія стремленій плоти требованіямъ духа и религіознаго, не ищущаго своего, чувства.

Естественныя стремленія человѣка уподобляютъ его животно-

му, что̀ мы видимъ, напр., во вспышкахъ его гнѣва и во влеченіяхъ его грубыхъ страстей. Сопротивляться этому есть задача нравственнаго воспитанія, и хотя оно не можетъ вырвать съ корнемъ дурные задатки сердца, но тѣмъ не менѣе можетъ противодѣйствовать обнаруживанію зла, настаивая на соблюденіи закона приличія. Конечно, у нечестивца соблюденіе приличія становится лицемѣріемъ, криводушіемъ; утонченныя манеры по большей части основаны на притворствѣ; но, кто чистъ сердцемъ, тому законъ приличія указываетъ на его обязанности, и что въ началѣ кажется ему внѣшнимъ принужденіемъ, то впослѣдствіи дѣлается для него нравственною необходимостію.

Но въ чемъ состоитъ это принужденіе? Человѣкъ обладаетъ двойственною природою: низшею животною и высшею духовною. Воспитаніе въ благонравіи основано на высшей природѣ человѣка, которое отодвигаетъ низшую, чувственную сторону его на свое мѣсто; преобладаніе же послѣдней отрицаетъ высшее назначеніе человѣка. Если у кого преобладаютъ низшіе инстинкты, то ему дѣла нѣтъ до приличія; и кто заинтересованъ этимъ въ видахъ поддержанія своего достоинства, тотъ, бывая въ хорошемъ обществѣ, только для вида соблюдаетъ приличіе, дома же пренебрегаетъ имъ. Напротивъ, кто глубоко сознаетъ свое личное достоинство какъ человѣкъ и христіанинъ, тотъ неуклонно соблюдаетъ приличіе, какъ въ собственномъ домѣ, такъ и внѣ его, такъ что приличіе становится для него второю натурою. Хотя сознаніе собственнаго достоинства, благоприличіе и благонравіе не въ состояніи освободить человѣка отъ его грубыхъ, чувственныхъ вожделѣній и естественныхъ потребностей, но человѣкъ, вмѣстѣ съ этими качествами, усвоиваетъ себѣ скромность и цѣломудріе, которыя и спасаютъ его отъ чувственныхъ увлеченій. Мы всѣ знаемъ, что нельзя не покоряться законамъ природы; но наши высшіе инстинкты требуютъ, чтобъ все это совершалось втайнѣ, невѣдомо для другихъ. Съ соблюденіемъ же благоприличія облагораживается жизнь, и то, что прилично, вмѣстѣ съ тѣмъ и прекрасно. Поэтому эстетическое чувство, которое воплощается въ творчествѣ искусства, тѣсно связано съ нравственностію. Искусство же, которое имѣетъ цѣлію возбужденіе низшихъ, грубыхъ инстинктовъ въ человѣческомъ сердцѣ, есть поруганіе человѣческаго достоинства; а потому родители и воспитатели должны строго

запрещать своимъ воспитанникамъ посѣщать публичныя зрѣлища, ругающіяся такъ часто надъ всякимъ чувствомъ приличія и благонравія.

Чистоплотность и опрятность составляютъ необходимыя качества приличнаго человѣка и добраго христіанина. Показать себя предъ людьми съ нечесанными волосами и въ грязномъ бѣльѣ неприлично: это изобличаетъ грубость натуры, недостатокъ самоуваженія и уваженія другихъ.

Вѣжливость есть видъ приличія, требующій, чтобы человѣкъ не только сдерживалъ грубыя наклонности и затѣи, не говорилъ бы и не дѣлалъ того, что ему приходитъ въ голову, но и не говорилъ бы другому ничего такого, что непріятно и противно послѣднему. Вѣжливый человѣкъ никогда не долженъ выставлять свое превосходство предъ другими, но долженъ оказывать имъ такое вниманіе, чтобъ обхожденіе его не отзывалось фальшью, обманомъ и глумленіемъ, но было бы выраженіемъ искренности и скромности. Св. Писаніе изобилуетъ поученіями въ этомъ смыслѣ. Такъ Апостолъ Павелъ говоритъ въ посланіи къ Филиппійцамъ: «*Братіе мои, что только истинно, что честно, что справедливо, что чисто, что любезно, то достославно, что только добродѣтель и похвала, о томъ помышляйте*». Въ посланіи къ Римлянамъ: «*Будьте братолюбивы, другъ къ другу съ нѣжностью; въ почтительности другъ друга предупѣждайте*». (XII, 10). Апостолъ Петръ говоритъ: «*Всѣхъ почитайте, братство любите, Бога бойтесь, царя чтите*» (II, 17).

Изъ нравственнаго значенія приличія сами собою вытекаютъ педагогическіе выводы. Воспитатель не долженъ терпѣть и допускать неприличіе, ни въ разговорѣ, ни въ поступкахъ, и пріучать дѣтей совершать неизбѣжныя естественныя функціи тайно отъ другихъ. Тонъ приличія долженъ одинаково царствовать, какъ дома, такъ и въ школѣ, и воспитанника, покушающагося на нарушеніе правилъ приличія и благопристойности, должно ожидать посрамленіе со стороны товарищей и родныхъ. Сюда принадлежитъ правило, чтобы воспитанникъ тотчасъ послѣ пробужденія отъ сна одѣвался и являлся къ завтраку вмѣстѣ съ братьями и сестрами; давать же ему нѣжиться и баловаться въ кровати—не слѣдуетъ. Никакая грубость выраженія, никакое ругательство, ни вспыльчивыя выходки дѣтей противъ другихъ не должны быть терпимы, а если случаются, то не должны оставаться безнаказанными. Порицать же всякую *безобид-*

ную для другихъ шалость не слѣдуетъ, когда такія шалости не выходятъ изъ предѣловъ приличія. Но всѣ поученія, наставленія, угрозы и наказанія въ этомъ случаѣ окажутся безуспѣшными, какъ скоро самая маменька цѣлое утро будетъ являться въ *negligé*, когда она будетъ одѣваться въ присутствіи дѣтей, когда родители, въ присутствіи дѣтей, не удерживаются отъ неприличныхъ словъ и непристойныхъ сценъ. То же самое слѣдуетъ сказать объ учителяхъ и воспитателяхъ. Небрежность въ ихъ одеждѣ, грязное на нихъ бѣлье, дырявые рукава ихъ сюртуковъ, грубыя манеры и неприличныя выраженія,—обо всемъ этомъ порядочный воспитанникъ подумаетъ не особенно лестно для своихъ наставниковъ, а дурной, пожалуй, не преминитъ подражать ихъ примѣру.

Когда дитя собирается гулять, то мать или старшіе братья и сестры должны предварительно убѣдиться въ безукоризненности его туалета, въ чистотѣ лица, рукъ и волосъ. Поздороваться съ родителями утромъ, попрощаться съ ними вечеромъ, кланяться вѣжливо гостямъ, прилично держаться у стола, не возиться съ ножами, вилками, тарелками и стаканами и, что нужно, спрашивать прилично,—вотъ къ чему слѣдуетъ пріучать дѣтей съизмала. Приличіе требуетъ, чтобъ дитя держалось смирно и чинно при гостяхъ, не вмѣшивалось въ ихъ разговоръ, когда его не спрашиваютъ, не позволяло бы себѣ никакихъ замѣтокъ относительно взрослыхъ, не шептало бы на ухо сосѣду, вообще не жеманилось бы и не привередничало. При соблюденіи всѣхъ этихъ и тысячи другихъ правилъ, дѣти отъ привычки и безсознательно пріобрѣтаютъ отпечатокъ миловидности, которая въ будущемъ обезпечиваетъ имъ симпатію и уваженіе людей, въ средѣ которыхъ имъ придется жить. Всѣ эти истины, конечно, каждому мало-мальски образованному человѣку извѣстны, но на бѣду пренебрегаются въ дѣлѣ воспитанія. Гораздо чаще родители стараются сообщить своимъ дѣтямъ наружный лоскъ пристойности или *аффектацію*, отъ чего сыновья впослѣдствіи дѣлаются или невыносимыми фатами, или отвратительными циниками, не уважающими ни старшихъ себя, ни женскій полъ, а дѣвицы и молодыя женщины чрезъ это теряютъ характеръ *обаятельной женственности*, который имъ служитъ лучшимъ украшеніемъ и который цѣнится выше красоты и ума, какъ знакъ благородства и нѣжности сердца.

ПРОДОЛЖЕНІЕ О ВОСПИТАНІИ ВЪ УМѢРЕННОСТИ.

Бесѣда восьмая.

Вспыльчивость и своеволіе дѣтей; авторитетъ отца.—Боязливость и мнительность дѣтей; снисхожденіе къ дѣтямъ и религіозное вліяніе.—Легкомысліе дѣтей и усидчивость. — Застѣнчивость, исправляемая временемъ. — Дѣтскіе балы и вредное вліяніе ихъ.—Упрямство и подчиненіе; наказаніе.—Лѣнь и наказаніе въ видѣ лишенія удовольствій.—Джонъ Локкъ.—Безуспѣшность учениковъ въ извѣстной наукѣ.—Неуспѣшность учениковъ вслѣдствіе неподготовки учителя.—Связь между воспитаніемъ въ умѣренности и воспитаніемъ въ справедливости.—Важность умѣренности и ограниченіе дѣтскихъ желаній.—Мечтательность и чтеніе романовъ.

Къ различнымъ *задачамъ воспитанія въ умѣренности* принадлежитъ противодѣйствіе недостаткамъ, которые имѣютъ свой корень въ ненормальныхъ предрасположеніяхъ организма, а именно въ аномаліяхъ чувствительности и въ свойствѣ темперамента, возвышенная чувствительность котораго располагаетъ *къ афектамъ, легкомыслію и упрямству.* Дитя съ такимъ темпераментомъ имѣетъ наклонность постоянно мѣнять свои занятія, самое настроеніе его духа мѣняется то и дѣло. Обыкновенные спутники такого темперамента суть, съ одной стороны, вспыльчивость, своеволіе и вообще страстность, а съ другой боязливость и мнительность. Часто родители сквозь пальцы смотрятъ на вспышки своеволія и гнѣва дѣтей своихъ, будучи сами подвержены этимъ недостаткамъ; но ради будущности дѣтей слѣдуетъ рѣшительно противодѣйствовать этимъ наклонностямъ, дабы онѣ не обратились въ привычку и не испортили бы навсегда характеръ дѣтей. Необходимо, чтобы отецъ противопоставлялъ этому свой авторитетъ, о который бушующія волны гнѣва ребенка должны разбиваться, какъ о гранитную скалу; мать же обязана при этомъ, ласкою слегка и незамѣтно отво-

дить взволнованное чувство ребенка на другой предметъ. Между тѣмъ родители часто утѣшаются только поговоркою, что ребенокъ весь де въ отца или что онъ имѣетъ характеръ матери. У дѣтей, напротивъ, нѣтъ еще характера, а только предрасположеніе къ характеру, т.-е. къ извѣстному свойству воли. Вмѣсто характера, у дѣтей есть упорство, упрямство и своеволіе, которыя слѣдуетъ искоренить, если желаемъ, чтобы у ребенка *вышелъ хорошій характеръ*.

Боязливость и мнительность обыкновенно имѣютъ свою основу въ болѣзненности организма, кровеносной системы или нервовъ. Авторитетъ и строгость здѣсь неумѣстны, а возможно только снисхожденіе. Отъ строгости недостатки эти часто еще увеличиваются. Такъ, напр., боязнь дѣтей входить въ темную комнату основана на болѣзненномъ состояніи нервовъ, которое отражается въ фантазіи пугалами. Причиною этого, конечно, кормилицы и няньки, которыя весьма часто употребляютъ напугиваніе какъ воспитательное средство, и такимъ образомъ населяютъ безмятежную фантазію дѣтей чертями, волками, лѣшими и домовыми, нерѣдко оставляющими свои слѣды на всю жизнь. Съ развитіемъ ума и разума и по мѣрѣ того, какъ наука знакомитъ дѣтей съ силами и законами природы,—боязливость и пугливость изчезаютъ обыкновенно сами собою. Здѣсь, какъ и во всемъ, религіозное воспитаніе помогаетъ весьма дѣйствительно, возбуждая въ чувствѣ *упованіе на Бога* и подкрѣпляя слабѣющую волю.

Легкомысліе исправляется лучше всего привычкою *къ усидчивости* и пріученіемъ дѣтей къ однимъ и тѣмъ же занятіямъ, при чемъ не надобно дозволять дѣтямъ даже часто мѣнять игры и игрушки.

Застѣнчивость, т.-е. колебаніе при высказываніи своихъ мнѣній, и нерѣшительность въ поступкахъ и манерахъ часто суть не что иное, какъ симптомъ врожденной нервной слабости, и нерѣдко сопровождаемый врожденнымъ дрожаніемъ мускуловъ рукъ, лица и шеи. Педагогъ не въ состояніи въ такихъ случаяхъ исправлять пугливость, излѣченіе которой должно быть предоставлено времени. Если же застѣнчивость происходитъ отъ сознанія недостаточности собственнаго образованія и отъ непривычки къ принятымъ формамъ общежитія, то слѣдовательно, она основана на чувствѣ благоприличія, а посему отнюдь и не составляетъ недостатка характера. Такая застѣн-

чивость изглаживается и изчезаетъ со временемъ, при частомъ соприкосновеніи съ обществомъ. Особенно у маленькихъ дѣвочекъ полезно, какъ можно дольше, не касаться до этого задатка будущей чистой и скромной жизни. Родители имѣютъ обыкновеніе водить своихъ маленькихъ дочерей на дѣтскіе балы, желая тѣмъ сообщить имъ внѣшній лоскъ и хорошія манеры, но это заслуживаетъ строгаго порицанія, потому что такимъ воспитаніемъ часто кладется начало будущимъ волненіямъ чувства недовольства скромнымъ положеніемъ въ обществѣ, и подрывается тихій миръ истинно-христіанской семейной жизни.

Упрямство принадлежитъ къ тѣмъ недостаткамъ воли, которые наичаще встрѣчаются у дѣтей. Оно обнаруживается уже у дѣтей, достигшихъ годоваго возраста, и выражается крикомъ и махаѣніемъ рукъ и ногъ, когда имъ не даютъ того, чего они требуютъ, или когда мѣшаютъ имъ дѣлать то, что̀ непріятно и противно другимъ. Такимъ несправедливымъ стремленіямъ воли слѣдуетъ безусловно противиться, иначе они войдутъ въ привычку и у капризнаго ребенка можетъ образоваться упрямый характеръ. Безразсудное изнѣживаніе матерей, часто даже нервное раздраженіе, въ которомъ онѣ не могутъ слышать крикъ ребенка, становятся причиною, что дѣти ихъ отличаются задорнымъ, невыносимымъ характеромъ, дѣлаясь мученіемъ для себя, для родителей и для другихъ. Капризныя дѣти, привыкшія съ дѣтства къ тому, чтобы всѣ желанія ихъ исполнялись безусловно, по достиженіи возраста отрочества и юношества смущаются и страдаютъ при видѣ тормазовъ и оплотовъ, которые воля другихъ людей противопоставляетъ ихъ желаніямъ и стремленіямъ. Отсюда являются разочарованія, омрачающія чувство и вызывающія ропотъ на судьбу, между тѣмъ большинству людей жизнь не казалась бы такъ безотрадною, если бы они съ дѣтства привыкали подчинять стремленія собственной воли справедливымъ требованіямъ воли другихъ. Веселый видъ солдатъ, слѣпо повинующихся приказаніямъ справедливаго начальника, служитъ доказательствомъ, что подчиненность не составляетъ несчастія для человѣка. Слѣдуетъ, однако же, имѣть въ виду, что капризное настроеніе у дѣтей не рѣдко происходитъ отъ разстройства здоровья, и послѣ дурно проведенной ночи, самыя смирныя дѣти утромъ дѣлаются капризными. Только въ такихъ случаяхъ упрямство и капризы заслуживаютъ снисхожденія; во всѣхъ же другихъ случаяхъ, особен-

но когда упрямство не вызвано у дѣтей несправедливымъ обхожденіемъ съ ними, капризы ихъ не могутъ быть терпимы, а въ случаѣ нужды должны быть *наказываемы*.

Къ самымъ дурнымъ расположеніямъ воли принадлежитъ *лѣнь*, которая составляетъ *самый трудно-излечимый* недугъ души. Лѣнь состоитъ въ томъ, что воля находится постоянно какъ бы въ сонномъ состояніи и не побуждается мотивами разума. Ясно, что самые лучшіе задатки и самыя превосходныя дарованія не могутъ достигать своего полнаго развитія, когда ихъ опутываетъ лѣнь. Опытъ показываетъ впрочемъ, что случаи, въ которыхъ дѣти относятся апатично и безучастно ко всему безъ исключенія—бываютъ чрезвычайно рѣдки. По этому поводу знаменитый англійскій философъ и педагогъ Джонъ Локкъ говоритъ слѣдующее: «Когда ребенокъ обнаруживаетъ наклонность къ лѣни, то мы должны наблюдать за нимъ и смотрѣть, какъ онъ относится къ работѣ и какъ къ игрѣ. Когда мы убѣдились увеніемъ, которое онъ обнаруживаетъ при игрѣ, что онъ самъ по себѣ не лѣнивъ, но что лѣность его происходитъ отъ того, что серьезное занятіе или ученіе ему не по нутру, тогда слѣдуетъ употребить слѣдующій пріемъ: спокойнымъ и ласковымъ тономъ объяснить ему, что онъ поступаетъ безразсудно, сидя цѣлые часы надъ книгою разсѣянно и праздно и напрасно теряя время, которое онъ могъ бы проводить въ игрѣ. Когда этотъ способъ удается, то результатъ будетъ тѣмъ благопріятнѣе, что добились его путемъ разсужденія и ласки. Но если это не помогаетъ, то въ такомъ случаѣ слѣдуетъ попытаться исправить его посрамленіемъ, и каждый день, во время обѣда и при отсутствіи чужаго, иронически спрашивать его, сколько времени онъ провелъ при работѣ, а если онъ не исполнилъ заданной ему работы, то, не ругая его, позволительно глумиться надъ нимъ, оказывать ему холодность и равнодушіе не только со стороны родителей, но и всѣхъ домашнихъ. Если и это не помогаетъ, то тогда слѣдуетъ прибѣгнуть къ слѣдующему пріему: родители должны объявить ему, что тратить напрасно деньги на его обученіе они больше не намѣрены и что они предоставляютъ ему заниматься игрою, сколько его душѣ угодно. При этомъ отецъ долженъ зорко слѣдить за нимъ, не упуская его изъ виду и смотрѣть, чтобъ онъ не лѣнился при игрѣ (само собою разумѣется, играть долженъ одинъ, а не съ товарищами). Послѣдствіемъ такого пріема будетъ,

что въ концѣ концовъ игра наскучитъ ему такъ, что онъ самъ вернется къ прежнему, серьезному занятію. Конечно, все это должно совершаться такъ, чтобы онъ не подозрѣвалъ нашего замысла».

Изъ сказаннаго видно, что лѣнь принадлежитъ къ недостаткамъ воли пассивнаго свойства, при которыхъ нѣтъ никакихъ стремленій. Опасность лѣни заключается въ томъ, что отрокъ, страдающій этимъ недостаткомъ, вовсе не заботится о будущемъ, и разумъ его столь же мало предвидитъ, какъ сердце его ничего не желаетъ, кромѣ праздниковъ и бездѣйствія. Не подлежитъ, однакожъ, сомнѣнію, что лѣнивыя натуры, у коихъ духовныя побужденія и стремленія вялы, весьма жадны къ удовольствіямъ, доставляемымъ *низшими, животными чувствами.* Это весьма часто можно видѣть у насъ, какъ въ низшихъ, такъ и въ высшихъ слояхъ общества, гдѣ *лѣнь и кутежи* идутъ рука объ руку. Поэтому одно наказаніе въ состояніи искоренить этотъ опасный порокъ у отрока, наказаніе даже *не тѣлесное, но въ видѣ лишенія чувственныхъ удовольствій.* «На хлѣбъ и на воду!» вотъ дѣйствительное лѣкарство противъ этого недуга. Если лѣнивца, который не хочетъ учиться, силою принуждать къ физической работѣ, то безъ помощи розогъ результатъ будетъ сомнительный. Выше, однако, было уже сказано, что тѣлесное наказаніе должно имѣть мѣсто только въ случаяхъ проявленія злобы у ребенка или отрока. *Не давайте лѣнивцу наслаждаться пищей, которую онъ любитъ;* дайте его братьямъ, сестрамъ и товарищамъ лакомый кусокъ, а ему въ тоже время кусокъ чернаго хлѣба для утоленія голода (морить же голодомъ вредно для здоровья, а потому этотъ способъ отвергается раціональною педагогикою); *лишайте его свободы* въ то время, какъ прилежные товарищи прогуливаются; поступайте такимъ образомъ *послѣдовательно и неуклонно*, не допуская рѣшительно никакого вмѣшательства и ходатайства со стороны нѣжной матери и мягкосердой няньки (которая, пожалуй, будетъ утверждать, что вы морите ребенка голодомъ, когда лишаете его только третьяго блюда),—и ваши педагогическія усилія увѣнчаются хорошимъ успѣхомъ, лѣнивецъ станетъ заниматься своимъ дѣломъ, *если только онъ не идіотъ.*

Съ другой стороны, по опыту извѣстно, что ученики часто не успѣваютъ въ извѣстной наукѣ не по лѣности своей, а по другимъ причинамъ, именно, во 1-хъ, потому, что способности

къ извѣстной наукѣ оказываются весьма слабы. Такъ, напр., бываютъ ученики, которые дѣлаютъ отличные успѣхи въ географіи, исторіи и грамматикѣ, но не дѣлаютъ никакихъ успѣховъ въ математикѣ, потому что *трудно усвоиваютъ числовыя и пространственныя отношенія.* Поэтому было бы нелѣпо и несправедливо обвинять ихъ *въ специфической лѣни* къ математикѣ. Нѣмецкій философъ Шопенгауеръ весьма раціонально совѣтуетъ классификацію учащихся, смотря по ихъ способности къ математикѣ, такъ чтобы, напр., учениковъ 6-го класса, не оказывающихъ успѣховъ въ математикѣ, посылать въ 3-й или 4-й классъ исключительно для этого учебнаго предмета, оставляя ихъ въ шестомъ классѣ по прочимъ предметамъ и нимало не оскорбляя ихъ этимъ. Это совершенно разумно. Такъ, отстраняютъ же отъ обученія музыкѣ дѣвицъ, у которыхъ «нѣтъ слуха»; почему же не дѣлать то же самое съ учениками, неспособными къ математикѣ, но способными къ языкамъ, исторіи и географіи?—Во 2-хъ, *безуспѣшность* учениковъ въ извѣстной наукѣ весьма часто зависитъ *не отъ мнимой ихъ лѣни, но отъ дидактической неподготовки учителя.* Такъ, незнакомый съ принципами дидактики и методики учитель напрасно долбитъ ученикамъ, желая насильственно вливать въ нихъ извѣстныя ему *отвлеченныя истины*, но недоступныя мыслительному уровню учащихся. Здѣсь одинъ *наглядный, но хорошо выбранный примѣръ* вмигъ можетъ совершить благопріятный поворотъ въ умахъ учащихся; но для этого учителю необходимы: 1) любовь и участіе къ своимъ ученикамъ, 2) дидактическая подготовка и 3) практическая смѣтливость.

Итакъ, между воспитаніемъ *въ умѣренности* и воспитаніемъ въ *справедливости*, въ сущности находится самая тѣсная связь. Пріучая воспитанника поступать справедливо, т.-е. не дѣлать ничего предосудительнаго относительно другихъ людей, мы тѣмъ же самымъ пріучаемъ его сдерживать свои стремленія и воздерживаться въ своихъ желаніяхъ, т.-е. быть умѣреннымъ. Но воспитаніе въ умѣренности приноситъ огромную пользу дѣтямъ въ отношеніи къ ихъ собственному благу и счастью, не говоря уже о благѣ другихъ. Человѣческое сердце подобно морю, волны котораго беспрестанно то ослабѣютъ, то сильно ударяются о берега; и какъ морскія волны безпрерывно слѣдуютъ однѣ за другими, такъ и желанія нашего сердца не знаютъ отдыха до самаго послѣдняго момен-

та нашей сознательной жизни, такъ что на мѣсто желанія, достигшаго исполненія, вмигъ является другое, а вмѣстѣ съ тѣмъ и забота объ осуществленіи послѣдняго. Чѣмъ больше и чѣмъ сильнѣе мы чего-нибудь желаемъ, тѣмъ томительнѣе становится для насъ недостиженіе желаемаго. Ошибочно думать, что милліонерамъ ничего больше не остается желать, напротивъ, сердца у нихъ волнуются желаніями не менѣе, чѣмъ у бѣдняковъ, только форма желанія у тѣхъ и другихъ различна: послѣдніе желаютъ необходимаго, первые же излишняго, а часто даже того, чего сами не знаютъ. Результатъ же у тѣхъ и другихъ одинъ и тотъ же: неудовлетвореніе, неудовольствіе и безпокойство. Поэтому благоразуміе совѣтуетъ, чтобы родители и воспитатели, ради будущаго счастья своихъ дѣтей и воспитанниковъ, пріучали ихъ съ дѣтства ограничивать свои желанія, довольствоваться скромною долею счастья, воздерживать свои чувства и сдерживать стремленія воли тамъ, гдѣ между осуществленіемъ желаемаго и обстановкою дѣйствительной жизни лежитъ бездна. Желаніе само по себѣ еще не волнуетъ сердце, подобно тому, какъ легкій вѣтерокъ въ лѣтній день едва замѣтно шевелитъ листья деревъ. Сердце начинаетъ волноваться и безпокоиться только тогда, когда фантазія изображаетъ намъ возможность достиженія желаемаго предмета,— тогда желаніе обращается въ хотѣніе.

Отсюда слѣдуетъ, что въ молодости, когда душа обладаетъ сильною воспріимчивостію, весьма опасно для спокойствія нашего сердца наполнять фантазію мечтательными образами о какомъ-то туманномъ, мнимомъ счастьѣ, между тѣмъ какъ отроку и юношѣ предстоитъ ознакомляться съ трудной и важной для практической жизни наукой о дѣйствительныхъ явленіяхъ общественной жизни и о нравственныхъ законахъ, управляющихъ жизнью семейства, общества и государства. Эта опасность весьма усугубляется чтеніемъ романовъ, въ которыхъ жизнь изображается такою, какою въ дѣйствительности никогда не бываетъ. Съ легковѣрностію, свойственною молодежи, романическіе разсказы воспринимаются и запечатлѣваются въ умѣ молодежи, и вмѣсто реальнаго познанія житейскихъ событій, является у нея цѣлый рядъ ложныхъ представленій и призраковъ, которые нерѣдко омрачаютъ даже трезвые опыты, выносимые изъ школы жизни. Поэтому такое чтеніе должно быть строго запрещаемо возрастающей молодежи, такъ какъ романы возбуждаютъ въ ней

несбыточныя ожиданія, которыя большею частію имѣютъ весьма вредное вліяніе на всю жизнь. Вмѣсто романовъ слѣдуетъ рекомендовать чтеніе біографій знаменитыхъ, доблестныхъ людей древняго міра и среднихъ вѣковъ, и великихъ дѣятелей на пути просвѣщенія новѣйшихъ временъ.

Понятно, что наказаніе за неумѣренность никоимъ образомъ не можетъ быть подведено подъ одну и ту же статью съ наказаніемъ за несправедливость. Только послѣдняя настоятельно требуетъ наказанія; неумѣренность же въ поступкахъ подлежитъ лишь легкому посрамленію и предостереженію серьезнымъ, порицающимъ взглядомъ, неодобрительными замѣчаніями и лишеніями удовольствій всякаго рода. Хорошо также подѣйствовать на сердце ребенка и возбуждать въ немъ добрыя чувства посредствомъ изображенія ему горемычнаго состоянія бѣдныхъ людей, страдающихъ отъ лишеній и болѣзней; а еще лучше водить дѣтей въ обители нищеты и страданія, съ тою цѣлью, чтобы наглядным ознакомленіемъ съ послѣдними пробудить въ нихъ состраданіе и человѣколюбивыя чувства.

ВОСПИТАНІЕ ВЪ ПОСТОЯНСТВѢ.

Бесѣда девятая.

Понятіе о постоянствѣ.—Увѣщанія, напоминанія и изображеніе будущихъ благъ и удовольствій, какъ возбудительныя средства къ постоянству.—Терпѣніе и надежда, поддерживающія постоянство.—Трусость и малодушіе родителей, ведущія дѣтей къ малодушію.—Изнѣживаніе дѣтей и безхарактерность.—Неумѣстность и вредъ крутыхъ мѣръ, лишающихъ самоуваженія и образующихъ пассивные характеры у дѣтей.—Обязанность отца и матери относительно воспитанія въ постоянствѣ.—Воспитаніе дочерей въ постоянствѣ.—Уступчивость, какъ необходимое качество женщины.—Небрежность, лѣность и праздность, какъ нетерпимыя свойства женщины.—Смѣтливость и ловкость, какъ отличительныя качества дѣвочекъ.—Упрямство дѣвочекъ.—Благопристойная смѣлость. — Живые примѣры, какъ лучшіе возбудители постоянства.—Школьныя занятія, пріучающія къ усидчивому труду.—Изученіе исторіи, какъ могущественное орудіе къ упражненію въ постоянствѣ.—Демосѳенъ, исправившій свое косноязычіе. Петръ Великій въ Сардамѣ.—Экспедиціи въ Арктическія страны и внутрь Африки.—Энтузіазмъ нашей молодежи и недостатокъ у ней постоянства и терпѣнія.—Вялость и шаткость воли, какъ причины несчастія людей.—Твердость воли.—Слова Наполеона I и Бэкона.—*Привычка*, играющая самую важную роль въ воспитаніи.—Школа и домашнія привычки, предшествующія школьной жизни.—Задача школы.—Знаніе и ученость, какъ неисчерпывающія этой задачи.—Пріученіе дѣтей ко вниманію и прилежанію, какъ важнѣйшая задача школы. Внимательный и разсѣянный человѣкъ.—Школа, методически пріучающая ко вниманію.—Прилежаніе, какъ начало всѣхъ доблестей.—Сила и значеніе привычки въ отношеніи къ нравственности.—Честный по необходимости и честный по привычкѣ и убѣжденію.

Постоянство состоитъ въ согласованіи между хотѣніемъ и исполненіемъ. Объективная сторона чувства, какъ намъ уже извѣстно, направлена къ внѣшности и сопровождается стремленіемъ воли къ достиженію пріятнаго чувству предмета или къ устраненію непріятнаго. Оцѣнка благъ и золъ лежитъ въ основаніи всякаго желанія и стремленія. Еслибъ человѣку доступно было полное знаніе житейскихъ благъ и золъ, то такое знаніе служило бы ему путеводною звѣздою, съ помощію которой онъ постоян-

но и неуклонно преслѣдовалъ бы свои цѣли. Но на бѣду у него нѣтъ такого знанія; поэтому воля его возбуждается только отъ моментальныхъ вліяній, а исполненіе ея происходитъ вяло и медленно, подъ-часъ же и вовсе останавливается. Вотъ почему дисциплина необходима для побужденія воспитанника къ постоянству; разслабѣвающую волю слѣдуетъ ободрять посредствомъ увѣщанія и напоминанія, медленности же исполненія слѣдуетъ противодѣйствовать наградою и наказаніемъ. Изображеніемъ удовольствій и благъ, ожидающихъ отрока по достиженіи предназначенной цѣли, мы заставляемъ его напрягать свою волю, оживляя его надежду на будущее. Но только воспитаніемъ, т.-е. *направленіемъ къ постоянному и неуклонному преслѣдованію* назначенной цѣли, мы подкрѣпляемъ волю его, внушая ему терпѣніе. Безъ терпѣнія и безъ надежды на окончательный успѣхъ, поддерживающей терпѣніе,—постоянство было бы лишь мечтой, и не могло бы быть осуществляемо посредствомъ воспитанія. Если бы ребенокъ не надѣялся ходить, то трудно было бы заставить его дѣлать первые шаги; безъ надежды на успѣхъ, отрокъ не попытался бы выучить когда-либо стихи наизусть и человѣкъ никогда не сдѣлалъ бы никакихъ изобрѣтеній. Какъ ребенокъ, такъ отрокъ и изобрѣтатель видятъ успѣхъ, мерцающій вдалекѣ, и въ глубинѣ души смутное чувство шепчетъ имъ: «дѣлайте это, успѣхъ немину емъ». Такимъ образомъ надежда на успѣхъ составляетъ лучшую воспитательницу для человѣка, внушаетъ ему терпѣніе и подстрекаетъ къ постоянству.

Но какъ воспитаніе въ умѣренности, такъ и воспитаніе въ постоянствѣ предполагаютъ необходимое присутствіе этихъ качествъ въ воспитателяхъ и родителяхъ, что, на бѣду, такъ рѣдко встрѣчается въ дѣйствительности. Всякое хныканье или самая малѣйшая боль давитъ тяжелымъ бременемъ материнское сердце, и мать прибѣгаетъ къ любому средству для успокоенія своего милаго крикуна. Родители не думаютъ о томъ, что они этимъ вкореняютъ изнѣженность, малодушіе и трусость въ душу своего любимца, вмѣсто того, чтобы подготовлять его къ постоянству, столь необходимому для будущаго поприща его. Будучи сами трусы и малодушны, они, уступая во всемъ ребенку, дѣлаютъ изъ него малодушнаго труса.

Нѣтъ ни малѣйшаго резона выходить изъ себя изъ-за каждой пустяшной боли ребенка. Напротивъ того, въ интересахъ

дѣтей, необходимо пріучать ихъ переносить терпѣливо страданія, не обращать вниманія на незначительную боль и не сокрушаться отъ препятствій, удерживающихъ стремленія ихъ воли. Такіе уроки для дѣтей необходимы, и изъ всякаго горькаго опыта они выносятъ душеполезное поученіе для будущаго. Не въ природѣ вещей и не въ силахъ человѣка все предвидѣть и предупреждать, и коль скоро ребенокъ началъ понимать то, что̀ вредно и опасно для него, то, изъ чувства самосохраненія, онъ будетъ стараться избѣгать всего того.

Роковое баловство и изнѣживаніе дѣтей происходитъ именно отъ того, что родители сами не привыкли владѣть собою и сдерживать свои желанія и стремленія, а потому постоянно озабочены, чтобы не случилось чего нибудь дурнаго съ ихъ маленькими баловнями и чтобъ ничто не тревожило и не огорчало ихъ. Съ чрезмѣрною заботливостію родители устраняютъ отъ дѣтей всякій камень преткновенія, а тѣмъ не менѣе желали бы, чтобы въ тѣхъ же дѣтяхъ развились мужество, неустрашимость и храбрость. Такимъ образомъ дѣти подрастаютъ безъ всякаго навыка къ борьбѣ съ малѣйшими препятствіями, а потому столь же мало подготовляются къ борьбѣ за существованіе, какъ неукрѣпленный городъ противъ непріятельскаго нападенія. Не вынося изъ домашняго воспитанія никакой опытности относительно необходимости переносить смиренно все, что, измѣняя жизнь въ ея теченіи, приноситъ съ собою страданія и болѣзни, матеріальныя лишенія и огорченія всякаго рода,—юноша, при первомъ несчастномъ столкновеніи, становится въ тягость и себѣ и другимъ. Если бы родители давали своимъ дѣтямъ примѣръ того, какъ слѣдуетъ владѣть собою и преодолѣвать желанія и стремленія воли, то у дѣтей, по совершеннолѣтіи ихъ, не обнаруживалось бы ни нравственной тоски, ни разстройства силъ, ни отсутствія твердости характера, энергіи воли и терпѣнія въ страданіяхъ. Въ правѣ ли послѣ того родители сѣтовать и роптать на судьбу, если избалованныя дѣти ихъ оказываются впослѣдствіи неблагодарными? А что родители могутъ отвѣчать, когда избалованныя дѣти спросятъ ихъ: «почему вы не подготовляли насъ къ терпѣливому и безропотному перенесенію неминуемыхъ разочарованій и дрязгъ, ожидавшихъ насъ въ зрѣлыхъ лѣтахъ?» Изъ этого, однако жъ, не слѣдуетъ, чтобы для воспитанія въ постоянствѣ, выдерживаніи и терпѣ-

ніи всего непріятнаго для чувства, требовались непремѣнно крупныя, тиранническія мѣры. Ошибочно думать, чтобы воспитаніе въ постоянствѣ и терпѣніи не могло обходиться безъ розогъ, колотушекъ, побоевъ по головѣ, безъ дранья за волосы и за уши. Не говоря уже о томъ, что послѣднія воспитательныя средства могутъ имѣть вредное дѣйствіе на мозгъ и въ особенности на зрительные и слуховые органы,—такія мѣры имѣютъ результаты противоположные тѣмъ, какіе отъ нихъ ожидаются. Дѣти, надъ которыми тѣлесное наказаніе употребляется какъ рычагъ воспитанія, которыя ежедневно испытываютъ на себѣ дурное расположеніе духа своихъ неблаговоспитанныхъ родителей, выходки самодурства отца и немотивированные капризы и требованія матери, которыя, *наконецъ, строго наказываются за малѣйшія шалости* даже своею гувернанкою,—такія дѣти обыкновенно теряютъ чувство чести и всякую самостоятельность. Мудрено ли послѣ такого воспитанія, что изъ дѣтей, лишившихся чувства *самоуваженія*, съ которыми обращались безъ вниманія, выходятъ дурные люди, которые въ свою очередь, не оказываютъ вниманія и уваженія ни родителямъ, ни старшимъ, ни начальству? Такое безразсудное воспитаніе заглушаетъ у нихъ всякое свободное стремленіе воли. Эти дѣти не обладаютъ никакою силою сопротивленія, имѣя *пассивные характеры*; они чуждаются всякаго постоянства какъ въ добромъ, такъ и въ дурномъ, и образуютъ безцвѣтныя натуры, извѣстныя подъ именемъ *добрыхъ малыхъ* (bonhomme); они относятся къ всему безразлично, ибо у нихъ нѣтъ силы противостоять злу, нѣтъ охоты, энергіи и стойкости, безъ которыхъ стремленіе къ добру невозможно, отчего они даже пренебрегаютъ добромъ.

Воспитаніе въ *постоянствѣ* составляетъ по преимуществу обязанность отца, которому не слѣдуетъ медлить исполненіемъ ея. Этотъ педагогическій принципъ вытекаетъ изъ психологическихъ качествъ мущины, къ специфическимъ свойствамъ воли котораго принадлежатъ равномѣрность, энергія и послѣдовательность, между тѣмъ какъ характеру женщины свойственны преимущественно мягкость и снисходительность. Можно сказать, что отецъ есть представитель строгой законности, а мать представительница евангельскаго милосердія. Только при воспитаніи дочерей иногда полезно, чтобъ отецъ помѣнялся ролями съ матерью. Случается часто, что мать, которая относится

строго къ недостаткамъ своего пола, замѣчаемымъ ею у другихъ, пренебрегаетъ собственною дочерью, отдавая преимущество сыну. Въ такихъ случаяхъ отецъ долженъ взять дочь подъ свое покровительство и защищать ее отъ коалиціи матери и сына. Впрочемъ было бы не сообразно съ здравымъ смысломъ сказать, что не зачѣмъ воспитывать дочерей въ постоянствѣ. Напротивъ того, необходимо, чтобы дѣвочки пріучались переносить терпѣливо обиды, которыя братья обыкновенно имѣютъ привычку наносить имъ. Дѣвочки, будучи слабѣе другаго пола, по самой природѣ своей *должны* быть *уступчивѣе,* и женщина только посредствомъ уступчивости выходитъ побѣдительницею. Кромѣ того, дѣвочкѣ гораздо раньше, чѣмъ мальчику, предстоитъ задача оказать свое содѣйствіе въ хозяйствѣ и, помогая матери, она должна подготовляться къ трудовой жизни въ замужествѣ и семьѣ. Небрежность, лѣность ипраздность никакъ не должны быть терпимы у женскаго пола. Эти недостатки составляютъ совершенное безобразіе для женщины, но перемѣнить свои привычки для нея гораздо труднѣе, чѣмъ мущинѣ. Понятно, что въ отношеніи исправленія дурныхъ наклонностей у женскаго пола еще менѣе можетъ быть рѣчи, чѣмъ въ отношеніи мужскаго пола. Въ отношеніи дѣвочекъ представляется возможность дѣйствовать путемъ разумѣнія раньше, чѣмъ въ отношеніи мальчиковъ; слѣдуетъ только объяснить дѣвочкамъ работы, которыя имъ поручаются. Дѣвочки притомъ гораздо смѣтливѣе и ловчѣе, чѣмъ мальчики; послѣдніе обыкновенно неуклюжи, какъ медвѣжата, между тѣмъ какъ первыя подвижны. Дѣвочки рано въ состояніи раздѣлять и нести заботы матери, но рѣдко удается отцамъ пользоваться помощью со стороны сыновей.

Упрямство, которое обнаруживается у дѣвочекъ, не слѣдуетъ одолѣвать насильственными мѣрами, но устранять его уговариваніемъ и наставленіемъ. Неумѣстною строгостью мы заглушали бы въ нихъ чувство собственнаго достоинства, такъ что онѣ могли бы падать духомъ, отчего впослѣдствіи вялостію и нерѣшительностью своего характера онѣ внушили бы дурное мнѣніе о себѣ, даже сдѣлались бы противными. Благопристойная смѣлость, которая такъ нравится въ дѣтяхъ, можетъ развиться только у тѣхъ изъ нихъ, которыя воодушевлены чувствомъ собственнаго уваженія и силы.

Вообще родители и воспитатели не должны упускать изъ виду,

что они имѣютъ дѣло съ живыми душами, а не съ маріонетками, которыхъ можно приводить въ движеніе съ помощію шурковъ и пружинъ. Только мало-по-малу можно пріучать дѣтей къ постоянству въ дѣятельности, только исподоволь удается обуздывать бушующія стремленія ихъ воли, иначе мы стали бы дрессировать ихъ, но не воспитывать. Воспитаніе въ постоянствѣ можетъ быть успѣшнымъ тогда, когда удается указать воспитанникамъ на пользу и выгоду, вытекающія изъ постоянства въ занятіяхъ. Ничто такъ не поощряетъ къ постоянному труду, какъ указаніе на радость, которую ребенокъ доставляетъ трудами родителямъ, и на собственную его пользу въ будущемъ. Такъ, напр., обученіе чтенію и письму становится тѣмъ легче для мальчика, когда ему изображаютъ удовольствіе, которое ему доставитъ чтеніе занимательныхъ разсказовъ и сообщеніе мыслей другимъ посредствомъ письма.

Не менѣе полезно возбуждать *чувство самонадѣянности и собственнаго достоинства* у дѣтей въ томъ случаѣ, когда мы поручаемъ имъ дѣло, которымъ они замѣняютъ мѣсто родителей, напр. надзоръ за меньшими братьями и сестрами во время отсутствія родителей.

Но всѣ совѣты, наставленія и поощренія къ постоянству въ отношеніи ихъ воспитательной пользы, оказываются почти ничтожными, когда мы ихъ сравниваемъ съ тою пользою, которую дѣти получаютъ *отъ живыхъ примѣровъ*. Видя, какъ родители съ невозмутимымъ постоянствомъ преслѣдуютъ извѣстныя цѣли, отецъ внѣ, а мать внутри дома, видя какъ прислуга съ ранняго утра до поздняго вечера безропотно трудится, исполняя свой долгъ,—дѣти лучше всего проникаются истиною, что главная задача жизни есть *трудъ и безпрерывное занятіе тѣла и духа*, и что удовольствія и наслажденія имѣютъ только значеніе *отдыха*, долженствующаго снабдить насъ новыми силами для новаго труда. Тогда школьное занятіе будетъ для дѣтей необременительнымъ, которое въ сущности есть не что иное, какъ подготовленіе учащихся къ практическимъ трудамъ ихъ будущаго житейскаго поприща. Въ этомъ преимущественно и состоитъ *воспитательная цѣль школьнаго обученія*, которая пріучаетъ отрока *къ постоянному, усидчивому труду и къ напряженію воли для осуществленія общеполезныхъ цѣлей*, такъ какъ пріобрѣтаемымъ въ школѣ знаніемъ онъ долженъ служить царю, отечеству, обществу и семейству.

Понятно также, что изученіе исторіи можетъ служить могущественнымъ орудіемъ къ упражненію въ постоянствѣ. Изображая учащемуся, къ чему стремились великіе дѣятели человѣчества въ древнемъ мірѣ, чего добивались и достигли, мы изощряемъ волю ученика въ постоянствѣ, такъ какъ эти образцы и примѣры указываютъ ему на блага, честь и славу, ожидающія человѣка, постоянно и неуклонно стремящагося къ *одной* великой цѣли. Примѣръ Демосѳена, который, бывши молодымъ человѣкъ, съ непомовѣрнымъ упорствомъ побѣдилъ свое косноязычіе, глубоко впечатлѣвается въ духѣ воспитанника и ученика. А Петръ Великій, отрѣшившійся на время, ради блага отечества, отъ своего царскаго сана и работавшій въ Сардамѣ наравнѣ съ простыми плотниками съ цѣлію изученія судостроительнаго искуства! Вся жизнь его, начиная съ юношескаго возраста, есть перечень непомовѣрныхъ усилій, исполинскихъ плановъ, начинаній и стремленій къ преобразованію нашего великаго отечества; онъ не зналъ ни утомленія, ни отдыха, которые могли бы хоть сколько-нибудь задерживать его рвеніе къ достиженію предначертанной его геніемъ цѣли! А какіе примѣры упорнаго постоянства излагаетъ новая исторія! Чувство наше наполняется благоговѣніемъ и уваженіемъ, когда мы читаемъ о подвигахъ самоотверженія, неустрашимости и мужества, совершаемыхъ единственно съ цѣлію разширенія круга человѣческихъ знаній. Мы невольно содрогаемся при одной мысли объ экспедиціяхъ въ арктическій океанъ съ его исполинскими льдинами и свирѣпыми снѣжными ураганами, при чтеніи о путешествіяхъ внутри Африки съ ея убійственнымъ зноемъ и бездождіемъ. А прорытіе Суэцкаго канала, укладка трансатлантическаго кабеля, наша Хивинская экспедиція, вѣдь все это результаты непоколебимаго постоянства и упорства, съ которыми человѣческая воля стремится неудержимо къ осуществленію предначертанной цѣли. Такіе примѣры и сотни другихъ всего способнѣе придавать бодрость волѣ учащихся, а вмѣстѣ съ тѣмъ предотвратить ихъ отъ слабости и нерѣшительныхъ, малодушныхъ колебаній при исполненіи добрыхъ намѣреній.

Глубокознаменательны слова Апостола Павла: «отъ терпѣнія опытность, отъ опытности надежда». Терпѣніе—это спасительный талисманъ, съ помощію котораго воля на пути къ желаемой цѣли сопровождается надеждою, которая подстрекаетъ волю

къ постоянству и стойкости, увлекая ее приманкою успѣха. Совершать благія дѣла безъ терпѣнія невозможно. Безъ терпѣнія нельзя разсчитывать на успѣхъ ни въ обученіи, ни въ воспитаніи чувства и воли. Предрасположеніе къ терпѣнію въ зародышѣ находится въ волѣ воспитанника, какъ чувство надежды въ его сердцѣ, и этимъ то человѣкъ въ особенности отличается отъ животныхъ. Задача нравственнаго воспитанія заключается въ томъ, чтобы словомъ и дѣломъ, наставленіемъ и примѣромъ развивать, поддерживать и изощрять эти чувства. Родители и воспитатели должны постоянно помнить слова Апостола Павла: «*какъ же ты, уча другаго, не учишь самаго себя?*» Воспитывая дѣтей и учениковъ въ правилахъ справедливости, умѣренности и постоянства, родители и воспитатели, и словомъ и дѣломъ, должны служить имъ примѣромъ въ исполненіи этихъ доблестей. Нѣтъ сомнѣнія, что воспитаніе дѣтей въ постоянствѣ и терпѣніи составляетъ самую трудную часть искусства воспитанія. Все идетъ ладно, пока воспитанникъ занятъ своимъ любимымъ предметомъ; все идетъ въ порядкѣ, пока дѣятельность его держится обыкновенной колеи и слѣдуетъ установленному правилу. Но явись новыя требованія, высшія задачи и обязанности, дѣятельность безъ новаго напряженія и усилія начинаетъ ослабѣвать. У нашей молодежи нѣтъ недостатка въ энтузіазмѣ; напротивъ, всякое благое начинаніе и всякая благородная мысль воодушевляютъ ее до нельзя. Но если этотъ энтузіазмъ не поддерживается постоянствомъ и терпѣніемъ, то онъ вспыхиваетъ и превращается въ дымъ, какъ порохъ, или улетучивается подобно освобожденному газу изъ бутылки сельтерской воды, оставляющему послѣ себя безвкусную неподвижную жидкость.

Вялость и шаткость воли, которая въ своихъ стремленіяхъ не опирается ни на мотивахъ разума, ни на поученіяхъ религіи и нравственности, всегда составляли причину несчастія людей. Вотъ почему воспитаніе въ постоянствѣ и умѣренности есть предметъ первой важности, вліяющій на будущее счастіе воспитанника несравненно больше, чѣмъ обученіе. Послѣднее снабжаетъ воспитанника различными познаніями, просвѣщаетъ его умъ и разумъ; но воспитаніе дѣйствуетъ прямо и непосредственно на его чувство и волю, смягчаетъ и настраиваетъ первое, направляетъ и подкрѣпляетъ послѣднюю. Чувства похожи на звуки, которые скоро ослабѣваютъ и исчезаютъ. Такъ

горе и гнѣвъ, которые мы испытываемъ сегодня, завтра или уже вовсе могутъ исчезнуть, или же значительно уменьшатся и ослабѣютъ, стоитъ только терпѣливо перенести натискъ взволнованныхъ чувствъ и стремленій воли. То, что сегодня возмущаетъ насъ, завтра, при хладнокровномъ обсужденіи, можетъ намъ показаться пустякомъ, и мы, можетъ быть, отнесемся съ снисходительной улыбкой къ тому, что вчера вызывало у насъ слезы, печаль и негодованіе. Человѣку возможно все, на что онъ рѣшается съ твердостію воли, и Наполеонъ I высказалъ великую истину, что «vouloir, c'est pouvoir». Слова другаго генія, англійскаго канцлера Бэкона, преобразователя методы изученія законовъ природы: «savoir, c'est pouvoir» имѣютъ то значеніе, что, подъ условіемъ твердой и непоколебимой воли, мы можемъ осуществлять лишь такое благо, къ которому насъ приспособляетъ познаніе. Вотъ почему не подлежитъ сомнѣнію, что изъ всѣхъ средствъ, употребляемыхъ учителями и родителями,—*привычка* стоитъ на первомъ планѣ. Начиная съ воспитанія ребенка и до совершеннолѣтняго молодаго человѣка, какъ въ умственно-нравственномъ, такъ и въ теоретическомъ отношеніяхъ, привычка играетъ самую важную роль и оказывается незамѣнимой силою. Все, къ чему человѣкъ стремится, все, что должно имѣть существенное значеніе достоинства и пользы для жизни,—заимствуетъ свой успѣхъ отъ привычки, которая составляетъ необходимый факторъ всякой плодотворной дѣятельности. Поэтому каждая благоразумная мать начинаетъ свою воспитательную дѣятельность съ того, что *пріучаетъ* еще лепещущаго своего ребенка *къ чистоплотности и порядку*, а по мѣрѣ развитія у него самосознанія и самоопредѣленія воли—*къ повиновенію*. Это имѣетъ огромное вліяніе на всю жизнь ребенка; ибо кто съизмала не пріучается *къ послушанію, справедливости, умѣренности и постоянству*, тотъ въ послѣдствіи хочетъ, чтобы все дѣлалось по немъ, а такъ какъ этого не бываетъ, то онъ мучитъ и самаго себя и другихъ, съ которыми имѣетъ дѣло. Для человѣка же, съ малолѣтства пріучаемаго къ повиновенію и къ другимъ обязанностямъ,—въ позднѣйшія эпохи его жизни не можетъ казаться прискорбнымъ или страннымъ, когда въ сотняхъ случаевъ вещи не такъ дѣлаются, какъ бы ему хотѣлось, потому что въ такомъ человѣкѣ твердо слагается идея о необходимости подчиненія воли отдѣльнаго человѣка волѣ всего общества.

Какъ скоро въ дѣтяхъ пробуждается сознаніе, они, прислушиваясь къ языку своихъ родителей, мало-по-малу пріучаются говорить правильно и связно. Что же касается до школьной жизни, то успѣхи ея существенно зависятъ отъ привычекъ, усвояемыхъ дѣтьми въ домашней жизни. Когда отрокъ, посѣщающій школу, не былъ пріученъ въ семействѣ къ чистоплотности, опрятности, порядку, аккуратности, къ уваженію старшихъ, къ послушанію, благонравію и благопристойности, то нельзя ожидать отъ школы, чтобы она выработала въ этомъ отрокѣ всѣ исчисленныя качества, присутствіе копхъ въ немъ предполагается при самомъ поступленіи его въ школу. Между тѣмъ дѣятельность учителя основана на почитаніи, которое питаетъ къ нему ученикъ, и хотя степень и мѣра этого почитанія существенно обусловливаются *дѣльностію и педагогическою способностію* самаго учителя, но все-таки семейство обязано положить *основаніе* этому почитанію, безъ котораго скоро обнаруживаются *неурядица и несообразность* въ отношеніяхъ ученика къ школѣ.

Съ другой строны, задача школы не только усовершенствовать и дополнить хорошія привычки, выносимыя отрокомъ изъ семейной жизни, но она должна вызвать въ немъ привычки, имѣющія тѣсную связь съ назначеніемъ ея. Школы по справедливости называются *учебными заведеніями*. Но если подъ этимъ названіемъ понимаютъ, что задача школы состоитъ лишь въ томъ, чтобы сообщать учащимся различныя познанія, то такое воззрѣніе весьма односторонне. Безспорно, что *познанія* составляютъ *необходимое сокровище* для духовной жизни, и чѣмъ обширнѣе и многостороннѣе познанія, тѣмъ сильнѣе и полнѣе духовная жизнь человѣка, достояніемъ коего они сдѣлались. Тѣмъ не менѣе *знаніе и ученость* не составляютъ еще *самаго высшаго блага*, которое ожидается отъ школы. Гораздо *важнѣе и многозначительнѣе* извѣстныя привычки, которыя пріобрѣтаются вмѣстѣ съ знаніемъ и ученіемъ. Познанія, пріобрѣтаемыя въ школѣ, образуютъ, такъ-сказать, тѣло; но душа, дѣйствующая въ этомъ тѣлѣ, состоитъ въ извѣстныхъ психическихъ, нравственныхъ и духовныхъ привычкахъ, вызываемыхъ обученіемъ. Одна изъ самыхъ важныхъ привычекъ, которыя школа должна выробатать въ ученикахъ посредствомъ обученія, есть *привычка къ вниманію и прилежанію*. Какое, въ самомъ дѣлѣ, счастье для человѣка, когда онъ съ дѣтства привыкаетъ отно-

ситься ко всему внимательно! Только тотъ можетъ разсчитывать на успѣхъ въ своей внутренней и внѣшней жизни, т.-е. *на матеріальное благоденствіе и спокойствіе духа,* кто съ малолѣтства привыкаетъ сосредоточивать всѣ силы своего духа на данномъ предметѣ и кто въ состояніи вытѣснить въ то же время изъ своего сознанія всѣ постороннія вліянія внѣшняго и внутренняго міра, которыя могли бы разсѣять и отвлечь его отъ предстоящихъ ему занятій, между тѣмъ какъ разсѣянный человѣкъ рѣдко бываетъ способенъ къ дѣятельности, а часто даже вовсе не годится. Но и самое вниманіе есть предметъ, требующій изученія и навыка. Отъ природы человѣкъ вовсе не одаренъ вниманіемъ, и всякое впечатлѣніе отвлекаетъ его. Только въ школѣ человѣкъ дѣйствительно и методически пріучается къ вниманію. Каждый предметъ обученія требуетъ вниманія и изощряетъ его на самыхъ различныхъ предметахъ, и съ помощію частыхъ повтореній и упражненій въ наглядномъ созерцаніи, съ помощію представленій, сужденій, сравненій, выводовъ и умозаключеній вниманіе становится привычкою. Каждый предметъ обученія учитъ насъ чему-нибудь новому, имѣющему интересъ какъ для насъ самихъ, такъ и для другихъ: въ этомъ заключаются знанія, науки, искуства. Но *привычка къ вниманію*, пріобрѣтаемая въ продолженіи изученія извѣстнаго предмета, приноситъ намъ не только не менѣе, но даже больше пользы, чѣмъ самая сумма познаній. Такимъ образомъ ученикъ, занимаясь чтеніемъ, исчисленіемъ, выучиваніемъ напзусть, разсказываніемъ, сочиненіемъ, переводами, рисованіемъ, пѣніемъ и т. д., въ то же время привыкаетъ къ напряженію духовныхъ силъ, т.-е. къ вниманію и постоянству.

Развивая въ учащихся вниманіе, школа вмѣстѣ съ тѣмъ возбуждаетъ ихъ *къ прилежанію*, т.-е. къ живой, постоянной и послѣдовательной дѣятельности духа и тѣла. Пословица говоритъ: «праздность есть мать всѣхъ пороковъ». Прилежаніе же есть начало всѣхъ доблестей. Дѣйствительно, у кого равномѣрная, постоянная и неусыпная дѣятельность вошла въ привычку, у того нѣтъ простора и времени для порока. Школа тогда только хороша, когда она располагаетъ, завлекаетъ и вынуждаетъ учениковъ къ прилежанію, такъ чтобы постоянство въ занятіяхъ вошло въ ихъ плоть и кровь, т.-е. становилось бы привычкою. Еслибы возможно было придумать такую школу, въ которой ученики научались бы *исключительно трудному* иску-

ству прилежанія, то такая школа своею полезностью превзошла бы всѣ другія школы. Конечно, научиться многому безъ прилежанія не возможно, и только съ пріобрѣтеніемъ многихъ знаній прилежаніе становится привычкою. Даже самое научное образованіе, которое даетъ намъ школа, имѣетъ только тогда вѣское значеніе и неисчерпаемую пользу для жизни, когда формы и пріемы мышленія, вызываемыя упражненіемъ духовныхъ способностей, становятся привычкой, какъ бы второй нашей натурой. Истинное образованіе человѣка, въ самомъ обширномъ смыслѣ, выражается *мышленіемъ и рѣчью*. Процессъ мышленія, который происходитъ у человѣка необразованнаго, основанъ на врожденной ему способности «судить по здравому смыслу» о вещахъ въ ихъ *конкретномъ, реально-сложномъ видѣ*. Но одинъ здравый смыслъ отнюдь не даетъ человѣку способности анализировать какое-либо явленіе, разлагать его на составныя части его. Здравый смыслъ оказываетъ намъ огромную пользу въ обыденной жизни и въ незатѣйливыхъ вопросахъ общежитія; но онъ ставитъ насъ въ тупикъ, когда дѣло идетъ о разрѣшеніи сложныхъ, запутанныхъ вопросовъ, въ которыхъ причинная связь ускользаетъ отъ поверхностнаго наблюденія. Такъ, напр. рабочіе въ Англіи прежде уничтожали всякую новоизобрѣтенную машину, потому что *здравый смыслъ* говорилъ имъ, что машины отнимаютъ насущный хлѣбъ у рабочихъ, замѣняя ихъ ручной трудъ. (Такъ судили, а отчасти и понынѣ судятъ у насъ о желѣзныхъ дорогахъ рабочіе, занимающіеся извозомъ. Только умственнымъ воспитаніемъ и пріобрѣтеніемъ множества знаній развивается у человѣка способность анализа, высшая дѣятельность *разума*, и частымъ упражненіемъ этой способности онъ пріобрѣтаетъ *навыкъ* быстро находить тайную связь между явленіями природы и человѣческой жизни. Рабочіе въ Англіи, которые получили образованіе, вовсе иначе разсуждаютъ о машинахъ; они знаютъ, что машины вредятъ рабочимъ только временно, въ послѣдствіи же онѣ занимаютъ не меньше рабочихъ рукъ, а даже больше, чѣмъ прежде и притомъ снабжаютъ рабочихъ дешевыми припасами, матеріей для одежды и т. д.

У образованнаго человѣка всѣ духовныя операціи совершаются съ ясностію и точностію, съ тщательностію и опредѣленностію, въ порядкѣ и связи. Между мыслями и рѣчью его существуетъ полное, точно-опредѣленное согласіе и тождество, и все это у него есть дѣло привычки, усвояемой имъ въ школѣ по-

средствомъ частаго и послѣдовательнаго упражненія въ аналитическомъ мышленіи; отсюда происходитъ то, что у истинно-образованнаго человѣка всѣ представленія и понятія, всѣ сужденія и умозаключенія носятъ на себѣ отпечатокъ *основательности*. Вотъ въ чемъ заключается воспитательная сила школьнаго обученія. Она не только даетъ ученику извѣстную сумму грамматическихъ, литературныхъ, математическихъ, естественныхъ и историческихъ познаній, но снабжаетъ его способностію и ловкостію въ употребленіи орудія мышленія (или *формальнаго мышленія*), имѣющаго неисчерпаемую пользу въ своихъ примѣненіяхъ къ самымъ разнообразнымъ и запутаннымъ вопросамъ жизни отвлеченнаго, философскаго свойства.

Сила и значеніе привычки выказываются не только въ образованіи мыслительной дѣятельности, но въ особенности въ отношеніи къ нравственности. Только тогда можно сказать о человѣкѣ, что онъ вполнѣ достигъ нравственнаго образованія, когда благородныя правила и возвышенныя воззрѣнія войдутъ въ его постоянныя привычки. Ежедневный опытъ подтверждаетъ это самымъ наглядным образомъ. Нельзя еще считать честнымъ, въ полномъ смыслѣ этого слова, того человѣка, которому еще нѣтъ возможности сдѣлать зло ближнему; но тотъ только честенъ, у кого честность стала *любимою привычкою*, обладающею всѣми его чувствами и стремленіями, отъ которой отклонить его никакая внѣшняя сила не можетъ.

ПРОДОЛЖЕНІЕ О ВОСПИТАНІИ ВЪ ПОСТОЯНСТВѢ.

Бесѣда десятая.

Вниманіе къ другимъ и вѣжливость.—Вѣжливость отъ добраго сердца.—Вниманіе къ низшей братіи, какъ истинно-христіанская доблесть.—Вниманіе къ другимъ, какъ признакъ нравственной образованности, и наоборотъ.—Вниманіе къ другимъ, какъ результатъ уваженія къ правамъ послѣднихъ.—Невнимательность къ другимъ, какъ плодъ эгоизма.—Эгоизмъ и чувство сострадавія.—Вниманіе къ другимъ и сочувствіе послѣднихъ, и наоборотъ.—Физическая природа человѣка, общая ему со всѣми животными.—Духовная природа человѣка, развиваемая воспитаніемъ.—*Обновленіе человѣка Промысломъ Божіимъ* посредствомъ вѣры.—Тѣло какъ орудіе для высшихъ цѣлей духа.—Мученики христіанства.—Наши юноши и дѣвицы, налагающіе на себя руки.—Обязанность матерей вообще, а русскихъ женщинъ въ особенности, относительно воспитанія.—Вліяніе женщинъ на культуру и прогрессъ.—Узкое воззрѣніе на воспитаніе сыновей и дочерей.—Дурное воспитаніе и изверги человѣчества.

Къ нравственнымъ привычкамъ, развитіе коихъ составляетъ немаловажную задачу нравственнаго воспитанія,—принадлежитъ *вниманіе къ другимъ*. *Вниманіе къ другимъ* есть нравственное чувство, которое внушаетъ намъ сдерживать наши эгоистическія стремленія вездѣ, гдѣ мы словами или поступками можемъ оказать свою любезность и свои услуги другимъ. Противоположное чувство выражается въ несправедливыхъ, относительно другихъ, стремленіяхъ, сопровождающихся вредомъ и ущербомъ или убыткомъ для послѣднихъ. Все, что̀ выше сказано было *о вѣжливости*, относится также ко вниманію: послѣднее есть *нравственная пружина* первой.

Внѣшняя вѣжливость, которую люди выражаютъ въ обхожденіи съ другими и вообще въ общежитіи, уже сама по себѣ похвальна, но только тамъ, гдѣ эта вѣжливость въ обращеніи про-

истекаетъ отъ доброты сердца,—она заслуживаетъ *названія вниманія*. Всѣ обыденныя услуги, которыя мы оказываемъ родителямъ, членамъ семейства, учителямъ, старшимъ, вообще знакомымъ и незнакомымъ, привязываютъ ихъ къ намъ, возвышаютъ насъ въ ихъ мнѣніи, а въ то же время это вниманіе намъ ничего не стоитъ. Когда же наше вниманіе обращается къ людямъ, стоящимъ ниже насъ въ общественномъ положеніи, къ прислугѣ, чернорабочимъ, вообще къ низшей братіи, то такое поведеніе значительно усугубляетъ нашу заслугу, и поступокъ нашъ становится *истинно-христіанскою доблестью*.

Не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что облагораживающее дѣйствіе воспитанія, какъ умственнаго, такъ и нравственнаго, обнаруживается столько же въ соблюденіи законовъ общественнаго приличія и пристойности, сколько во внимательномъ обращеніи съ тѣми, которыхъ судьба поставила въ болѣе или менѣе тѣсную зависимость отъ насъ. Съ другой стороны, пренебреженіе къ этимъ законамъ налагаетъ печать нравственной необразованности на человѣка;—такой человѣкъ можетъ имѣть значительное умственное образованіе, но у него сердце не тронуто. Чувство вниманія, которое мы должны оказывать другимъ, лучше всего развивается и обнаруживается у воспитанника, когда онъ привыкаетъ сознавать, что тотъ не въ правѣ требовать чего-либо отъ общества и ближнихъ, кто не обращаетъ вниманія на то, чего другіе имѣютъ право требовать отъ него. Отсутствіе вниманія къ другимъ происходитъ отъ того, что человѣкъ занятъ исключительно собственными интересами и стремится къ ихъ удовлетворенію, вовсе теряя изъ виду, что люди, въ средѣ коихъ онъ живетъ, испытываютъ такія же чувства и желанія, какъ онъ самъ, и имѣютъ равное съ нимъ право на удовлетвореніе своихъ стремленій. Попади такой невнимательный человѣкъ въ бѣду, въ болѣзнь, въ бѣдность, вообще въ какое-нибудь непріятное положеніе, въ которомъ ему нужна помощь другихъ,—онъ возмущается и готовъ жаловаться на жестокосердіе послѣднихъ, когда видитъ, что они относятся къ нему равнодушно. А между тѣмъ этотъ порядокъ существуетъ между людьми и имѣетъ свой корень не въ естественномъ предрасположеніи человѣческаго сердца, а единственно въ направленіи нравственнаго воспитанія. Какъ уже сказано было выше, въ сердцѣ ребенка, рядомъ съ эгоизмомъ, кроется божественное чувство состраданія. Если маменька и тетушки разви-

ваютъ въ немъ только эгоистическія стремленія и думаютъ только о томъ, чтобы удовлетворять капризныя прихоти его, отнюдь не заботясь о развитіи противоположныхъ задатковъ человѣческаго сердца, чувствъ состраданія, милосердія, справедливости, совѣсти и т. д., то мудрено ли послѣ этого, что изъ такого баловня въ послѣдствіи выходитъ гадкій эгоистъ, не обращающій вниманія на нужды и страданія другихъ? Привыкши съ дѣтства къ безусловному исполненію своей воли, такой эгоистъ всегда и вездѣ видитъ только себя, свои нужды, свои интересы, ему нѣтъ дѣла до интересовъ ближняго, интересовъ общества и отечества, часто даже интересовъ членовъ своего семейства, вниманіе его всецѣло поглощено своимъ ненасытнымъ *я*. Вотъ почему родители и воспитатели должны *собственнымъ примѣромъ*, а не одними *словами*, пріучать дѣтей *быть внимательными къ другимъ*, не дожидаясь, чтобы послѣдніе обстоятельствами были вынуждаемы просить ихъ объ этомъ. Подобно тому, какъ мы пріобрѣтаемъ познанія посредствомъ вниманія, съ которымъ наши чувственные органы и умственныя способности относятся къ предметамъ изученія,—мы пріобрѣтаемъ любовь, уваженіе и благодарность другихъ людей за то вниманіе, которое мы обращаемъ на ихъ желанія, нужды и страданія. А развѣ быть любимымъ не важнѣе для истиннаго послѣдователя Христова, чѣмъ быть ученымъ? Когда мы читаемъ всеобщую исторію, то кому больше сочувствуемъ, Нерону или Титу, Генриху IV или Людовику XV, Петру Ѳедоровичу Басманову и Ивану Заруцкому или Минину и Сусанину? А почему? потому, что ни Титъ, ни Генрихъ, ни Мининъ, ни Сусанинъ не искали своего, а *внимали* только нуждамъ своего отечества.

Изъ всего сказаннаго ясно выходитъ первостепенная важность *воспитанія въ постоянствѣ* и упражненія дѣтей въ соблюденіи обязанностей *справедливости*, *умѣренности* и всего того, что не составляетъ предмета исключительныхъ стремленій ихъ себялюбія. Пословица говоритъ: «привычка есть вторая натура». Первая натура человѣка, которая ему обща съ животными, заключается въ тѣлесномъ организмѣ, формѣ, разчлененіи и развитіи его, происходящихъ и точно-опредѣленнымъ неизмѣннымъ физическимъ, химическимъ и физіологическимъ законамъ. Эту натуру человѣкъ приноситъ съ собою на свѣтъ и она не оставляетъ его до гроба. Животныя и растенія оста-

ются навсегда при этой одной первой натурѣ, потому что, не владѣя способностію свободнаго самоопредѣленія, они не въ состояніи вырабатывать изъ себя что-либо другое, чѣмъ то, къ чему природа ихъ назначила. Но въ человѣкѣ, понимающемъ свое назначеніе, первая натура его тѣлеснаго организма есть только исходная точка и земное орудіе второй натуры, посредствомъ которой обнаруживается его высшая, сверхъестественная сущность, т.-е. его духовная жизнь. Въ короткомъ промежуткѣ своего земнаго поприща человѣкъ призванъ къ тому, чтобы вырабатывать изъ себя и приводить въ зрѣлость вторую натуру свою, *умственную и нравственную жизнь свою.* Процессъ, по которому чувственная, индивидуальная сущность человѣка, преобразуется и дѣлается *свободною носительницею* духовныхъ явленій, христіанство *обозначаетъ* словами: *обновленіе человѣка Промысломъ Божіимъ*, каковое обновленіе усвоивается съ помощію *вѣры.* Чѣмъ болѣе человѣкъ привязанъ къ своей первой натурѣ, чѣмъ болѣе онъ находится подъ тяжкимъ игомъ чувственности, тѣмъ болѣе онъ чуждается благодати своего высшаго назначенія и нисходитъ на низшую ступень животной лѣстницы. Когда же *религіозное и нравственное воспитаніе* открываетъ просторъ для духовной жизни человѣка, то самая тѣлесная жизнь его озаряется и облагороживается, подчиняясь вмѣстѣ съ тѣмъ верховной власти духа. Въ этомъ-то и состоитъ задача *умственнаго и нравственнаго образованія*, а именно въ развитіи высшихъ, духовныхъ свойствъ человѣка, *наряду съ тѣлесными*, такъ чтобы первыя вошли у него въ привычку и сдѣлались бы его *второй натурой.*

Какъ существу духовному, обладающему способностію свободно располагать своими дѣйствіями и при совершеніи ихъ руководствоваться разумными мотивами, человѣку предстоитъ создавать изъ того, каковъ онъ есть, то, какимъ онъ долженъ быть, ему предстоитъ, такъ-сказать, быть въ одно и то же время и художникомъ и художественнымъ произведеніемъ. Духъ его, ради высшихъ цѣлей, долженъ распоряжаться тѣломъ, какъ вещью, какъ внѣ его находящимся предметомъ. Такъ поступали мученики христіанства. Такъ поступилъ Янъ Гуссъ, восшедшій неустрашимо на пылавшій костеръ, во имя своихъ религіозныхъ убѣжденій. Такъ поступилъ нашъ доблестный простолюдинъ Сусанинъ, принесшій въ жертву свою жизнь за Царя и Отечество.

Такъ ли поступаютъ наши несчастные юноши и дѣвицы, налагающіе на себя руки? Ради какой идеи они добровольно умираютъ? Не высшіе мотивы жизни побуждаютъ ихъ къ столь же роковому, какъ и преступному шагу. Они умираютъ не за вѣру, какъ мученики временъ Діоклетіана; они умираютъ не за отечество, какъ наши храбрецы—охотники въ Севастополѣ, дѣлавшіе вылазки противъ непріятельскихъ траншей; они умираютъ не на службѣ страждующему человѣчеству, какъ врачи, заражающіеся тифомъ и холерою. Нѣтъ, они умираютъ потому только, что у нихъ высшая, духовная натура дѣлается добычею низшей, чувственной, животной. Живя только ради удовлетворенія требованій своего эгоизма и своихъ тѣлесныхъ вожделѣній, думая только о своемъ и не признавая никакой общечеловѣческой солидарности, связывающей всѣ человѣческіе индивидуумы въ одно духовно-нравственное цѣлое, въ идеальные организмы, называемые семействомъ, обществомъ, отечествомъ, церковью и т. д.,—они чуждаются вѣры въ Бога, любви къ ближнимъ и надежды на милосердіе Божіе и на сочувствіе добрыхъ людей, которые всегда были и будутъ рядомъ съ злыми, и эта пустота сердца, это отсутствіе всѣхъ идеаловъ дѣлаютъ ихъ жизнь невыносимымъ бременемъ и мучительною пыткою, отъ которыхъ они освобождаются самоубійствомъ. А что всему этому причина, какъ не полное пренебреженіе нравственнымъ воспитаніемъ и дурные примѣры, заглушающіе въ невинныхъ душахъ всѣ благородныя стремленія, всѣ нѣжныя, возвышенныя чувства, какъ религіозные, такъ и нравственные и интелектуальные идеалы?

Вотъ почему религіозно-нравственное воспитаніе подростающаго поколѣнія составляетъ священную обязанность и безотлагательную потребность нашу, особенно для матерей, а всего болѣе для русскихъ женщинъ. Отцы рѣдко въ состояніи заниматься нравственнымъ воспитаніемъ дѣтей своихъ. Суровая жизнь съ ея неумолимыми требованіями и матеріальныя нужды семейства неудержимо уносятъ ихъ отъ домашняго очага, иногда далеко и надолго. Матери же всегда остаются при дѣтяхъ, кормятъ, поятъ, грѣютъ ихъ, защищаютъ ихъ отъ всѣхъ вредныхъ вліяній, угрожающихъ ихъ нѣжному организму. Вмѣстѣ съ тѣмъ, онѣ первыя развиваютъ священныя искры, сокровенно тлѣющія въ сердцахъ малютокъ, въ видѣ религіознаго, нравствен-

наго, эстетическаго и интеллектуальнаго чувствъ. Только благодаря этому священному огню, который матери должны поддерживать въ дѣтяхъ, отечество можетъ надѣяться, что изъ послѣднихъ выйдутъ будущіе наши Ломоносовы, Суворовы, Сперанскіе, Карамзины, Уваровы и подобные благотворные дѣятели на поприщѣ государственной службы во благо и на славу Россіи.

Женщины часто жалуются на то, что имъ не дано никакого простора къ дѣятельности на поприщѣ общественной жизни, въ государствѣ, въ церкви, въ наукѣ и искуствѣ. Но это заблужденіе. Напротивъ, человѣческая культура и прогрессъ зависятъ въ извѣстномъ смыслѣ отъ женщинъ, ибо въ ихъ рукахъ находится первоначальное образованіе ума и сердца своихъ дѣтей, и въ образованіи сердца, получаемомъ юношествомъ, коренятся условія и духовныя пружины, руководящія судьбой грядущихъ поколѣній. Но для того, чтобъ эта великая задача, возложенная на женщинъ, получила свое осуществленіе, онѣ должны неусыпно заботиться о религіозно-нравственномъ воспитаніи дѣтей; съ другой же стороны, онѣ должны отказаться отъ узкаго воззрѣнія, будто бы цѣль воспитанія мальчиковъ заключается только въ томъ, чтобы сообщить имъ знанія, пригодныя для практическихъ цѣлей жизни и для пріобрѣтенія матеріальныхъ благъ, состоянія, власти, чиновъ и орденовъ, цѣль же воспитанія дѣвицъ въ привитіи къ нимъ мишурнаго лоска и элегантныхъ манеръ, которыя обыкновенно служатъ средствомъ для скораго и выгоднаго выхода за мужъ. Пусть же матери и воспитательницы проникнутся святостью и величіемъ своей задачи и своего призванія. D'Alembert, великій французскій мыслитель, ученый и писатель XVIII вѣка, былъ, какъ извѣстно, незаконнорожденный ребенокъ, подкинутый своей бездушной матерью у домишка бѣдной женщины. Когда онъ выросъ и сдѣлался знаменитостью, то къ нему явилась знатная маркиза и объявила ему, что онъ ей сынъ. «Вы, madame, меня только родили», отвѣчалъ ей съ негодованіемъ D' Alembert, и, указывая на воспитавшую его женщину, прибавилъ: «вотъ моя настоящая мать!» И такъ, не рожденіе, но физическое и умственное воспитаніе даетъ матерямъ право на любовь и уваженіе къ нимъ дѣтей. Могутъ ли же изверги человѣчества, которые подкапываютъ основы его противозаконными стремленіями и дѣйствіями своими и которые подвергаются законному наказанію за свои злодѣянія,—могутъ ли они быть

благодарными своимъ родителямъ за то, что послѣдніе дали имъ жизнь? Конечно, нѣтъ, было не мало примѣровъ того, что преступникъ, въ моментъ наложенія петли на его шею, говорилъ: «еслибы мать дала мнѣ другое воспитаніе, я не попался бы на висѣлицу». Пусть же русскія женщины проникнутся убѣжденіемъ, что воспитаніе имѣетъ цѣлію вложить въ сердца дѣтей сѣмена *добра* и *истины* и согрѣвать ихъ животворящимъ чувствомъ *вѣры*, *вѣрою въ Бога*, какъ всемогущую и премудрую причину всего существующаго, *вѣрою въ человѣчество*, т.-е. въ обязанность интересовъ, связывающихъ всѣхъ людей въ одно цѣлое семейство и въ то общее благо, которому должно подчиняться благо отдѣльныхъ членовъ общества.

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

Для того, чтобы воспитаніе достигало желаемыхъ результатовъ, воспитателямъ необходимо познакомиться съ принципами, законами и правилами его, которые могутъ быть резюмированы въ слѣдующихъ выводахъ изъ всего того, что было сказано въ нашихъ бесѣдахъ.

1) *Образованіе ума.* Наглядное созерцаніе есть незыблемый грунтъ, на которомъ сооружается зданіе мыслей. Прочность мышленія, ясность и точность понятій возникаютъ въ дѣтяхъ только вслѣдствіе воспріятія послѣдними ясныхъ, отчетливыхъ и всесторонніхъ образовъ и явленій внѣшняго и внутренняго міра. Слишкомъ поспѣшный переходъ къ отвлеченному мышленію тормозитъ дальнѣйшее развитіе духовныхъ способностей. Весьма важно для успѣшности умственнаго образованія, чтобы нравственные элементы *вниманія и прилежанія* присоединялись и къ наглядному созерцанію, и къ отвлеченному мышленію, какъ было показано выше. Не менѣе важно соблюдать мѣру при первоначальномъ сообщеніи знанія, не обременять дѣтей слишкомъ большимъ и пестрымъ учебнымъ матеріаломъ.

2) *Образованіе чувствъ, нравственныхъ стремленій и дѣйствій.* Это образованіе достигается сообщеніемъ дѣтямъ ясныхъ и точныхъ понятій о справедливости и различныхъ обязанностяхъ, а также пріученіемъ дѣтей къ постоянству и неуклонному исполненію обязанностей. Для этого необходимо, чтобы дѣти съизмала были пріучены *имѣть власть надъ собою*, и чтобы они, съ самаго момента появленія у нихъ сознанія, были пріучаемы сдерживать свои эгоистическія стремленія, воздерживаться отъ желаній, несовмѣстныхъ съ благомъ другихъ и противостоять наплывающимъ на нихъ стимуламъ и впечатлѣніямъ какъ извнѣ, такъ и извнутри.

Наслажденія, которыя доставляютъ ребенку пища и питье, игры и забавы, не должны уклекать его до такой степени, чтобы онъ безъ вниманія оставлялъ окружающихъ его лицъ, и вожделѣнія низшихъ чувствъ не должны поглощать его вниманіе, необходимое для того, чтобы высшія чувства надлежащимъ образомъ воспринимали явленія духовнаго міра, истинной вѣры, науки и искусства. Необходимо пробудить въ немъ съ ранней поры чувство чести и привести въ его сознаніе, что не слѣдуетъ придавать слишкомъ большую важность тѣлеснымъ потребностямъ и обращать на нихъ слишкомъ много вниманія; слѣдуетъ, напр., внушить ему, что нездорово и недостойно для человѣка слишкомъ долго спать, бояться и заботливо избѣгать дурной погоды, вѣтра, холода и ненастья, и что также недостойно плакать и смущаться при всякой незначительной боли или поврежденіи.

Врачи уже давно замѣтили, что по тому способу, какъ дѣти принимаютъ непріятное лѣкарство, можно судить о дисциплинѣ нравственнаго воспитанія, которое они получаютъ.

Искусство воздержанія и сдержанности, какъ всякое другое искусство, усвоивается не посредствомъ однихъ наставленій и поученій, а главнѣе всего продолжительнымъ упражненіемъ и строго послѣдовательнымъ навыкомъ. Вотъ почему *навыкъ* составляетъ краеугольный камень нравственнаго воспитанія.

Но образовать чувство дѣтей не то, что образовать волю ихъ. Послѣдняя способна руководиться мотивами разума, который указываетъ ей путь, по которому стремленія ея могутъ направляться, коль скоро они не заходятъ за границы, опредѣленныя законами *Божескими и человѣческими*; подобнымъ образомъ разумъ руководитъ волю при выборѣ средствъ, пригодныхъ для достиженія ея цѣлей. Чувство же не подчиняется разуму, но независимо и самобытно господствуетъ въ душѣ.

Родители и воспитатели могутъ пріучать дѣтей къ тому, чтобы они поступками своими не обижали другихъ; но любить другихъ, сочувствовать имъ и быть милосердымъ,—ко всему этому принудить не возможно. «Le sentiment ne se commande pas», говоритъ Жанъ-Жакъ Руссо. Поэтому образованія чувства у дѣтей можно достигать не прямо, а только косвенно.

Подобно тому, какъ несчастныя дѣти бѣдныхъ сословій, дышущія запертымъ, испорченнымъ воздухомъ въ тѣсныхъ, грязныхъ обителяхъ нищеты, подвергаются порчѣ крови подъ ви-

домъ золотухи, англійской болѣзни и разнаго рода накожныхъ болѣзней, такъ дѣти высшихъ сословій, въ нравственномъ отношеніи, вдыхаютъ то благія, то дурныя чувства въ окружающей ихъ средѣ. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи дитя крестьянки, живущей скромно въ деревнѣ, но проникнутой чувствами христіанской чистоты и смиренія,—это дитя посредствомъ примѣра и подражанія можетъ сдѣлаться честнымъ и уважаемымъ членомъ общества, каковыми были Мининъ и Сусанинъ; напротивъ того, барченокъ, выростающій въ роскоши, который съизмала пропитывается ядовитыми испареніями безнравственной среды и который постоянно бываетъ зрителемъ стремленій взрослыхъ, направленныхъ исключительно къ удовлетворенію низшей, грубой, чувственной жизни, — такой ребенокъ, слѣдуя заразительнымъ примѣрамъ, можетъ сдѣлаться *негодяемъ, нравственнымъ уродомъ*. «Ничто лучше не воспитываетъ», говоритъ нѣмецкій педагогъ Вагнеръ, «какъ присутствіе превосходнаго «человѣка; ему не зачѣмъ учить и проповѣдывать; его тихій бытъ «и нравъ суть солнце, которое грѣетъ и свѣтитъ». Дѣйствительно, не подлежитъ сомнѣнію, что духъ благородства и нравственности, которымъ проникнута вся семейная жизнь, дѣйствуетъ благотворно на дѣтей, овладѣваетъ ими почти инстинктивно, какъ неодолимая сила природы. Конечно, поученія и дисциплина также содѣйствуютъ этой цѣли; но гораздо важнѣе и дѣйствительнѣе оказываются примѣръ родителей, ихъ привычки, предметы ихъ радости и горя; особенно же нравъ матерей оставляетъ первое и неизгладимое впечатлѣніе въ сердцахъ дѣтей и образуетъ прочное основаніе ко всестороннему развитію послѣднихъ. Извѣстно, что большинство великихъ людей имѣло матерей, отличавшихся теплотою чувствъ и религіозно-нравственною жизнію, отъ которыхъ первые получали то направленіе, которое въ послѣдствіе привело къ великимъ дѣламъ.

Если что нибудь, кромѣ окружающей среды, въ состояніи возвышать и облагороживать чувство у дѣтей, то это *изящныя искусства*, преимущественно же музыка. Она дѣйствуетъ прямо на сердце, не нуждаясь для этого въ посредничествѣ со стороны разума и воли. Музыка повѣствуетъ въ плѣнительныхъ звукахъ то, что безмолвно кроется въ сердцѣ и томитъ его, а вмѣстѣ съ тѣмъ она пробуждаетъ въ немъ симпатическія движенія. Хорошо сыгранныя симфоніи Гайдена, Бетховена, Моцарта и др. особенно безукоризненно-исполненное церковное пѣніе озаря-

ютъ чувство, сообщаютъ ему невозмутимое настроеніе, въ которомъ смягчается житейская горемычность, умолкаютъ всѣ раздоры сердца и возникаютъ возвышенныя стремленія къ благимъ помысламъ. Все это неотразимо доказываетъ важность музыки, какъ могущественнаго элемента въ дѣлѣ образованія сердца. То же самое можно сказать и о другихъ искусствахъ. Живописецъ изображаетъ задушевную жизнь взоромъ, чертами лица, то яркой краской, то блѣдностію колорита; скульпторъ изображаетъ эту жизнь напряженіемъ мускуловъ лица и членовъ, безмятежною развязностію и тихимъ спокойнымъ положеніемъ членовъ, чѣмъ и вызываетъ эстетическое настроеніе въ зрителѣ. Наконецъ поэзія, это всеобъемлющее, божественное искусство, которое игривостью гармоническаго сочетанія словъ, картинностью образовъ и возвышенностью мыслей обольщаетъ фантазію, согрѣваетъ сердце и открываетъ намъ идеальную сторону жизни и міра. Какъ ботаникъ беретъ одинъ цвѣтокъ изъ безконечнаго міра растеній и, разлагая его на элементы, демонстрируетъ намъ природу растеній вообще; такъ и поэтъ, среди невнятнаго смятенія неудержимо несущейся человѣческой жизни, заимствуетъ одну сцену, одинъ характеръ, часто даже одно настроеніе и ощущеніе, чтобы показать намъ суть и жизнь человѣка. Поэтому искусство составляетъ одинъ изъ существенныхъ элементовъ образованія чувства, который долженъ входить въ систему нравственнаго воспитанія.

Но какимъ бы путемъ и какими бы средствами мы ни хотѣли облагороживать чувства и стремленія въ воспитанникѣ, руководящая идея наша всегда должна быть одна и та же: это *христіанская любовь*, о которой Св. Апостолъ Іоаннъ Богословъ говоритъ: «Богъ есть любовь, и пребывающій въ любви пребываетъ въ Богѣ и Богъ въ немъ.» Задача образованія чувства заключается въ томъ, чтобы, съ одной стороны, понижать діапазонъ врожденнаго воспитаннику чувства эгоизма, а съ другой, повышать въ сердцѣ его великое чувство священной любви, такъ чтобы оно сдѣлалось основнымъ настроеніемъ всей его задушевной жизни. Чувство любви должно управлять имъ въ его отношеніяхъ къ родителямъ, родственникамъ и товарищамъ. Пріучая воспитанника къ справедливости, умѣренности, и постоянству въ его дѣйствіяхъ, мы лучше всего подготовляемъ его къ будущему посту, который онъ долженъ занимать въ обществѣ и государствѣ. А что, если не проповѣдуемая Христомъ любовь

обусловливаетъ сочувствіе къ общему благу, составляющее гранитный фундаментъ, на которомъ зиждется человѣческое общество и жизненный принципъ государства? Когда повиновеніе законамъ не коренится въ этомъ принципѣ и не облагораживается сочувствіемъ общему благу, то проку мало. Безъ этого сочувствія со стороны гражданъ власть не можетъ расчитывать на ихъ радушную, готовую на все энергію. Самое справедливое и мудрое законодательство, которое не поддерживается сочувствіемъ гражданъ къ общему благу, ничего не можетъ создать прочнаго, кромѣ мертвой формы; ибо самые лучшіе законы эгоизмъ лишаетъ истиннаго характера общеполезности ихъ, не соблюдаетъ или ловко обходитъ ихъ ложнымъ толкованіемъ. Истинное сочувствіе къ общему дѣлу заключается *въ самоотверженіи*, во всегдашней готовности подчинять свой интересъ интересамъ общества и отечества.

Истинный *прогрессъ* человѣческаго рода, т.-е. развитіе его физическихъ и духовныхъ силъ, усовершенствованіе его общественныхъ и государственныхъ учрежденій зависитъ по преимуществу отъ нравственнаго воспитанія юношества. Ибо, если умственное воспитаніе указываетъ ей на путь истины и прекраснаго, то нравственное воспитаніе ведетъ ее на путь добра и христіанской доблести. Что нашъ народъ одаренъ могучей нравственной энергіей, о томъ свидѣтельствуетъ исторія его политическихъ судебъ, его непоколебимой стойкости въ тяжкихъ годинахъ татарскаго ига и смутнаго времени. Прогрессъ, совершившійся въ нашемъ народѣ со временъ Петра Великаго, особенно въ благополучное царствованіе нашего мудраго, великодушнаго Царя-Освободителя, поистинѣ изумителенъ, когда мы сравнимъ общественный и Государственный бытъ русскаго народа въ 1575, 1675 и 1775 годахъ съ его общественнымъ и Государственнымъ устройствомъ въ 1875 году. Но чтобы совершившійся прогрессъ упрочился и проникъ въ плоть и кровь нашего народа, слѣдуетъ заботиться неусыпно о его нравственномъ и религіозномъ воспитаніи.

ОПЕЧАТКИ.

Стр.	*Строка.*		*Напечатано:*	*Слѣд. читать:*
1	1	текста	педагогикъ	педагогики
2	1	„	педагогики	педагогика
15	3	„	нравственныя	нравственная
17	1	„	вниманіи	вниманія
18	15	„	дома	дѣтскую
19	3	„	раскаія	раскаянія
23	17	„	самого	самаго
23	25	„	собственного	собственнаго
25	13	„	порядѣ	порядкѣ
26	2	„	третія	третья
36	22	„	освоиваемся	усвоиваемся
41	10	„	подолгу	долго
47	4	„	прислуслугой	прислугой
62	17	„	Ефесеямъ	Ефесянамъ
64	20	„	то достославно	что достославно
77	14	„	наказываются	наказываются тѣлесно